РУССКІЙ АРХИВЪ

1888

4.

Стр.

1. Путешествіе стольника **Петра Андреевича Толстаго** 1697 и 1698 гг. (Морское плаваніе.—Венеція.—Миланъ.—Пасха въ Венеціи)..... 505
2. Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. Его біографія, написанная **А. Л. Зиссерманомъ.** XII — XIV. (1851-й годъ.—Вторженія Шамиля въ Дагестанъ.—Выходъ къ намъ Хажди-Мурата.—1852-й годъ.—Начальство Лѣвымъ флангомъ.—Дѣйствія въ Большой Чечнѣ.—Истребленіе Автура и Гельдыгена.—Малая Чечня.—Смерть Круковскаго.—Чеченскіе плѣнники.—Хаджи-Муратъ.—Сусловъ.—Вревскій.—Переписка съ княземъ Воронцовымъ) 553
3. Изъ Записокъ сенатора **К. Н. Лебедева.** 1852 годъ (Характеритика лицъ, мѣропріятій и событій)..... 617

Стр.

4. Изъ воспоминаній объ А. Н. Островскомъ, его секретаря **Н. А. Кропачева.** (Кончина и похороны.—Замѣтки о дѣятельности по театральному управленію и выписки изъ посмертныхъ его бумагъ)..... 629
5. Княгина Е. П. Кочубей. Замѣтка **Бибиковой** 641
6. Къ аресту герцога Бирона. Распоряженіе Рижскаго генералъ-губернатора графа Ласси. Инструкція господину полковнику Ильину.... 643
7. Острое слово Тютчева..... 643
8. Новооткрытая библіографическая рѣдкость. **П. А. Ефремова**..... 644
9. Записная книжка **графа Павла Христофоровича Граббе.** 1828-й годъ (Турецкая война).....

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1888.

Въ конторѣ **РУССКАГО АРХИВА**

(Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175)

ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА

„НАШЕ ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ“

Сборникъ статей **Николая Михайловича Павлова** (Н. Бицина) 8°. 500 стр. Цѣна въ отдѣльной продажѣ **два** рубля. Для подписчиковъ «Русскаго Архива» 1888 года **одинъ** рубль съ пересылкою. Въ этой книгѣ обсуждены задачи Русской жизни, Русской исторіи и словесности въ царствованіе покойнаго Государя Александра Николаевича.

Тамъ же можно получать новонайденное сочиненіе

ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ:

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ РАДОНЕЖСКАГО.

Съ предисловіемъ П. И. Бартенева и со снимкомъ.

Цѣна 50 к. съ пересылкою.

ФРАНЦУЗСКОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ

MEMOIRES DE LA COMTESSE EDLING

demoiselle d'honneur de Sa Majesté l'Impératrice Elisabeth Alexeevna. Малая 8-ка, 284 стр., на веленевой бумагѣ. Цѣна 3 рубля или 6 франковъ съ пересылкою. Получать можно въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“ (Садовая, д. 175) и на Кузнецкомъ Мосту, въ книжномъ магазинѣ Готье. Въ Петербургѣ на Невскомъ, д. 49, кв. 74 у Л. Ѳ. Зміева. Въ Парижѣ: rue Bonaparte, 28, у Леру (Ernest Leroux).

Полное собраніе сочиненій **А. С. Хомякова**. Четыре тома. Цѣна каждому тому **3** рубля съ пересылкою **3** р. **30** к.

Стихотворенія А. С. Хомякова Новое изданіе. М. 1888. Съ его портретомъ. Цѣна 30 к., съ пер. 35 к.

Стихотворенія **В. А. Жуковскаго**. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **А. С. Пушкина**. Цѣна 40 коп. Въ этотъ сборникъ вошли стихотворенія, которыя появились при жизни поэта, а изъ посмертныхъ только наилучшія и вполнѣ его достойныя.

Стихотворенія **Ѳ. И. Тютчева**. Новое изданіе. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **Н. М. Языкова**. Цѣна 40 коп.

За пересылку каждаго изъ этихъ сборниковъ—5 коп.

Выписывающіе всѣ четыре книжки получаютъ ихъ съ пересылкою за 1 р. 20 коп.

Вед. Ин-т им. Герцена
Журнальный
фонд
57458

ПУТЕШЕСТВІЕ СТОЛЬНИКА П. А. ТОЛСТАГО *).

Сентября противъ 26-го числа, въ 7-мъ часу ночи, пришелъ нашъ корабль изъ-подъ Рувина вѣтромъ между полуденнымъ и восточнымъ. Тотъ вѣтеръ былъ намъ неспособенъ въ надлежащій нашъ путь, и корабль въ то время нашъ шелъ бордами и въ двухъ бордахъ шли. Въ 12 часовъ ушли 50 миль Итальянскихъ и пришли близко земли, которая называется Далмація. Тѣ земли, вышеписанная Истрія и Далмація, Венецкаго князя владѣнія. И какъ увидѣли Далмацкую землю, тогда начала намъ быть великая погода и вѣтеръ въ противность надлежащаго нашего пути, отъ которой погоды спаслись, чтобъ не поломало щеголъ, и не могли долѣ въ путь свой идтить. Также невозможно было за величествомъ вѣтра и на якорь поставить корабль въ морѣ, и тотъ противный вѣтеръ принудилъ насъ идтить назадъ въ портъ, то-есть въ пристанище и, когда мы поворотились назадъ, тогда вѣтеръ почалъ дыхать въ парусы нашего корабля, и тѣмъ вѣтромъ въ 3 часа ушли мы 32 мили Итальянскихъ и пришли въ портъ подъ городъ, который называется Пола, въ той же Истріи, отъ города Рувина 18 миль Итальянскихъ. Въ томъ нашемъ шествіи страхъ намъ былъ пребезмѣрный; къ тому жъ и корабль нашъ былъ мало грузенъ и шелъ таково криво, что пушки съ нашего корабля чертили по водѣ.

Городъ Пола стоитъ на краю моря; строеніе въ немъ все каменное; въ томъ городѣ есть церковь Греческаго закону. Подлѣ того города видѣлъ я нѣкоторое старыхъ лѣтъ зданіе каменное, удивленію достойно, сдѣлано видомъ округло, величествомъ вокругъ 177 саженъ, высотою гораздо высоко, имѣетъ на себѣ въ высоту три окна, которыхъ обрѣтается на томъ зданіи больше 300 оконъ, и сказываютъ о томъ строеніи, что въ древнихъ лѣтахъ построилъ то строеніе нѣкоторый цесарь для того, чтобъ имѣть въ томъ зданіи заперты ядовитые звѣри: львы и пардусы, и бобры, и иныхъ родовъ многое число; и когда во власти цесаря который человѣкъ былъ повиненъ смерти, того человѣка вме-

*) См. выше, стр. 321.

тали въ то вышеписанное зданіе на растерзаніе отъ звѣрей, а со стѣны того зданія смотря тотъ цесарь увеселялся.—Въ томъ портѣ подъ городомъ Полемъ стоялъ нашъ корабль до 28 числа Сентября, а противъ 29 числа Сентября въ полутретьемъ часу ночи изъ того порту нашъ корабль пошелъ полуденнымъ вѣтромъ, а шелъ бордами; въ первую борду въ 3 часа ушли 6 миль Итальянскихъ, и вѣтеръ измѣнился, почалъ быть между Востокомъ и Полуднемъ, которымъ ушли въ 6 часовъ 24 мили Итальянскихъ; изъ того мѣста поворотили въ другую сторону, тѣмъ же вѣтромъ ушли въ пол-два часа и освѣтали, а въ день шли тѣмъ же вѣтромъ пол-пята часа и ушли всего въ 6 часовъ 30 миль Итальянскихъ и пришли въ портъ въ Истріи жъ подъ городъ Фажану, отъ города Полы 3 мили Итальянскихъ назадъ къ Венеціи; а въ путь свой, куда намъ надлежало плыть, не могли, для того что вѣтеръ былъ надлежащему нашему пути противный великій. Городъ Фажана стоитъ на берегу моря, строеніе въ немъ все каменное, селитьбою не великъ; стоялъ нашъ корабль подъ тѣмъ городомъ Фажаною Октября до 1-го числа.

Октября въ 1-й день. Въ 7-мъ часу дня въ исходѣ пошелъ нашъ корабль отъ того города Фажана назадъ къ городу Рувину, для того что вѣтры были надлежащему нашему пути противные, и шли мы къ Рувину 2 часа, а ушли 15 миль Итальянскихъ и до Рувина не дошли за 2 мили Итальянскихъ. Въ томъ мѣстѣ вѣтеръ въ дыханіи измѣнился и почалъ быть надлежащему нашему пути въ способность къ городу Анкону, въ который мы имѣли желаніе плыть, и мы съ того числа поворотили корабль и пошли къ Анкону. Въ то время вѣтеръ настоялъ восточный, что по-итальянски называется Левантій, которымъ мы въ 3 часа ушли 15 миль Итальянскихъ. Въ томъ мѣстѣ измѣнился вѣтеръ, почалъ быть между Востокомъ и Полуднемъ, которымъ вѣтромъ корабль нашъ въ 6 часовъ ушелъ 30 миль Итальянскихъ. Въ томъ мѣстѣ поворотили мы паки на вѣтеръ полуденный и шли тѣмъ вѣтромъ 14 часовъ, а ушли имъ всего 15 миль Итальянскихъ, для того что вѣтры измѣнились въ дыханіи и были непостоятельны. Въ началѣ былъ вѣтеръ именуемый греко, потомъ трамонтасъ, потомъ маистро, потомъ потенто и между ими полу-вѣтры и четверти; а иные часы не было и никакого вѣтру, а когда въ тѣ часы вѣтеръ который и былъ, и то самый малый. И тѣми вѣтрами пришелъ нашъ корабль къ городу за 3 часа до ночи и стали, не доходя Анкона за 4 мили Итальянскихъ, для того что въ портъ, т.-е. въ пристанище, идтить подъ Анкономъ опаслись, потому что вѣтеръ былъ намъ идтить къ Анкону способный и немалый, и засвѣтло было въ портъ войтить не успѣть, а ночью въ малознакомые порты не входятъ: боятся того, чтобъ не

разбить корабля о берегъ или о камень. И мы въ то время на кораблѣ своемъ парусы всѣ подвили и ни одного распущеннаго паруса не оставили, а паче для того всѣ парусы подвили, что въ тотъ часъ увидѣли отъ вѣтровъ сѣверныхъ хмурыя оболока, и опасно было того, чтобъ вдругъ вѣтеръ не напалъ на развитые парусы, отчего, упаси Боже, чтобъ не поломало щеголъ и не учинило порухи кораблю. Въ томъ мѣстѣ стоялъ нашъ корабль на одномъ мѣстѣ безъ парусовъ 3 часа; а якоря въ морѣ въ томъ мѣстѣ не метали, опасались великой фортуны. Въ тѣ три часа была страшная гроза, молнія, градъ и дождь превеликіе, и вѣтеръ почалъ быть восточный великій же, и мы о первомъ часу ночи распустили два паруса и пошли поневолѣ отъ Анкона прочь въ море, умысля такъ, чтобъ идтить намъ до полуночи отъ береговъ прочь въ море, чтобъ ночью близко насъ нигдѣ береговъ не было, а съ полуночи чтобъ поворотиться паки къ Анкону, чтобъ подъ городомъ Анкономъ въ портъ войтить въ день, а не ночью, потому что тотъ портъ имѣетъ въ себѣ мелкую воду и каменье, а намъ онъ мало знаемъ. И съ полуночи начала быть фортуна великая и поворотиться насъ паки къ Анкону не допустила, и во всю ночь бѣжали мы въ море отъ береговъ прочь на сѣверные вѣтры, куды намъ и не хотѣлось, и на утро днемъ бѣжали на тужъ сѣверную сторону до 7-го часа дня и прибѣжали въ Далмацію и вошли въ портъ въ 7-мъ часу дня, а шли тѣмъ портомъ 5 часовъ и пришли подъ городъ, который называется Зара. Тотъ городъ во всей Далмаціи лучшій, ту живетъ Венецкій генералъ, и ночевалъ подъ тѣмъ городомъ Зарою. Поутру стрѣляли мы съ своего корабля изъ пушекъ изъ трехъ меньшихъ, которыя стоятъ наверху въ перилахъ и называются петріери, за почесть генерала, и на кормѣ корабля поставили знамя съ гербомъ Венецкой республики со львомъ, чѣмъ изображаютъ они св. евангелиста Марка, и стояли мы подъ тѣмъ городомъ Зарою до 7-го числа Октября.

Тотъ городъ Зара немалый, строеніе въ немъ все каменное доброе, стоитъ на самомъ краю моря, около его есть горы немалыя. Отъ того города Зары Турецкая граница въ самыхъ ближнихъ мѣстахъ, и Турецкіе города есть близко того города Зары, потому что Далмація граничитъ Венецкое владѣтельство съ Турками. Отъ Зары до Турецкихъ жилищъ верстъ 30 и ближе. Тотъ городъ Зара сдѣланъ изрядною крѣпостью, вокругъ его пропущена вода морская и дѣланъ весь бастіонами, и подъ бастіонами дѣланы во многихъ мѣстахъ подлазы великіе. Въ тѣхъ подлазахъ подѣланы анбары для пороховой казны, тамъ же въ иныхъ мѣстахъ подѣланы кузницы и иныя всякія нужныя потребы къ осадному времени. Въ томъ городѣ по стѣнамъ

и по бастіонамъ безмѣрно много пушекъ зѣло великихъ мѣдныхъ; по тому городу башенъ нѣтъ кромѣ проѣзжихъ воротъ, а ворота не высокіе, равны съ городовою стѣною; а по стѣнѣ и по бастіонамъ подѣланы каменныя малыя караулки круглыя, въ которыхъ только можно по одному человѣку въ караулкѣ вмѣститься. Въ томъ городѣ въ западной церкви видѣлъ я мощи св. Симеона Богопріимца; тѣ его св. мощи лежатъ въ серебряной ракѣ надъ престоломъ высоко; надъ тою ракою сдѣланы изъ мѣди два ангела въ мѣру человѣческаго возраста, которые ту раку держатъ. Тѣ св. мощи зрѣнію человѣческому зѣло удивительны: положены въ ту вышеписанную раку всѣ наги, только имѣютъ малый покровъ бархатный черный, вынизанъ жемчугомъ; тѣмъ покровомъ прикрыты нужныя части его тѣла, которыя безъ покрова быть не могутъ. Св. Симеонъ имѣетъ и нынѣ на костяхъ своихъ и кожу и жилы, только не всѣ имѣетъ власы главные и брады и усы; внутренняя его вся изсохла, и на чревѣ кожу имѣетъ цѣлу. У лѣвой руки на указательномъ пальцѣ имѣетъ много перстней прикладныхъ нынѣ золотыхъ и серебряныхъ. Въ томъ городѣ Зарѣ въ другой западной церкви сказываютъ, что лежатъ мощи трехъ мученицъ Вѣры, Любви и Надежды. Ходилъ я ихъ смотрѣть, и указывали мнѣ, что лежатъ подъ престоломъ; а видѣть св. ихъ мощей невозможно, для того что къ тѣлесамъ ихъ малая сдѣлана скважина, и въ темнотѣ мощей ихъ я не видалъ.

Въ томъ же городѣ Зарѣ есть церковь восточная Греческая во имя св. Пророка Ильи, строенія каменнаго, невелика, а по сторону той церкви придѣлана западная церковь. Стояли мы подъ тѣмъ городомъ Зарою Октября до 7-го числа, а въ 7-й день Октября изъ-подъ Зары пошли, имѣя намѣреніе идтить во владѣніе Гишпанскаго короля въ городъ Баръ. Въ томъ Зарскомъ портѣ, или пристанищѣ, Октября въ 7-й день сошлись мы съ генераломъ-комиссаромъ, который пошелъ изъ Зары зимовать въ городъ Шпалетру въ Далмаціи жъ. Тотъ генералъ плылъ на галерѣ, и какъ мы увидѣли, что та его галера подходитъ близко нашего корабля, и мы за почесть его на нашемъ кораблѣ поставили на кормѣ и на носовой щеглѣ по знамени; также и онъ, почитая насъ, поставилъ у себя на галерѣ на носовой щеглѣ знамя. Потомъ мы, отдавая ему честь на своемъ кораблѣ, стрѣляли изъ девяти пушекъ; также и онъ, взаимно почитая насъ, стрѣлялъ на своей галерѣ изъ осьми пушекъ. Потомъ мы, хотя ему учинить больше почтенія, стрѣляли еще со своего корабля изъ трехъ пушекъ и такъ съ нимъ разъѣхались. И отъѣхали отъ города Зары 18 миль Итальянскихъ и ночевали въ томъ же каналѣ, что̀ и подъ Зарою, для того что тотъ каналъ великъ и вѣтеръ въ то время былъ намъ не спосо-

бенъ, выйтить изъ того каналу однимъ днемъ не могли, а ночевавъ тутъ стояли на томъ мѣстѣ Октября до 9-го числа. А въ 9-мъ числѣ съ того мѣста пошли и шли безъ вѣтру, тянули корабль свой канатомъ въ баркѣ и на греблѣ; потомъ вѣтеръ почалъ быть намъ способный къ надлежащему нашему пути въ городъ Баръ. Тѣмъ вѣтромъ корабль нашъ шелъ въ одинъ часъ по 5 миль Итальянскихъ и по пол-пяти и по четыре и по три и меньше; и такъ мы шли весь тотъ день и ночь всю жъ, а въ сутки отошли отъ того мѣста, гдѣ стояли въ каналѣ, 80 миль Итальянскихъ.

Октября въ 10-й день. Въ начальныхъ часахъ дня вѣтеръ былъ самый малый, и корабль нашъ больше одной мили Итальянской на часъ уйтить не могъ; и такъ шли подлѣ края до 11-го часа того дня, а какъ ночь постигла, и ту ночь шли зѣло тихо, потому что вѣтеръ въ то время былъ самый малый.

Октября въ 11-й день. Пришли мы въ своемъ кораблѣ подъ городъ Корсуль. Тотъ городъ Венецкаго же владѣнія, стоитъ на острову близко берега; строеніе въ немъ все каменное; тотъ городъ не великъ, поставленъ на краю Далмаціи, а къ Далмаціи тутъ пришло владѣніе Рагузскаго князя, и мы не доѣхали до столишнаго Рагузскаго города Дубровника за 60 миль Итальянскихъ отъ Корсули, для того что имѣли мы намѣреніе идтить въ городъ Баръ, чтобъ намъ сподобиться видѣть мощи Великаго Чудотворца Николая и, не дошедъ до города Барлета за 80 миль Итальянскихъ, поворотились мы въ своемъ кораблѣ назадъ, для того что въ сихъ числахъ Турецкіе великіе пять кораблей, которые имѣли на себѣ каждый по 500 человѣкъ янычаръ, заступили намъ дорогу до города Бару; того ради не смогли мы дойтить до св. мощей Чудотворца Николая, а стояли подъ Корсулемъ Октября до 16 числа, а въ 16 число Октября изъ-подъ Корсуля пошли назадъ къ Венеціи тѣмъ же каналомъ, которымъ и подъ Корсуль пришли.

Въ томъ городѣ Корсулѣ видѣлъ я въ монастырѣ вырѣзано изъ дерева тѣло Христово въ мѣру человѣческаго возраста на крестѣ. Сказываютъ, что тотъ образъ распятія Христова дѣло рукъ святаго евангелиста Луки, сдѣланъ зѣло пречуднымъ мастерствомъ; ноги Спасовы прибиты ко кресту однимъ гвоздемъ; крестъ, на которомъ то пресвятое тѣло изображено, четвероуголенъ. Сказали мнѣ о томъ святомъ образѣ, что глава того св. образа сдѣлана не человѣческими руками, но Его святою божественною волею. Когда Лука евангелистъ сдѣлалъ тотъ предражайшій тѣла Христова образъ и размышлялъ о сотвореніи главы Его божественной, и того дни въ размышленіи оставилъ недѣлану до утра, и въ ту ночь образъ главы Его пречистой сдѣлался святою Его божественною волею.

Противъ того вышеписаннаго города Корсуля на горахъ Рагузскихъ видѣлъ я въ костелѣ Римскомъ образъ Пресвятыя Богородицы письма Греческаго подобіемъ такимъ, какъ пишется Смоленскій образъ Пресвятыя Богородицы; а сказываютъ, что тотъ образъ въ то мѣсто, гдѣ нынѣ я его видѣлъ, приплылъ моремъ и изъ того мѣста отношенъ многожды въ прежнее мѣсто, откуду приплылъ, и божественною силою паки въ то мѣсто, гдѣ нынѣ стоитъ, приходилъ невидимо; и чудотворенія отъ того святаго образа и нынѣ бываютъ многія. А какъ мы изъ подъ Корсуля пошли и отошедъ 18 миль Итальянскихъ припала намъ фортуна великая надлежащему нашему пути въ противность, для которой фортуны не могли мы далѣ идтить, стали въ каналѣ въ портѣ, который называется портъ св. Ивана. Въ томъ портѣ стояли до 20 числа Октября, а въ 20-е число Октября изъ того порта пошли и шли тотъ день бордами, а ушли 13 миль Итальянскихъ, и какъ обмеркло и на первомъ часу ночи почалъ быть вѣтръ намъ въ противность, а съ третьяго часа той ночи противная фортуна почала намъ быть великая, и часъ отъ часу вѣтру прибывало и такъ былъ вѣтеръ великъ, что больше того вѣтра мало бываетъ; а засталъ насъ тотъ великій и сильный вѣтеръ между горами, а ночь была темная, и въ то время всѣ мы на кораблѣ были въ превеликомъ смертномъ страхѣ, и еще часъ отъ часу фортуны прибавливалось. Въ то время намъ былъ отовсюды превеликій смертный страхъ: вначалѣ боялись, чтобъ не сломало превеликимъ вѣтромъ арбуръ, т.-е. щеголъ; потомъ опасно было, чтобъ въ темнотѣ ночной не ударить кораблемъ объ землю или о камень; еще страхъ былъ великій не опрокинуть корабля, для того что вѣтеръ былъ нашему пути въ противность и преестественно великъ, а парусы были поставлены въ день по кораблю, какъ обычай есть ставить парусы въ чиненіи лавировъ; превеликимъ вѣтромъ не такъ подавало корабль въ первый путь, какъ его кривило набокъ, и таково криво нашъ корабль шелъ въ то время, что пушками чертило по волнамъ морскимъ, и вода взливалась на верхъ корабля отъ великихъ валовъ. И въ томъ превеликомъ смертномъ страхѣ всю почь препроводили, а въ 21-мъ числѣ Октября пришли въ портъ на островъ, который зовется Лиса подъ село Лису, и стояли въ томъ мѣстѣ до 25-го числа Октября жъ, для того что вѣтры были противные великіе, а въ 25-й день Октября изъ того порту пошли; вѣтеръ былъ намъ противный же, только не великъ, и мы съ 25-го числа сего Октября по 26-е ушли 32 мили Итальянскихъ и противъ 26-го числа всю ночь шли малымъ способнымъ вѣтромъ, а ушли всего въ ту ночь и въ тотъ день 26-го числа Октября 16 миль Итальянскихъ. И пришли въ портъ подъ городъ, который называется Трава, и стояли

въ томъ портѣ подъ тѣмъ городомъ Травою Октября до 28-го числа, а въ 28-мъ числѣ Октября изъ того порта изъ подъ города Травы пошли. Какъ мы въ томъ городѣ стояли, и къ намъ на корабль пріѣзжалъ того города Травы комендантъ и съ женою своею, и за его почесть стрѣляли мы съ корабля своего изъ трехъ пушекъ.

Городъ Трава не малый, построенъ немалыми крѣпостьми и около его со всѣхъ сторонъ вода морская. Строеніе въ немъ все каменное; у соборнаго костела колокольня построена изрядным мастерствомъ каменная; въ томъ костелѣ лежитъ тѣло, сказываютъ, былъ того города Травы епископъ Римской церкви и нетлѣненъ-де онъ ради святаго своего житія, а мнѣ тѣла его не показали, а имя его Іоаннъ, а былъ-де онъ въ томъ городѣ епископомъ послѣ разорванія вѣры Греческой съ Римскою.

И въ 28-мъ числѣ Октября шелъ нашъ корабль способнымъ вѣтромъ до 4-го часа дня, а въ 5-мъ часу почалъ намъ быть вѣтеръ противный и безмѣрно великій и зѣло намъ возбранялъ плыть въ Истрію, и мы хотѣли плыть чрезъ всю Венецкую гольфу во владѣніе папы Римскаго въ портъ подъ городомъ Анкономъ, о которомъ я писалъ и выше сего. И въ маломъ времени тотъ вышеписанный вѣтеръ измѣнился и почалъ быть вѣтеръ намъ способный не великій, и шли мы тѣмъ вѣтромъ до вечера, а въ вечеру почалъ намъ быть вѣтеръ способный въ Истрію гораздо великъ, и шли мы тѣмъ великимъ вѣтромъ способнымъ до полуночи, а съ полуночи вѣтеръ почалъ быть меньше, однакожъ намъ способный, и тѣмъ вѣтромъ шли мы отъ полуночи до свѣту и въ 29-мъ числѣ Октября весь день и приплыли въ Истрію подъ городъ Рувинъ Октября противъ 30-го числа въ ночи и ночевали, не входя въ портъ, для того что намѣреніе имѣли идтить къ Венеціи немедленно, а ушли мы въ 29-й день и въ ночь 29-го же Октября всего отъ города Травы до Рувина 250 миль Итальянскихъ. И ночевавъ подъ городомъ Рувиномъ, Октября въ 30-й день, на первомъ часу дня, отъ города Рувина пошли къ Венеціи и въ другомъ часу дня пришли подъ городъ владѣнія папы Римскаго, который называется Орсеря, и подъ тѣмъ городомъ не стояли, пошли мимо, для того что вѣтеръ намъ былъ способный, и мы спѣшили къ Венеціи. И того жъ числа пришли мы въ Истрію жъ подъ городъ Паренцу и подъ тѣмъ городомъ стали и ожидали способнаго вѣтру, которымъ бы могли придтить въ Венецію, для того что въ Венецію корабли входятъ, усматривая добраго времени; потому что въ Венецкомъ портѣ входъ кораблямъ зѣло труденъ, для того что мѣсто то, которымъ въ Венецкій портъ корабли входятъ, узко и маловодно, и всегда ожидаютъ времени такого, чтобъ вѣтеръ былъ трамонтана, т.-е. сѣверный и между

Сѣверомъ и Востокомъ не великій; и когда вода морская по естественному своему обыклому дѣйствію умножится и пойдетъ къ берегамъ, въ то время кораблямъ свободный входъ бываетъ въ Венецкій портъ. Для того и мы подъ городомъ Паренцою стояли, ожидая такого вышеписаннаго времени, понеже всегда то бываетъ. Хотящіе корабли и марцильяны, и всякіе немалые бастименты, т.-е. суды, идтить въ Венецію, тѣ стоятъ въ Истрійскихъ портахъ подъ Рувиномъ и подъ Паренцою и подъ иными городами; а не дождавъ вышеписаннаго времени, въ Венецкій портъ никакія суды не входятъ, потому что многіе злые случаи кораблямъ и марцильянамъ и инымъ судамъ въ томъ входѣ въ Венецкій портъ случались; и такъ того входу въ Венецкій портъ корабли и марцильяны, и галіасы, и галеры и всякія суды боятся. Когда и, усмотря времени добраго, къ тому порту какое судно поѣдетъ и въ пути вѣтеръ измѣнится или почнетъ быть хотя и способный да великій, тогда, не доходя того мѣста, поворачиваются назадъ и входятъ въ порты, въ которые и не хотѣли; а будетъ поворотиться отъ того мѣста назадъ фортуна кого не допуститъ, и въ то время суды ставятъ на три или на четыре якоря и сохраняются съ великимъ утвержденіемъ, чтобъ въ великій вѣтеръ и близко того мѣста не приступать. Когда и вѣтру великаго не бываетъ, а вода морская умалится, и въ то время въ тотъ Венецкій портъ не входятъ суды большія, для того что ихъ въ томъ входѣ разбиваетъ такимъ случаемъ, что то мѣсто маловодно. И когда на то мѣсто и малымъ вѣтромъ какое судно войдетъ, и вода морская по обыкности своей волнами возносится и опадаетъ и на тѣхъ своихъ волнахъ и судно прилучившееся подымаетъ и опускаетъ, тогда то судно, поднявшися въ высоту и опускаяся съ морскими волнами, ударяется о землю и разбивается, уже не можетъ спастися маловодія ради въ томъ мѣстѣ. А какъ мы стояли подъ городомъ Паренцою, и въ то время Октября въ 30-й день пріѣхалъ въ тотъ городъ Паренцу кавалеръ изъ Венеціи въ суднѣ, которое называется піота, также и тотъ кавалеръ чинъ имѣетъ, который называется піото. Тѣ піоты начальство имѣютъ надо всякими судами, хотящими идтить въ Венецію изъ которыхъ ни есть мѣстъ, и пришедши судно откуда ни есть въ Паренцу хотящее идтить въ Венецію, безъ повелѣнія тѣхъ піотовъ идтить въ Венецію изъ Паренцы не можетъ. И какъ тотъ піотъ въ Паренцу пріѣхалъ, и за его гонеръ въ городѣ Паренцѣ стрѣляли изъ пяти пушекъ и приняли его честно.

Городъ Паренца строенія каменнаго, построенъ надъ моремъ на веселоватомъ мѣстѣ, и около его есть много оливныхъ деревъ садовъ;

пища въ томъ городѣ и хлѣбъ и мясо и овощи дешевле Венецкаго вполы, и домовное строеніе въ томъ городѣ Паренцѣ все каменное.

Октября въ 31-й день. Дошелъ по договору моему съ капитаномъ корабельнымъ срокъ ѣздѣ моей на кораблѣ его, и я съ корабля его Октября въ 31-й день сошелъ, для того что капитанъ на кораблѣ за малую цѣну везть меня до Венеціи не похотѣлъ, и я нанялъ себѣ піоту, далъ за нее 40 дукатовъ Венецкихъ, чтобъ мнѣ въ той піотѣ со всей своей рухлядью доѣхать до Венеціи. И Октября въ 31-й день, какъ я поѣхалъ съ корабля, въ тотъ день со всѣми своими вещами съ корабля убраться не могъ, а перевезъ на піоту того дня небольшія нужныя свои вещи, а иныя вещи оставилъ на кораблѣ; а самъ, съѣхавъ съ корабля, ночевалъ въ городѣ Паренцѣ на дворѣ. А какъ поѣхалъ я съ корабля, и капитанъ, почитая меня, стрѣлялъ съ корабля изъ пяти пушекъ. А Ноября въ 1-й день побралъ я съ корабля въ нанятую свою піоту и послѣднія свои вещи. И стоялъ я въ городѣ Паренцѣ Ноября до 2-го числа, для того что вѣтру дожидался способнаго и для того, что съ капитаномъ, который меня возилъ на кораблѣ, имѣлъ небольшую ссору о провозѣ своихъ вещей. А Ноября во 2-й день въ ночи противъ 3-го числа въ 9-мъ часу поѣхалъ я на піотѣ изъ Паренцы къ Венеціи, и другая піота съ моею піотою изъ Паренцы къ Венеціи поплыла вмѣстѣ, на которой были солдаты Московскіе и люди боярскіе, между которыми былъ и мой человѣкъ. И на 2-мъ часу той ночи припала намъ великая фортуна и разорвала наши піоты розно, что въ маломъ времени не могли другъ друга видѣть; и та піота, на которой ѣхали солдаты и люди наши, видя зѣло великую погоду, поворотилась назадъ въ городъ Паренцу, а ту піоту, на которой я былъ, вырвало отъ берегу въ море, и не могли поворотиться въ городъ Паренцу за величествомъ вѣтра. И былъ я той ночи даже до самаго дня въ такомъ смертномъ страхѣ, что совершенно отчаялися всѣ живота, только призывали себѣ въ помощь Бога да Пресвятую Богородицу. И, какъ я началъ говорить канонъ Чудотворцу Николаю, съ того часу почала та фортуна малиться, и страху почало убавлятися; однакожъ еще былъ страхъ превеликій даже до полудня того Ноября въ 3-й день, и всѣ были въ той піотѣ непрестанно обливаны морскими волнами и сидѣли всѣ въ той піотѣ въ водѣ. Однакожъ того числа на послѣднемъ часу дня пріѣхали въ Венецію, а другая вышеписанная піота стояла въ Паренцѣ до 6-го числа Ноября, а въ 6-мъ числѣ та піота пріѣхала въ Венецію въ добромъ же здоровьѣ. И такъ, слава Богу, скончалъ я свою морскую поѣздку все въ добромъ здоровьѣ, однакожъ видѣлъ много смертныхъ страховъ. А корабль тотъ, на которомъ я по морю ѣздилъ, назывался

корабль св. Елисаветы. И какъ я съ того корабля сошелъ, и капитанъ того корабля Иванъ Лазоревичъ далъ мнѣ о наукѣ моей листъ засвидѣтельствованный за своею рукою и печатью; а въ томъ листѣ пишетъ сице:

«Капитанъ морской корабля св. Маріи Елисаветы Иванъ Лазоревичъ даю знать всѣмъ и всякому особно, а паче кому надлежитъ вѣдать, что въ лѣтѣ 1698-мъ всѣлъ на мой вышеписанный корабль дворянинъ Московскій Петръ Андреевичъ купно съ солдатомъ Иваномъ Стабуринымъ, желая познать плаваніе морское въ корабляхъ и иныхъ судахъ, и былъ отъ меня ученъ дѣлъ морскихъ, т.-е. буссола, а по-славянски маятника со всѣми до него надлежностями, также карты морской, на которой значатся пути морскіе, потомъ имѣлъ прилежаніе познать имена деревъ и парусовъ и веревокъ и всякихъ инструментовъ корабельныхъ и тѣ всѣ вышепомяненныя вещи, надлежащія до навигаціи такъ карту, яко и буссолу и имена вышепомяненныхъ инструментовъ корабельныхъ, тотъ помяненный дворянинъ позналъ добро по обыкновенію нашего моря. Потомъ желалъ видѣть строй кораблей и галеръ во время битвы, чего на всемъ Венецкаго моря гольфѣ обрѣсти въ томъ лѣтѣ не могъ. И будучи тотъ помяненный дворянинъ на кораблѣ моемъ во время сильныхъ вѣтровъ и небезстрашныхъ фортунъ, прикладывался до всякаго порядку корабельнаго съ прилежаніемъ и безстрашіемъ, показуяся во время великихъ навольностей морскихъ и вѣтровъ во всемъ быть способенъ. И паки тотъ же помяненный дворянинъ съ солдатомъ былъ отъ меня посланъ для лучшей практики на Венецкомъ морѣ въ иномъ суднѣ. А для видѣнія галеръ и для обрѣтенія на морѣ бою судилъ я, вышепомяненный капитанъ, тому Московскому дворянину ѣхать и съ солдатомъ на Средиземное море чрезъ Калабрію до Цицилійскаго и даже до Мальтійскаго острововъ, для того что по Венецкой гольфѣ галеръ малое число и не часто плаваетъ. На то вышепомяненное дѣло даю свидѣтельство, что тотъ помяненный дворянинъ въ познаніи вѣтровъ такъ на буссолѣ, яко и на картѣ и въ познаніи инструментовъ корабельныхъ деревъ и парусовъ и веревокъ есть по свидѣтельству моему искусный и до того способный, и для лучшей вѣры сей листъ подписую моею власною рукою и прикладаю мою печать». У подлиннаго листа пишетъ: «Капитанъ Иванъ Лазоревичъ корабля св. Маріи Елисаветы подписую моею рукою, чиня увѣреніе.» У того жъ листа печать капитана морского Ивана Лазоревича на воску красномъ изображена. Тотъ листъ я отъ него принявъ благодарствовалъ ему за его ко мнѣ любовь.

Ноября въ 27-й день. Въ костелѣ св. Марка въ Венеціи поставленъ былъ образъ Пресвятыя Богородицы на большомъ алтарѣ; та

св. икона не велика, малымъ чѣмъ побольше шестилистовой иконы. Написанъ тотъ Пресвятыя Богородицы образъ поясной, а Превдѣчный Младенецъ написанъ въ нѣдрахъ, какъ пишутъ образъ Пресвятыя Богородицы Печерской, письмо Греческое древнее. Сказываютъ Венеціане, что тотъ образъ письма св. евангелиста Луки. И около той св. иконы множество поставлено было свѣчъ восковыхъ возженныхъ въ серебрянныхъ великихъ шандалахъ; всѣхъ ихъ было больше 300 свѣчъ, и между свѣчами поставлены были цвѣты изрядные въ великихъ серебрянныхъ горшкахъ, также и травы всякія благовонныя были поставлены въ горшкахъ же. И стояла та св. икона на томъ мѣстѣ 8 дней до 5-го числа Декабря, а въ тѣ 8 дней непрестанно народъ приходилъ въ тотъ костелъ и во дни и въ ночи, и никогда тотъ костелъ не запирался. Въ томъ же костелѣ въ тѣ дни въ разныхъ мѣстахъ горѣло масло въ лампадахъ, а всѣхъ лампадъ со возженнымъ масломъ больше 1000. Убраны тѣ лампады были изрядными фигурами, и на всякій день изъ тѣхъ 8 дней было въ томъ костелѣ по два казанія; одно казаніе было во время обѣдни, а другое во время вечерни; а сказывали тѣ казанія законники, приходящіе въ тотъ костелъ изъ разныхъ монастырей. Въ тоже время посреди того костела поставленъ былъ крестъ, на немъ образъ тѣла Христова рѣзной; и къ тому св. кресту въ тѣ дни непрестанно съ великою тѣснотою народу приходило множество, тотъ св. крестъ цѣловать всякій желалъ. А то чинятъ Венеціане ради той причины, что-де въ тѣ числа домъ Пресвятыя Богородицы пришелъ въ Ларетъ; другая причина была тому, что въ тѣжъ числа пришла въ Венецію изъ Риму отъ папы Римскаго вѣдомость, чтобъ всѣ католики имѣли постъ, для того что учинился между всѣми христіанскими монархами миръ вѣчный, и того ради Венеціане и чинили постъ и во всѣ 8 дней въ костелъ св. Марка приходили ото всѣхъ костеловъ и изъ монастырей съ процессіями. А процессіи ихъ были такимъ обыкновеніемъ: прежде несутъ двѣ свѣчи восковыхъ на высокихъ подсвѣчникахъ серебрянныхъ, за ними несутъ крестъ, а за крестомъ другіе два такіе жъ подсвѣчники со свѣчами восковыми, и за тѣмъ идутъ духовные Римской вѣры по два человѣка рядомъ, а за ними идутъ мірскіе люди по два жъ человѣка въ рядъ, а всѣ со свѣчами восковыми, а свѣчи всѣ бѣлаго воску, а желтаго воску въ Венеціи, паче жъ во всей Италіи нѣтъ. А людей въ тѣхъ процессіяхъ бываетъ человѣкъ по 100 и больше, а въ иныхъ процессіяхъ бываетъ народу человѣкъ по 500 и больше. А многіе въ тѣхъ процессіяхъ бываютъ честныхъ родовъ люди и, не хотя себя показать чтобъ ихъ люди не познали, ходятъ въ тѣхъ процессіяхъ въ особливыхъ одеждахъ, закрывъ лица свои, а тѣ одежды для такихъ причинъ

нарочно держатъ въ костелахъ, и кто похочетъ тотъ возьметъ ту одежду и надѣнетъ на себя тайно, чтобъ люди не знали его, кто онъ есть, для того что тою одеждою покрываютъ головы и лица свои и ходятъ въ тѣ процессіи въ тѣхъ одеждахъ босы и бичуются, бьютъ себя веревками варовинными по спинамъ, обнажа спины свои до пролитія кровей своихъ, и тѣ веревки, чѣмъ бичуются, обмачиваютъ въ Рейнскій уксусъ, а уксусъ для того нарочно носятъ съ собою въ сосудахъ. Дѣлаютъ то для того, чтобъ раны на тѣлѣ ихъ уксусомъ разъѣдало, и болѣзни бъ имъ терпѣть больше для отпущенія грѣховъ своихъ въ тотъ образъ, размышляя страданія Христова, какъ пострадалъ Господь нашъ безъ грѣха грѣхъ ради нашихъ, и сколько должны мы терпѣть болѣзни тѣлесныя за свои прегрѣшенія. И чинятъ то многіе мужеска полу и женска и честныхъ породъ люди.

Декабря въ 5-й день. За два часа до ночи была въ Венеціи процессія отъ соборнаго костела св. Марка съ тою св. вышепомяненною Богородичною иконою. Въ той процессіи народу было много тысячъ, а шли всѣ со свѣчами восковыми великими и припадали къ той св. Богородичной иконѣ съ великою вѣрою и со слезами. Напереди шли пѣвчіе Венецкаго князя, потомъ дьяконы въ стихаряхъ, за ними несли тотъ Богородицынъ образъ на носилкахъ зѣло высоко; подъ тѣмъ св. образомъ на тѣхъ носилкахъ сдѣлана великая гора серебрянная на трехъ ступеняхъ предивною работою и зѣло богато. А несли тотъ образъ священники Римскіе, за тѣмъ образомъ несъ одинъ законникъ въ сосудѣ часть ризы Пресвятыя Богородицы, другой законникъ несъ въ другомъ сосудѣ нѣсколько власовъ Пресвятыя жъ Богородицы; за ними патріархъ Венецкій въ сосудѣ несъ млеко Пресвятыя Богородицы, а предъ всѣми тѣми святынями шли дьяконы съ кадилами и кадили тѣ помяненныя святыни, а надъ тѣми святынями надъ всѣми несли балдахины изрядные золотные. Съ тою процессіею изъ церкви св. Марка выходили въ южныя двери, а входили въ западныя. Князь Венецкій со всѣми прокураторями въ той процессіи былъ также; кавалеровъ и простаго народу было множество, и носили ту святую икону по площади, которая площадь предъ костеломъ св. Марка съ обѣхъ сторонъ. Декабря противъ 15-го числа въ часъ ночи въ костелѣ св. Марка началась вечерня, для того что у Римлянъ по новому ихъ календарю было въ тотъ день 25-е число Декабря, праздникъ Рождества Христова, и послѣ той вечерни начали и обѣдню. Служилъ ту обѣдню бискупъ и, какъ ту обѣдню начали, въ то время приступилъ къ алтарю самъ князь Венецкій и стоялъ у алтаря на колѣняхъ, услуговалъ бискупу, служащему вмѣсто пономаря. Такой обычай у нихъ бываетъ по вся годы въ навечеріе Рождества Хри-

стова, а въ самый праздникъ Рождества Христова повиненъ всякій попъ Римскій по закону своему отслужить три обѣдни на одномъ престолѣ и въ однихъ сосудахъ; а въ навечеріе Рождества Христова въ костелѣ св. Марка была музыка спѣванная и игранная, всѣхъ спѣваковъ и музыкантовъ было 130 человѣкъ.

Декабря въ 29-й день. Былъ я въ монастырѣ св. апостолъ Петра и Павла, гдѣ живетъ патріархъ Венецкій Римской вѣры. Того дня у Римлянъ бываетъ празднество св. Лаврентію и Юстиніану, и тѣло его лежитъ въ томъ монастырѣ въ костелѣ надъ престоломъ. Въ то время былъ въ томъ монастырѣ князь Венецкій со всѣми прокураторями. Въ томъ кляшторѣ того числа служилъ обѣдню тотъ великій патріархъ и съ нимъ 6 человѣкъ канониковъ, т.-е. архимандритовъ или игуменовъ да протопоповъ и дьяконовъ по два человѣка; а служитъ тотъ патріархъ такъ, какъ и прочіе попы Римскіе, и причащается одинъ, а прочіе сослужащіе съ нимъ не причащаются. Во время той обѣдни бываетъ кажденіе четырежды. Умываетъ руки тотъ патріархъ въ ту обѣдню трижды. Облаченіе того патріарха такое: первое подобно монаховъ Россійскихъ параманту, потомъ стихарь бѣлый, на него эпитрахиль, потомъ поясъ, потомъ поручъ на одну руку, потомъ двугіе два стихаря бѣлые тафтяные, одинъ другаго короче, и потомъ верхняя одежда подобна сакосу, только рукавовъ нѣтъ, и по бокамъ не сшита, потомъ панагея, крестъ съ чѣпью, потомъ подобно діадемѣ, только долга да узка и надѣвается на голову тесьма съ каменьемъ; потомъ шапка, потомъ рукавицы бѣлыя атласныя, потомъ перстень на большой палецъ и, когда приступитъ къ алтарю, тогда рукавицы съ перстнемъ сыметъ, а преже облаченія обуваетъ на ноги чулки бѣлые атласные, по нихъ шито золотомъ.

Генваря въ 1-й день. Видѣлъ я въ Греческой церкви руку св. Василія Великаго; та его св. рука вся цѣла и обдѣлана вся серебромъ подобно тому, какъ бы рукавица была сдѣлана, и противъ ладони вставлено стекло, въ которое стекло цѣлуютъ, гдѣ и я сподобился поцѣловать.

Генваря въ 6-й день. Въ Греческой церкви освященіе водъ бываетъ во всемъ согласно какъ и на Москвѣ; только когда поютъ стихеры, тогда архіерей сидитъ и кажденію въ церкви не бываетъ; а святятъ воды дважды, прежде въ навечеріе, второе въ самый праздникъ св. Богоявленія по отпускѣ литургіи.

Генваря въ 27-й день. Былъ я въ Венеціи въ Армянской церкви, гдѣ Армяне службу свою отправляютъ. Та ихъ церковь сдѣлана каменная власно такъ какъ дѣлаются Римскія церкви, и престолъ какъ у Римлянъ; иконы въ той церкви писаны по полотнамъ, одинъ образъ

Пресвятыя Богородицы Греческаго письма со Предвѣчнымъ Младенцемъ писанъ на доскѣ. На престолѣ въ той церкви свѣчи восковыя бѣлыя въ серебрянныхъ шандалахъ. Въ той ихъ церкви три престола. Обѣдню служилъ того числа ихъ Армянскій шихъ - чернецъ, одежда на немъ мантія и камилавка подобна Греческимъ инокамъ, а клобука нѣтъ и борода не брита, а усъ немного подстриженъ. Армяне того называютъ архимандритомъ. Въ службѣ было на немъ облаченіе: подризникъ бѣлый полотняный, потомъ епитрахиль, потомъ поручи на обѣихъ рукахъ, потомъ ризы золотныя атласныя подобны епанчѣ, и около шеи у тѣхъ ризъ воротникъ высокій, на головѣ шапка подобна Греческимъ архіерейскимъ шапкамъ. Служба ихъ какъ и Римская: служатъ на опрѣснокѣ, а церемонія въ службѣ подобна Греческой церкви. Служили съ нимъ того числа два человѣка дьяконовъ, стихари и орари на дьяконахъ подобны Греческимъ, пѣли обѣдню на крылосахъ 6 человѣкъ въ стихаряхъ. Предъ начатіемъ обѣдни уготованъ потиръ въ закрестьи, т.-е. въ ризницѣ, а Армяне то называютъ жертвенникомъ. Придѣлано то закрестье на правой сторонѣ алтаря; и читали Апостолъ и Евангеліе и по Евангеліи Символъ Вѣры и потомъ Херувимскую пѣснь, и потомъ отъ жертвенника принесъ потиръ дьяконъ на головѣ къ престолу, а тотъ ихъ архимандритъ потиръ отъ дьякона принялъ у престола и, поставя на престолъ, служилъ и причащался такъ власно какъ Римскіе попы и, причащась, раздавалъ антидоръ. А предъ началомъ обѣдни кадилъ кругъ церкви самъ архимандритъ, а дьяконъ кадилъ во время обѣдни шестью, а кажденіе подобно Греческому кажденію. Когда архимандритъ говоритъ въ службѣ «возлюбимъ другъ друга», тогда Армяне всѣ бывшіе въ той церкви другъ друга цѣловали въ плечи, и стояли Армяне въ церкви во время обѣдни въ скуфьяхъ, а иные стояли на колѣняхъ.

206-го года Марта въ 6-й день. Поѣхалъ я изъ Венеціи въ гундалѣ моремъ до города Местра и, пріѣхавъ въ городъ Местръ, ночевалъ въ остаріи, которая осатрія называется остарія Капеля, то-есть постоялый дворъ.

Марта въ 7-й день. Изъ города Местра поѣхалъ въ коляскѣ и пріѣхалъ того числа къ обѣду въ городъ Тривицъ, отъ города Местра до Тривица Итальянскихъ 10 миль. Того же числа отъ Тривица пріѣхалъ ночевать въ городъ Венецкой же державы, который называется Каштельо Франко, отъ Тривица Итальянскихъ 10 миль. Того вышепомяненнаго города Каштелья Франка фортеца каменная старинной работы, не велика, только стѣны гораздо высоки, подобны Московскимъ Кремлевскимъ стѣнамъ; около той фортецы сдѣланъ ровъ шириною саженъ 20, выкладенъ камнемъ и напущенъ полонъ воды.

Строеніе домовное въ томъ городѣ все каменное доброй работы; въ томъ же городѣ костелы изрядные каменные и не съ малымъ богатствомъ; въ томъ же городѣ построенъ домъ Венецкаго кавалера зѣло чуднымъ мастерствомъ и гораздо пространенъ; построены въ томъ домѣ двои палаты, дѣланы гладкою работою, только наверху поставлены рѣзьбы немногія каменныя изъ бѣлаго камени, а стѣны тѣхъ палатъ съ лица писаны изряднымъ Итальянскимъ мастерствомъ живописнаго письма. Ограда около того дому каменная, на которой въ тотъ домъ сдѣланы въ одной стѣнѣ трои вороты для препорціи изрядною работою. По одну сторону того дому построенъ прудъ немалый изрядной, чистой воды полонъ. Внутри вышеписанныхъ палатъ уборы и обитье зѣло богатые и дивные, паче жъ кроватей изрядныхъ и зеркалъ великихъ много предивной работы, а въ иныхъ палатахъ обоевъ никакихъ нѣтъ, а подписаны изнутри преславною Итальянскою живописною работою. Позади того дому построенъ садъ предивный и великій, въ которомъ множество изрядныхъ разныхъ родовъ деревъ съ плодомъ, и травъ благовонныхъ и цвѣтовъ всякихъ въ томъ саду премногое множество. Тутъ же поставлено зѣло много столповъ каменныхъ, имѣющихъ на себѣ вырѣзаныхъ изъ бѣлаго камени подобія человѣческія мужеска полу и женска. Также подобій звѣрскихъ, скотскихъ и птичьихъ много, сдѣланы изряднымъ мастерствомъ, а поставлены всѣ тѣ подобія промежъ цвѣтовъ для украшенія того саду. На срединѣ того саду сдѣлана изрядная фонтана; на задней стѣнѣ ограды, которая ограда каменная сдѣлана около того саду, учинены ворота зѣло пространные, вмѣсто вереи тѣхъ воротъ сдѣланы два столпа каменные толстые четвероугольные дивнаго мастерства, а на тѣхъ столпахъ поставлены вырѣзаны изъ бѣлаго камени два подобія конскія преудивительною работою власно какъ живы и въ мѣру возраста немалой Нѣмецкой лошади. По обѣимъ сторонамъ тѣхъ воротъ въ саду сдѣланы горы насыпаны землею немалыя, длиною саженъ по 20, а на тѣхъ горахъ сдѣланы алтаны каменные изъ желтаго мрамору и обросли всѣ виноградомъ. Верхи на тѣхъ алтанахъ сдѣланы изъ желѣза, также обросли виноградомъ. Лавки и столы въ тѣхъ алтанахъ сдѣланы восьмигранные изъ желтаго жъ мрамору. Въ томъ же саду построены два пруда чистыхъ, изрядныхъ водъ и построены изрядною препорціею, и рыбъ въ тѣхъ прудахъ немало; черезъ тѣ пруды построены мосты каменные изрядные, подъ которые можетъ пройтить немалая барка. По сторонамъ тѣхъ прудовъ подѣланы длинные чуланы досчатые, которые скоро и разобраться могутъ; въ тѣхъ чуланахъ растутъ во весь годъ лимоны и померанцы и иныя изрядныя овощи, винныя ягоды и каштаны, на которыхъ деревьяхъ видѣлъ

я Марта въ 7-й день плодъ: лимоны и померанцы зрѣлые и мало не дозрѣлые и гораздо зеленые и завязь, и цвѣтъ, а всѣ на одномъ деревѣ; и такъ съ того деревья плодъ не сходитъ во весь годъ. Для того вышеписанные чуланы надъ тѣми деревьями сдѣланы, что во время холодныхъ дней въ тѣхъ чуланахъ ставятъ въ жаровняхъ уголья съ огнемъ, чтобы студеность на тѣхъ деревьяхъ плоду не учинила какой въ рощеніи прешкоды, а въ теплое время тѣ чуланы разбираютъ и сносятъ.

Марта въ 8-й день. Изъ города Каштеля Франка поѣхалъ рано, пріѣхалъ въ Венецкій же городъ Штарелю, отъ Каштеля Франка 8 миль Итальянскихъ. Въ томъ городѣ не стоялъ, проѣхалъ его мимо. Тотъ городъ Штареля каменный, фортеца не малая каменнаго древняго строенія, поставлена на осыпи; кругомъ его ровъ шириною саженъ 20, полонъ напущенъ воды. И того жъ числа пріѣхалъ къ обѣду въ Венецкій же городъ Виценцу. Тотъ городъ Виценца зѣло изрядный и великій, фортеца земляная, башни проѣзжія глухія каменныя. Тотъ городъ Виценца зѣло многолюденъ, домовъ въ немъ изрядныхъ каменнаго строенія много, лавокъ въ немъ и товаровъ всякихъ много жъ. Отъ города Штареля до города Виценцы 10 миль Итальянскихъ. Въ томъ же городѣ Виценцѣ костелъ во имя Пресвятыя Богородицы зѣло изрядный, въ томъ костелѣ алтари преудивительной работы, какихъ во всей Италіи мало гдѣ обрѣтается. Въ томъ городѣ Виценцѣ обѣдавъ, поѣхалъ и пріѣхалъ въ остарію, которая называется Литоры Декомфини; отъ Виценцы 13 миль Итальянскихъ. Въ той остаріи ночевалъ.

Марта въ 9-й день. Поѣхалъ изъ той остаріи рано, за четыре часа до дня и, отъѣхавъ отъ вышеписанной остаріи 5 миль Итальянскихъ, за ночнымъ мракомъ, коляску, въ которой я сидѣлъ и со мною, повалилъ фурманъ, который меня везъ, съ дороги въ ровъ зѣло глубокій, гдѣ та коляска поломалась, и для темноты ночной не могли скоро той коляски на свободный путь достать, для того что насъ было только съ фурманомъ двое и по нуждѣ имѣли стоять въ прилучившейся недалеко отъ того мѣста остаріи, которая называется Велянова и, дождався въ той остаріи дневнаго свѣта, поѣхалъ изъ нея рано и пріѣхалъ въ городъ, который называется Верона. Тотъ городъ Венецкой же республики отъ остаріи Веляновы 13 миль Итальянскихъ. Городъ Верона каменный великъ гораздо, имѣетъ въ себѣ много великихъ изряднаго строенія костеловъ и домовъ каменныхъ предивной работы. Въ томъ городѣ мосты каменные чрезъ великія воды изрядныя, и немало тѣхъ мостовъ есть. Верона городъ многолюденъ; около того городу и въ самомъ мѣстѣ садовъ изрядныхъ много, лавокъ и

товаровъ въ томъ городѣ гораздо много. Остаріи, т.-е. постоялые дворы, въ Веронѣ изрядныя. И стоялъ я въ томъ городѣ того числа до полудня, а съ полудня изъ Вероны поѣхалъ гулять около того города Вероны и смотрѣть какъ тотъ городъ построенъ. И строеніе того города Вероны изрядное, около фортецы того мѣста ровъ сдѣланъ зѣло крѣпокъ, также и иныя крѣпости подѣланы изрядныя математическимъ разумомъ и уфортификованъ, т.-е. укрѣпленъ тотъ городъ зѣло изрядно. Пляцъ, т.-е. площадь, въ томъ городѣ Веронѣ зѣло изрядная, и все украшеніе того города чудное и зѣло изрядное.

Того жъ Марта въ 9-й день пріѣхалъ ночевать въ остарію, которая называется Кавалькаселя, отъ Вероны 14 миль Итальянскихъ и въ той остаріи ночевавъ поѣхалъ.

Марта въ 10-й день пріѣхалъ обѣдать въ Венецкій же городъ, который называется Люнато, отъ вышеписанной остаріи 11 миль Итальянскихъ. Тотъ городъ Люнато каменный небольшой и малолюденъ, стоитъ надъ озеромъ, которое озеро называется по-итальянски Лягомъ Дедиженсяго. На томъ озерѣ есть фортецъ немало каменныхъ, изъ которыхъ одинъ городъ пространный, который называется Штырь, однакожъ и тотъ малолюденъ. Отъ того города Штыря недалеко есть фортеца каменная, которая называется Унделіо, древняго зданія; въ иныхъ мѣстахъ и обвалилась; также иныя фортецы есть надъ тѣмъ озеромъ Венецкой же республики. И стоялъ въ городѣ Люнатѣ до полудня, а по полудню изъ того города поѣхалъ и пріѣхалъ ночевать въ городъ Бресь, Венецкой же державы, отъ вышеписаннаго города Люната 15 миль Итальянскихъ. Въ томъ городѣ Бресѣ живетъ генералъ Венецкой республики, и для того генерала построенъ въ Бресѣ домъ каменный зѣло великъ преизрядной работы, и множество въ томъ домѣ палатъ построены пречуднымъ мастерствомъ по препорціи. Тотъ городъ Бресь зѣло великъ, около себя имѣетъ построенъ валъ земляной изрядный крѣпкой работы; сверхъ того валу сдѣлана стѣна каменная, и башни подѣланы по всему валу каменныя жъ по размѣру изрядно, и вся та фортификація изрядная. Въ томъ городѣ домовъ изрядныхъ каменнаго строенія много, также много лавокъ и товаровъ всякихъ, а паче много продажнаго ружья, пищалей, которыя называются физій, и пистолей изрядныхъ. Въ томъ городѣ Бресѣ ремесленныхъ людей много всякихъ, а паче хвалится тотъ городъ Бресь мастерами оружейной и всякой желѣзной работы. Тотъ городъ многолюденъ зѣло. Скрозь его пропущены воды, и подѣланы по улицамъ во многихъ мѣстахъ фонтаны. Въ томъ же городѣ Бресѣ съ пріѣзду отъ Венеціи съ правой стороны сдѣлана фортеца на высокой горѣ каменная самою изрядною крѣпостью. Въ томъ городѣ много великихъ

изряднаго мастерства костеловъ, въ которыхъ изряднаго костельнаго украшенія множество. Величествомъ городъ Бресь мало что не достаточествуетъ самой Венеціи. Стоитъ тотъ городъ близко великихъ каменныхъ горъ, по которымъ горамъ много садовъ изрядныхъ построено; кругомъ того города множество несказанное виноградовъ по полямъ. Въ томъ городѣ харчу всякаго много. И ночевалъ я въ томъ городѣ Бресѣ и изъ него поѣхалъ.

Марта въ 11-й день пріѣхалъ къ обѣду въ мѣстечко Венецкаго жъ княжества, которое называется Паліоцоль, и въ томъ мѣстечкѣ стоялъ въ остаріи до полудня. Отъ Бреси до Паліоцоля 18 миль Итальянскихъ. А послѣ полудня поѣхавъ изъ того мѣстечка, пріѣхалъ того числа ночевать въ городъ Бергамъ, отъ Паліоцоля 13 миль Итальянскихъ и, не доѣзжая того города Бергама, видѣлъ чудную вещь: сдѣлана ограда около саду изъ травы, которая трава растетъ власно какъ стѣна каменная толщиною въ аршинъ, а вышиною отъ земли аршина въ два; по той травной стѣнѣ растутъ изъ той же травы фигуры разныхъ подобій, которая подобіемъ человѣка пѣшаго съ копьемъ или съ протазаномъ или съ саблею, которая подобіемъ человѣка на лошади съ ружьемъ, иная подобіемъ ангела, имѣя крылья, иная подобіемъ жены или дѣвицы убранной по-французски, иная фигура подобіемъ барки съ парусами и съ, веревками, иная власно какъ Венецкая гундала, т.-е. лодка крытая, и на ней человѣкъ съ весломъ; другія подобіемъ фонтановъ разныхъ образовъ; иныя растутъ въ подобіе звѣрское и скотское и птичье разныхъ родовъ, иныя подобіемъ сосудовъ изрядныхъ; а по угламъ того саду изъ той же травы растутъ власно какъ башни, по которымъ растутъ люди въ подобіе солдатъ для сторожи съ ружьемъ. Сія вещь зѣло преудивительная и удивленію достойная, какъ та трава разными изображеніями растетъ.

Городъ Бергамъ Венецкой же державы великій и зѣло изрядный. Стѣны и башни около его каменныя. Въ томъ городѣ костеловъ хорошихъ каменныхъ и домовъ изрядныхъ каменнаго же строенія много, лавокъ и въ нихъ товаровъ много жъ. Скрозь того города течетъ рѣка немалая, которая называется Арно, чрезъ ту рѣку построены великіе мосты каменные. По сторонамъ того города построенъ замокъ или фортеца каменная, и въ ней домовъ каменныхъ много добраго строенія. Въ томъ городѣ Бергамѣ есть отъ Венецкой республики поставлено солдатъ немалое число для опасенія, что тотъ городъ Бергамъ близко Гишпанскаго рубежа; а и кромѣ солдатъ тотъ городъ многолюденъ гораздо и во всемъ строенъ. И ночевавъ я въ Бергамѣ, изъ него поѣхалъ.

Марта въ 12-й день пріѣхалъ на границу Венецкаго княжества съ Гишпанскимъ государствомъ, отъ Бергама 10 миль Итальянскихъ. То мѣсто называется Бергамашка. И переѣхавъ границу, пріѣхалъ до перваго Гишпанскаго города, который называется Каліанико. Тотъ городъ стоитъ на берегу великой рѣки Ады на высокой горѣ. Въ томъ городѣ сдѣланъ домъ надъ тою вышеписанною рѣкою Адою зѣло пречудной работою, на верху горы, и къ той вышепоимянованной рѣкѣ отъ того дому подѣланы сходы каменные пространные дивной работы. По тѣмъ сходамъ и по периламъ поставлены горшки узорочные золоченые, изъ тѣхъ горшковъ растутъ деревья помаранцевыя и лимоновыя и иныхъ изрядныхъ родовъ и цвѣты предивные. Поверху тѣхъ сходовъ передъ палатами посажено много деревъ кипарисныхъ и растутъ зѣло высоко. Къ тому жъ дому сдѣланъ изрядный садъ, въ которомъ пущено зѣло много павлиновъ и павъ. Отъ того мѣста пріѣхалъ того жъ числа къ обѣду въ Гишпанскую остарію, которая называется Форна, отъ Итальянской границы 6 миль Итальянскихъ, и въ той остаріи обѣдалъ и стоялъ до полудня, а съ полудня изъ той остаріи поѣхавъ, пріѣхалъ того числа ночевать въ Медіоланъ отъ вышеписанной остаріи Форны 14 миль Итальянскихъ. Пріѣзжая къ Медіолану начало быть по дорогѣ жило, а не доѣхавъ до Медіолана версты за четыре по обѣ стороны дороги много жилья: построены домы каменные великіе и зѣло изрядные и сады предивные и виноградовъ зѣло много по полямъ, также разныхъ родовъ деревъ плодовитыхъ много въ садахъ и по полямъ. Медіоланъ есть мѣсто великое и зѣло изряднаго строенія и многолюденъ зѣло. Пріѣхавъ я въ Медіоланъ, сталъ въ остаріи, которая называется Тререй, а по-славянски трехъ царей. Та остарія въ Медіоланѣ для пріѣзду форестировъ, т.-е. иноземцевъ, лучшая; въ той остаріи отвели мнѣ палату, которая обита вся атласомъ цвѣтнымъ изряднымъ и убрана уборами дивными, въ которой было двѣ кровати изрядныя съ постелями и одѣялами атласными. Также столы хорошіе и кресла и стулы бархатомъ обитые предивные. И на утро пріѣзду своего въ Медіоланъ, т.-е. Марта въ 13-й день, нанялъ себѣ карету изрядную, въ которой было два возника изрядныхъ; платилъ за нее на день по 9 лиръ, то будетъ Московскихъ денегъ по 20 алтынъ, и въ той каретѣ ѣздилъ въ Медіоланѣ, гдѣ чего хотѣлъ смотрѣть безъ всякаго возбраненія.

Въ началѣ пріѣхалъ въ монастырь св. Амвросія Медіоланскаго и видѣлъ недалеко отъ того монастыря костелъ небольшой изряднаго строенія поставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ святый Амвросій крестилъ св. Августина и брата его и племянника братня съ нимъ и, крестя ихъ, изъ той церкви шелъ Амвросій пѣшъ до своего дому. И нынѣ

тѣмъ мѣстомъ неповинно никому ѣхать въ каретѣ или на лошади, только ходятъ пѣши, и я тою дорогою до костела, гдѣ лежитъ тѣло св. Амвросія, шелъ пѣшъ. Тотъ костелъ древняго строенія: какъ построенъ при животѣ св. Амвросія и до сего времени стоитъ такъ безъ починки подобіемъ Римскихъ церквей; изряднаго строенія и работы дивной много въ томъ костелѣ. Величествомъ тотъ костелъ гораздо не малъ, рѣзьбы древней работы изъ бѣлаго камени въ томъ костелѣ изрядныя. Тѣло св. Амвросія лежитъ въ томъ костелѣ подъ алтаремъ промежъ тѣлъ святыхъ мучениковъ Гервасія и Протасія; и нынѣ мощи св. Амвросія по заповѣданію папы Римскаго никому не показываютъ, а для какой причины то учинено, о томъ никто не вѣдаетъ. При томъ алтарѣ, подъ которымъ тѣ св. мощи лежатъ, построены столпы мраморные зѣло велики и изрядной работы, на которыхъ сдѣланъ надъ алтаремъ покровъ чудной работы. Въ томъ же костелѣ есть столпъ мраморовый, на которомъ поставлено подобіе змѣи мѣдное, то, которое сдѣлалъ въ пустыни пророкъ Моисей для народу Израильскаго отъ угрызенія змѣина на исцѣленіе; а сказываютъ, что то подобіе змѣи принесъ въ Медіоланъ св. Амвросій. То подобіе змѣи переломлено въ трехъ мѣстахъ; а сказываютъ, какъ съимано съ того дерева, на которомъ при Моисеѣ сдѣлано, и въ то тремя переломлено, а и нынѣ переломленныя мѣста спаяны, однакожъ знатны. Величествомъ то подобіе змѣи будетъ длиною аршина въ два, а толщиною мало тоньше руки человѣка нетолстаго. У того костела живутъ попы бѣлые и законники, которые называются Цистернельцы. И сдѣланъ у той церкви для вышеписанныхъ законниковъ монастырь преудивительною работою и зѣло пространенъ. Въ томъ монастырѣ видѣлъ много зѣло чудныхъ писемъ святыхъ Итальянскаго живописнаго изряднаго мастерства и иныхъ изрядныхъ вещей, которыя надлежатъ до уборовъ костельныхъ, о которыхъ писать подробну для умедленія времени оставляю.

Изъ того монастыря пріѣхалъ до костела св. Виктора. Тотъ костелъ пречудной работы и удивленія достоинъ: весь сдѣланъ изъ алебастру рѣзною дивною работою. Въ томъ костелѣ одинъ алтарь сдѣланъ на сторонѣ зѣло преудивительною работою изъ мрамору чернаго преудивительнаго. Тотъ алтарь, сказываютъ, сдѣланъ 28.000 шкудовъ. При томъ костелѣ сдѣланъ монастырь, въ которомъ живутъ законники, которые называются Оливетане. Тотъ монастырь зѣло пространенъ и преудивительною работою устроенъ. Изъ того монастыря поѣхалъ я до церкви мученика Аквилія. Та церковь св. мученика Аквилія, или Акилы, круглая, во всемъ подобна церкви Воскресенскаго монастыря, что́ на Истрѣ рѣкѣ, только при той гораздо мала; древняго строенія, однакожъ изряднаго мастерства. При той церкви по улицѣ стоятъ

столпы каменные великіе, которыхъ тутъ есть 12, высоки зѣло, высѣчены всякій столпъ изъ одного бѣлаго камени зѣло древней работы. Знатно, что въ томъ мѣстѣ въ древнія лѣта было дивное нѣкакое строеніе и отъ многихъ лѣтъ разрушилось; и обвязаны тѣ столпы во многихъ мѣстахъ желѣзомъ; высотою тѣ столпы саженъ по пяти трехъаршинныхъ, а толщиною внизу какъ можно обнять четырьмя саженьми. На тѣхъ столпахъ, исторія повѣствуетъ, былъ построенъ домъ мучителя Максиміана и, когда въ древнихъ лѣтахъ воевалъ Медіоланъ и раззорилъ его весь Федорикусъ Барбароса, въ то время весь городъ Медіоланъ разбилъ и разрушилъ въ немъ всякое строеніе, только оставилъ неразрушенну ту церковь, въ которой лежатъ мощи св. мученика Акилы и вышепомяненные столпы. И до сего времени та церковь и столпы стоятъ безъ починки, а мощи св. мученика Акилы лежатъ въ притворѣ той церкви надъ алтаремъ, въ ракѣ за стекломъ. Тѣхъ св. мощей сподобился я видѣть, и есть всѣ нетлѣнны и зѣло предивны; жилы и кожа на костяхъ нетлѣнны, которыя части его святаго тѣла есть видимы глава и руки и ноги, а другія части св. тѣла его покровенны одеждою. У лѣвой ноги отъ плюсны части немалой нѣтъ, и на томъ мѣстѣ значится кровь запеклась, также на лѣвой сторонѣ шеи, гдѣ мучитель во время страданія его за Христа ударилъ ножемъ, знатно и нынѣ кровь власно какъ новоистекшая. Строеніе въ томъ притворѣ, гдѣ лежатъ тѣ святыя мощи, изрядное и богатое, всякихъ костельныхъ уборовъ много богатыхъ.

Изъ той вышеписанной церкви пріѣхалъ я въ костелъ, который называется ихъ языкомъ Иль-Домо. Тотъ костелъ зѣло чудный и на всемъ свѣтѣ славный. Начатъ тотъ костелъ строить тому нынѣ 312 лѣтъ и еще не достроенъ, а строятъ по вся годы непрестанно. Тотъ костелъ сдѣланъ весь изъ бѣлаго мрамору, не кладено въ немъ ни единаго кирпича и ни простого камени, ни въ стѣнахъ, ни въ сводахъ, снаружи и внутри весь аспидный, и аспидъ избранъ зѣло изрядный, и прибирано, чтобъ не можно было познать, что не изъ одного камени тотъ весь костелъ высѣченъ, и работою преславною построенъ, и такого костела, сказываютъ, великаго и чудной работы кромѣ Римскаго соборнаго костела во всемъ свѣтѣ нѣтъ нигдѣ. Длина того костела безъ мала 200 саженъ, а поперекъ слишкомъ 100 саженъ. Въ томъ костелѣ 92 столпа всѣ бѣлые мраморовые, власно какъ всякій столпъ изъ одного камени высѣченъ. На многихъ изъ тѣхъ столповъ завѣшаны изрядныя шпалеры золотныя преславной Французской работы. Въ томъ костелѣ множество лампадъ серебрянныхъ великихъ и малыхъ.

Въ томъ же костелѣ надъ алтаремъ въ сводѣ сдѣланъ крестъ изъ чернаго желѣза изрядною работою невеликъ, четвероконечный, и въ томъ крестѣ въ серебрянномъ кивотѣ положенъ гвоздь желѣзный, которымъ была прибита ко кресту рука Спасителя нашего Христа; а тотъ гвоздь, сказываютъ, принесъ въ Медіоланъ въ древнія лѣта св. Амвросій Медіоланскій. Богатства въ томъ костелѣ пречуднаго и неудобь-сказаемаго множество въ сосудахъ золотыхъ и серебряныхъ и во всякихъ вещахъ и въ уборахъ костельныхъ, о чемъ подлинно напишется на своемъ мѣстѣ ниже. Тотъ костелъ сдѣланъ весь на рундукѣ, который рундукъ сдѣланъ весь изъ бѣлаго аспиду зѣло дивною работою. Величествомъ тотъ рундукъ зѣло великъ; около его всего будетъ больше 700 саж., а въ высоту 9 ступеней.

Подъ тѣмъ костеломъ подѣланы костелы изрядные хорошимъ мастерствомъ низко. Въ вышепомянутомъ рундукѣ, на которомъ та церковь поставлена, въ среднемъ и нижнемъ костелѣ, лежитъ тѣло арцибискупа Медіоланскаго, который назывался Карло Борамео. Тотъ костелъ, въ которомъ то Карлово тѣло лежитъ, не великъ. Внутри того костела стѣны всѣ обиты аксамитами золотными, сводъ въ томъ костелѣ сдѣланъ изъ серебрянныхъ литыхъ досокъ преудивительною работою и зѣло великимъ богатствомъ. Надъ алтаремъ въ томъ костелѣ сдѣланъ гробъ изъ хрусталей, въ которомъ лежитъ вышеписанное Карлово тѣло. Тотъ гробъ зѣло изрядный, паче жъ преудивительною работою и великимъ богатствомъ строенъ. Тѣло Карлово лежитъ въ томъ гробѣ въ одеждѣ, какъ западнымъ архіереямъ надлежитъ имѣть, а архіерейскія одежды и шапка на немъ по обыкности Римскихъ архіерейскихъ шапокъ. Только обнаженныхъ частей того тѣла голова, одна кость, кожи и плоти на ней нѣтъ, а иныхъ частей тѣла не можно видѣть, для того что весь въ одеждѣ, и на рукахъ надѣты рукавицы атласныя бѣлыя и на ногахъ чулки атласные жъ бѣлые. И совершенно-ль то кости есть въ той одеждѣ или сдѣлано какимъ притвромъ, о томъ знать не по чему; только народъ Римской вѣры зѣло великую вѣру къ тому своему св. Карлу имѣетъ, и сказываютъ, что отъ того его тѣла бываютъ многія чудеса. Изъ той церкви, гдѣ то Карлово тѣло лежитъ, сдѣлано окно въ великую вышепомяненную церковь, и около того окна въ великой церкви сдѣлана рѣшетка мѣдная дивною работою, а то окно сдѣлано для свѣту въ ту нижнюю церковь, гдѣ Карлово тѣло лежитъ, для того что кромѣ того окна въ ту церковь свѣтлости быть не можетъ. Въ великой вышеписанной церкви у столповъ сдѣланы двѣ каѳедры великія, всѣ серебряныя литыя, а по нимъ есть великія чеканныя серебрянныя доски, постав-

лены по мѣстамъ преузорочной работы, также и въ лампадахъ и въ подсвѣчникахъ серебра въ томъ костелѣ неудобь-сказаемое множество.

Какимъ преудивительнымъ мастерствомъ тотъ костелъ сдѣланъ и еще нынѣ строится, того не можно никому подобну описать, и чаю, что еще въ многія лѣта тотъ костелъ не докончится по тому намѣренiи, какъ его желаютъ совершить; а подлинно о томъ костелѣ хотящаго вѣдать отсылаю до читанія Медіоланскихъ печатныхъ гисторій.

При томъ костелѣ живетъ кардиналъ. Того кардинала домъ изрядный и великій, множество въ немъ палатъ и всякаго каменнаго строенія. Въ томъ великомъ костелѣ служатъ попы бѣлые, которые называются канонники, и суть тѣ канонники кавалерскихъ честныхъ родовъ люди, и немало ихъ при томъ костелѣ живетъ. Передъ тѣмъ костеломъ есть площадь, много во всемъ подобна площади, которая есть въ Венеціи предъ костеломъ соборнымъ св. Марка. По сторонамъ того Медіоланскаго соборнаго костела построенъ домъ вицерея Медіоланскаго, великъ гораздо, много зѣло имѣетъ на себѣ палатъ и всякаго каменнаго строенія, сдѣланъ гладкою работою безъ рѣзьбы, однакожъ доброй самой работы. Во время бытности моей въ Медіоланѣ, вицерея Медіоланскаго еще не было; хотя былъ избранъ, только не коронованъ.

Отъ той великой церкви пріѣхалъ я въ шпиталь, т.-е. въ больницу. Тотъ шпиталь сдѣланъ зѣло великъ такимъ подобіемъ: сдѣланъ домъ четвероуголенъ мѣрою въ длину и ширину сажень по полтораста, и вокругъ того дому построены палаты великія въ два жилья въ верхъ. Въ тѣхъ палатахъ всегда лежитъ болящихъ мужеска и женска полу по 1000 человѣкъ. Тѣмъ болящимъ подѣланы кровати хорошія точеной работы, и постели на кроватяхъ подѣланы хорошія съ чистыми бѣлыми простынями, и у всякой кровати подѣланы завѣсы стамедныя вишневыя. Въ томъ шпиталѣ для услуги болящихъ есть 300 человѣкъ мужеска полу и 300 женскаго; въ томъ же шпиталѣ построена болящихъ ради аптека, и есть въ той аптекѣ 4 человѣка доктуровъ и 20 человѣкъ лекарей. У той аптеки сдѣланъ садъ, въ которомъ всякія лекарственныя травы и коренья родятся, тотъ садъ надлежитъ къ тому жъ шпиталю. Въ томъ шпиталѣ есть 14 человѣкъ писарей, которые имѣютъ себѣ особыя палаты и записываютъ приходы и расходы того шпиталя и всякія дѣла потребныя тому шпиталю управляютъ. Въ томъ же шпиталѣ есть палата немалая, и поставленъ въ той палатѣ столъ круглый зѣло великій; около того стола поставлены многія изрядныя кресла. Въ ту палату на всякую недѣлю дважды, т.-е. въ Понедѣльникъ и въ Пятокъ, повинны придтить Медіоланскіе сенаторы и сидѣть за управленіемъ всякихъ того шпиталя дѣлъ;

а строится тотъ шпиталь и всякіе расходы имѣетъ съ наданныхъ ему вотчинъ и имѣній послѣ умершихъ. А кто въ тотъ шпиталь Бога ради что дастъ, тѣхъ дателей всѣхъ персоны пишутъ, и поставлены тѣ персоны съ подписьми въ особой палатѣ, а въ началѣ тѣхъ персонъ поставлена въ той вышеписанной палатѣ персона одного Медіоланскаго купца, который тотъ шпиталь началъ строить и совершилъ отъ своего имяни въ недавнихъ лѣтахъ. А прежде сего былъ шпиталь построенъ королевскою казною невеликъ, и нынѣ тотъ старый шпиталь не раззоренъ, а отданъ къ тому новому шпиталю на нѣкоторыя потребы болящихъ ради, для того что тотъ старый шпиталь построенъ близко новаго шпиталя. Въ томъ новомъ великомъ шпиталѣ построены костелы и каплицы, въ которыхъ по вся дни бываютъ обѣдни больныхъ ради. Того шпиталя палатное строеніе преизрядной работы, кругомъ оконъ предивныя рѣзьбы, также и во всемъ пречудная работа. По сему дѣлу у Римлянъ познавается ихъ человѣколюбіе, какого во всемъ свѣтѣ мало гдѣ обрѣтается. Въ томъ шпиталѣ зѣло изрядный покой и пища и питье болящимъ безъ заплаты, Христа ради; также и лечатъ ихъ безъ платы жъ. Изъ того шпиталя пріѣхалъ я до костела, въ которомъ видѣлъ картины дивныя Итальянскихъ писемъ, которыя покупаны высокою цѣною: за одну картину давано по 20000 филиповъ, и того будетъ по 10000 червонныхъ золотыхъ. Около тѣхъ картинъ подѣланы вмѣсто рамъ доски рѣзныя шириною безъ мала по аршину, на которыхъ вырѣзаны древнихъ лѣтъ гисторіи стараго закону. Тѣ доски преудивительной работы. Также въ томъ костелѣ по стѣнамъ писемъ живописныхъ изряднаго мастерства много, и все строеніе того костела изрядное и удивленію достойно. При томъ костелѣ живутъ бѣлые попы, которые въ томъ костелѣ служатъ по вся дни обѣдни. Изъ того костела пріѣхалъ я въ остарію, въ которой стоялъ я для того, что припалъ часъ обѣда. Того жъ числа по обѣдѣ поѣхалъ я смотрѣть библіотеки великой и видѣлъ въ той библіотекѣ множество книгъ всякихъ языковъ. Въ той же библіотекѣ стоятъ два глобуса великіе. Въ той же библіотекѣ въ особой палатѣ видѣлъ кунштовъ, т.-е. образцовъ изряднаго мастерства рѣзнаго изъ алебастру и изъ разныхъ матерій и лѣпленныхъ изъ гипсу. Тутъ же видѣлъ вырѣзано изъ бѣлаго мрамору подобіе человѣческое и воинскія всякія вещи на одной доскѣ такою пречудною работою, которой никто подробну описать не можетъ; и иныхъ вещей преузорочныхъ рѣзныхъ работъ въ той библіотекѣ множество, о которыхъ нынѣ писать для умедленія оставлю. Въ той же библіотекѣ въ особой палатѣ видѣлъ множество преузорочныхъ писемъ живописныхъ по мѣднымъ и по деревяннымъ доскамъ и по полотнамъ и по разнымъ матеріямъ, о ко-

торомъ мастерствѣ языкъ человѣческій и сказать подробну не можетъ; только для высокости цѣны тѣхъ писемъ напишу здѣсь одну вещь. Есть между тѣми вышепомяненными письмами четыре вещи, написаны на мѣдныхъ доскахъ мѣрою въ высоту и въ ширину по аршину. На одной написанъ элементъ или стихія земля, на другой вода, на третьей воздухъ, на четвертой огонь, и за тѣ четыре вещи курфюрстъ Саксонскій, который и нынѣ есть король Польскій, давалъ по 16000 червонныхъ золотыхъ за каждую вещь и нынѣ радъ ту цѣну дать, только Медіоланцы изъ той библіотеки никакой вещи ни за что не продаютъ. И иныхъ такихъ писанныхъ вещей, которыя стоятъ высокой цѣны, въ той библіотекѣ множество. Построена та библіотека изряднымъ мастерствомъ. Въ той библіотекѣ между палатами сдѣлана фонтана изрядная, изъ которой истекаютъ изрядныя чистыя воды. Въ той же библіотекѣ видѣлъ книгу зѣло велику математицкихъ наукъ, писанную древнихъ лѣтъ, а не печатную, и сказываютъ, что той книгѣ есть 300 лѣтъ, какъ она писана; а цѣну ей сказываютъ великую, что-де имъ давалъ за нее Агличанскій король 8000 червонныхъ золотыхъ. Въ той библіотекѣ видѣлъ книгу писанную Греческимъ языкомъ по холстинѣ, зѣло ветха, и подписано, что той книгѣ, какъ она писана, есть 1635 лѣтъ; и иныхъ древнихъ лѣтъ книгъ, писанныхъ рукою св. Амвросія Медіоланскаго, много. И еще есть въ Медіоланѣ двѣ библіотеки, только тѣ малы при сей вышеписанной библіотекѣ.

Изъ той библіотеки поѣхалъ до костела, въ которомъ видѣлъ гробъ трехъ Персидскихъ царей, которые къ новорожденному Христу Спасителю нашему принесли поклоненіе и дары, а тѣла ихъ, изъ того гробу вынявъ, перенесъ въ Колонію отъ Медіолана 20 миль Итальянскихъ Федорикусъ Барбароса во время раззоренія Медіоланскаго, и нынѣ тѣла ихъ въ колоніи, которыхъ и я видѣть сподобился. Въ томъ же костелѣ видѣлъ золото, которое Персидскіе цари принесли въ даръ Христу при рождествѣ Его спасительномъ. Подобіемъ то золото сдѣлано ефимку, только на немъ изображеніе сдѣлано древнихъ лѣтъ. Въ томъ же костелѣ видѣлъ гробъ сдѣланъ изъ бѣлаго мрамору рѣзною преудивительною работою, а въ томъ гробѣ лежитъ тѣло мученика Петра, который былъ Доминиканскаго закону и въ древнія лѣта замученъ за Христа, и въ мученіи его по повелѣнію мучителя глава его разрѣзана пополамъ, лицо отъ затылка отрѣзано прочь; и до нынѣ обѣ части главы его лежатъ на алтарѣ, а не съ тѣломъ его во гробѣ; и борода и власы и кожа его на головѣ все цѣло, нетлѣнно. Отъ того костела пріѣхалъ въ остарію, въ которой стоялъ для того, что припалъ часъ ночи.

На завтра, Марта въ 14-й день поутру, поѣхалъ я до костела св. Александра. Въ томъ костелѣ видѣлъ пречудную вещь: сдѣлано мѣсто по обыкновенію Римскому, гдѣ священники исповѣдываютъ желающихъ покаянія, а сдѣлано то мѣсто такимъ подобіемъ. У столпа въ срединѣ построено мѣсто гдѣ сидѣть священнику, слушающему исповѣди; надъ тѣмъ мѣстомъ поставленъ Нерукотворенный Спасовъ образъ вырѣзанъ изъ бѣлаго каменя, а по обѣ стороны того мѣста сдѣланы два мѣста, въ которыхъ стоять кающимся, а поверхъ тѣхъ обоихъ мѣстъ поставлены по камню желтаго аспиду; величествомъ тѣ камни въ вышину и въ ширину по аршину; на тѣхъ камняхъ изображены ступени ногъ человѣческихъ подобно такъ какъ въ мягкую новую матерію, въ воскъ или тому подобное вгнетено; а сказываютъ, что тѣ изображенія самыхъ пречистыхъ ногъ Христовыхъ, и принесены тѣ камни въ Медіоланъ съ Синайской горы въ древнихъ лѣтахъ. Тотъ костелъ св. Александра преудивительной работы еще и не совершенъ весь, подписанъ изнутри преславнымъ живописнымъ мастерствомъ. Въ томъ костелѣ при одномъ столпѣ сдѣлана каѳедра вся изъ изрядныхъ каменій преславною работою; въ той каѳедрѣ каменью, яшмы, перелевти, емениты, исабики, хрустали, тумпасы, бирюзы зѣло великіе, также каралковъ бѣлыхъ и красныхъ много. У того костела монастырь сдѣланъ изрядный; въ томъ монастырѣ живутъ законники подобны Езувитамъ, которые называются Театины.

Изъ того костела поѣхалъ до замку или до фортецы, въ которой живетъ генералъ и съ нимъ 500 человѣкъ солдатъ; и къ тому генералу послалъ я просить его о томъ, чтобъ велѣлъ меня пустить въ замокъ, и генералъ прислалъ ко мнѣ одного начальнаго человѣка и велѣлъ меня проводить до замку и увольнилъ мнѣ ходить по стѣнамъ того замку и смотрѣть всякихъ крѣпостей и пушекъ и всякихъ вещей. Та фортеца, т.-е. верхній городъ каменный и стѣны высотою зѣло высоки, отъ земли до зубцовъ имѣетъ быть сажень 20 трехаршинныхъ, а шириною промежъ зубцовъ, еже есть толстота той стѣны, 26 аршинъ; а построилъ ту фортецу король Французскій въ то время когда былъ Медіоланъ подъ его державою. Въ той фортецѣ по стѣнамъ множество пушекъ мѣдныхъ зѣло великихъ и среднихъ и малыхъ, башни подѣланы круглыя изъ грановитаго каменья подобно тому, какъ на Москвѣ сдѣлана Грановитая Государева палата, и на башняхъ много зѣло поставлено пушекъ превеликихъ, изрядныхъ Французской работы. На одной башнѣ сдѣлано подобіе головы человѣческой мѣдное и поставлено высоко на желѣзномъ прутѣ для такой памяти: когда генералъ Гишпанскій измѣнилъ Гишпанскому королю и отдалъ Медіоланъ Французамъ, тогда того генерала паки доставши и

отсѣкли Гишпаны ему голову и поставили ту голову на той вышеписанной башнѣ на колѣ; а какъ отъ многихъ лѣтъ та голова сгнила, и во образъ той генеральской головы сдѣлали мѣдную голову и поставили ее на вѣчную память того измѣнника на желѣзномъ колѣ на той башнѣ. Около того замку рвы напущены воды и глубоки и широки безмѣрно; около тѣхъ рвовъ подѣланы бастіоны земляные зѣло крѣпкіе, и поставлено по нихъ зѣло великихъ пушекъ множество. Въ проѣздахъ до такой фортецы подѣланы неудобь-сказаемыя крѣпости, по осьми мостовъ подземныхъ, которые мосты подѣланы черезъ воды въ осьми проѣзжихъ воротахъ съ одного мѣста, а во всякихъ воротахъ стоятъ караулы, и пушки поставлены великія. Посередь того замку стоятъ на станкахъ двѣ пушки превеликія изрядным мастерствомъ и размѣромъ сдѣланы. Со всѣхъ сторонъ тотъ замокъ утвержденъ и уфортификованъ преславною крѣпостью. Въ тотъ замокъ Французовъ никогда не пускаютъ никакого человѣка. Величествомъ тотъ замокъ имѣетъ быть вокругъ 500 сажень, дворовъ въ томъ замкѣ никакихъ нѣтъ кромѣ генеральнаго и солдатскихъ.

Изъ того замку поѣхалъ я въ городъ смотрѣть домъ, который называется лазаретомъ. Тотъ домъ построенъ за городомъ близко рва, который ровъ сдѣланъ около всего Медіолану. Строеніе на томъ домѣ каменное, сдѣланы вокругъ дому по стѣнамъ палаты въ одно жилье вверхъ. Тѣхъ палатъ будетъ числомъ зѣло много, для того что мѣсто занято подъ тотъ домъ превеликое четвероугольное, а вокругъ его вмѣсто ограды все подѣланы палаты. На срединѣ того дому сдѣланъ костелъ четвероугольный; а сдѣланъ тотъ домъ для того: когда бываетъ въ Медіоланѣ моровое повѣтріе, тогда зараженныхъ моровою язвою вывозятъ изъ города въ тотъ домъ и тамъ ихъ лечатъ и покоютъ, а которые помираютъ въ томъ домѣ, ихъ и погребаютъ. Въ томъ домѣ видѣлъ я одинъ столпъ сдѣланъ изъ бѣлаго камени, на томъ столпѣ съ одной стороны есть язва невелика, отъ той язвы знать по тому столпу внизъ потоки желтые, и сказываютъ о томъ столпѣ, что тотъ столпъ есть такой: котораго году быть въ Медіоланѣ моровому повѣтрію, въ то время изъ той язвы не за малое время до мороваго повѣтрія потечетъ по тому столпу гной власно какъ изъ раны живаго человѣка и течетъ такъ долго, сколько долго будетъ моровое повѣтріе, и потому Медіоланцы и познаютъ, что тотъ годъ будетъ въ Медіоланѣ моровое повѣтріе, какъ увидятъ изъ того вышеписаннаго столпа истекающій гной.

Медіоланъ городъ зѣло великій, многимъ больше Венеціи и многолюденъ безмѣрно. Сказываютъ, Медіоланскихъ жителей есть 500000 человѣкъ кромѣ форестировъ, т.-е. пріѣзжихъ иноземцевъ. Имѣетъ Ме-

діоланъ валъ вокругъ себя зѣло изрядный. Крѣпостей въ Медіоланѣ, костеловъ, монастырей и домовъ предивнаго каменнаго строенія много, а деревяннаго строенія въ Медіоланѣ ничего нѣтъ. Воды пропущены въ Медіоланѣ во многихъ мѣстахъ и немалыя, по которымъ водамъ барки большія могутъ ходить со всякою тамъ живущимъ людямъ потребою.

Медіоланскіе жители, честные люди, также и жены ихъ и дочери-дѣвицы ѣздятъ въ каретахъ, а кареты и возники имѣютъ изрядные. За каретами ходитъ пѣшихъ людей много, подобно Московскому обыкновенію. Деньги въ Медіоланѣ ходятъ особою монетою, червонныя золотыя мѣняютъ на Медіоланскую монету по 14 лиръ за червонный золотой и по 5 солдовъ.

Лавокъ и всякихъ товаровъ въ Медіоланѣ много, а паче много изрядныхъ всякихъ вещей желѣзной предивной работы и ружья: пистолей и фузей изрядныхъ и шпагъ предивныхъ; а купятъ желѣзныя вещи хорошей работы цѣною зѣло высокою.

Въ Медіоланѣ говорятъ всѣ Итальянскимъ языкомъ, только въ маломъ въ чемъ есть отъ Итальянскаго языка отмѣна. Медіоланскіе жители люди добронравные, къ пріѣзжимъ иноземцамъ зѣло ласковые. Хлѣбъ и всякій харчъ въ Медіоланѣ не дорогъ, также и винъ виноградныхъ всякихъ изрядныхъ множество, и купятъ вино дешево. Медіоланскіе жители мужеска полу платье носятъ черное во всемъ подобно платью Венецкому кавалерскому; только и разности, что у Медіоланцевъ назади есть ожерелье власно такое, какъ бывало у Московскихъ однорядокъ; да они мѣшковъ такихъ на рукахъ не носятъ какіе мѣшки носятъ Венеціане, а женскій полъ въ Медіоланѣ носитъ платье во всемъ подобно Голандскому женскому платью, а на головахъ носитъ уборы Французскіе и покрывается флерами.

Улицы и переулки въ Медіоланѣ всѣ вымощены каменемъ, вокругъ верхняго города учинена площадь великая, и никакого строенія ни съ одну сторону того верхняго города нѣтъ, а стоитъ Медіоланъ близко великихъ горъ. Пріѣзжая изъ Бергама въ Медіоланъ, тѣ великія горы будутъ въ правой сторонѣ только въ полуверстѣ, а въ иныхъ мѣстахъ и ближе; а тѣ великія горы называются Альпейскими горами, чрезъ которыя изъ Германіи съ великимъ трудомъ и не безъ страху проѣзжаютъ во Италію. Народъ Медіоланскій смуглой природы мущины и жены; рѣдко гдѣ увидится бѣлой природы человѣкъ.

Описаніе что чего видѣлъ въ Медіоланскомъ соборномъ великомъ костелѣ въ сосудохранительницѣ.

Осмеры сосуды золотые преудивительной работы, вѣсу въ нихъ будетъ золота больше двухъ пудъ.

Доска золотая, на которой выбита персона короля Гишпанскаго. Та доска мѣрою будетъ вышиною въ три четверти аршина, а шириною въ аршинъ, вѣсу въ ней золота 60 фунтовъ.

Ларецъ золотой, который прислала въ Медіоланскій соборный костелъ королева Гишпанская изъ Мадриту. Тотъ ларецъ преславной работы, вѣсу въ немъ золота 20 фунтовъ, и положены въ томъ ларцѣ въ ящикахъ мощи святыхъ многихъ.

Ларецъ хрустальный пречудной работы въ золотѣ, и по немъ ставлены въ золотѣ жъ каменья: яхонты, изумруды и лалы. Сосудовъ серебрянныхъ премногое множество узорочныхъ работъ, между которыми видѣлъ одинъ келихъ или потиръ серебрянный обрѣзанъ весь коралкомъ краснымъ преудивительною рѣзною работою, какой работы нынѣ во всемъ свѣтѣ мало обрѣтается. Серебра въ персеняхъ литыхъ, въ подсвѣчникахъ, лампадахъ больше 100 пудъ. 4 сосуда золотыхъ, въ которыхъ Римляне по обыкновенію своему ставятъ священныя оплатки, надъ которыми обѣдни совершаютъ и ими причащаютъ народъ. Тѣ сосуды изъ рѣзной работы съ алмазами, яхонтами, изумрудами и лалами. 6 сосудовъ той же вышеписанной потребы узорочныхъ изрядным мастерствомъ устроенныхъ изъ разныхъ каменей, изъ хрусталей, изъ тумпасовъ, изъ яшемъ и оправлены золотомъ.

Уборовъ архіерейскихъ западной церкви, шапокъ, ризъ низанныхъ съ каменьемъ зѣло много изрядныхъ, также поповскихъ уборовъ предивныхъ множество.

Пелены узорочныя, которыхъ есть 30, шитыя и низанныя, которыми въ праздники убираютъ алтарь; тѣ пелены такой предивной шитой работы, какой на свѣтѣ лучше нѣтъ; только въ Римѣ одна пелена изъ Медіолану жъ взята къ папѣ. Тѣхъ пеленъ такая преславная въ шитьѣ работа, что отъ одного мѣста за мастерство давано по 5.000 шкудовъ, и описать подлинно той преславной работы, какимъ мастерствомъ тѣ пелены шиты, никто не можетъ.

И иныхъ вещей въ томъ костелѣ предивныхъ множество, которыхъ за множествомъ въ скорыхъ часахъ описать было невозможно.

И того жъ Марта въ 14-й день, по обѣдѣ, изъ Медіолану поѣхалъ до Венеціи тѣмъ же путемъ, которымъ изъ Венеціи ѣхалъ въ Медіоланъ, и пріѣхалъ въ Венецію того жъ Марта въ 19-й день, т.-е. на второй недѣлѣ Великаго поста въ Субботу.

Въ бытность мою въ Венеціи Пасха Римская была по Греческому календарю Марта 21-го дня, а по Римскому календарю Марта въ 30-й день, прежде Греческой Пасхи за 5 дней; а нынѣшняго 206-мъ году Марта 21-го дня было во вторую недѣлю Великаго поста. За недѣлю до Пасхи называется у Римлянъ, паче жъ у Итальянцевъ, недѣля

пальмы, по-славянски недѣля Вай. Въ тотъ день всѣ до костеловъ ходятъ съ вайями, а вайи носятъ плетеныя изрядныя разными фигурами.

Въ Страстную недѣлю, по-римски въ Четвертокъ Великій, патріархъ Венецкій въ монастырѣ св. Апостола Петра, гдѣ живетъ, чинитъ умовеніе ногъ такимъ способомъ. Посреди костела поставленъ бываетъ столъ и покрытъ весь парчею бѣлою. За тѣмъ столомъ по обѣ стороны сидитъ духовныхъ особъ 28 человѣкъ, по 14 человѣкъ на сторонѣ, въ облаченіи священническомъ и дьяконскомъ; и потомъ придетъ патріархъ и начнетъ отправлять обѣдню по обычаю западной церкви и какъ посвятитъ сакраментъ, потомъ отступитъ отъ алтаря и сядетъ въ креслахъ у вышепомяненнаго стола, и принесутъ къ нему два великіе горшка съ бальзамомъ да двѣ сулейки великія оловянныя да двѣ четвертинки маленькія масла деревяннаго, и на томъ столѣ освящаетъ муро. Потомъ святитъ масло и, освятя, всѣ тѣ духовные, которые бываютъ за столомъ, всѣ тѣ помяненныя вещи отнесутъ въ сосудохранительницу, а около тѣхъ духовныхъ особъ идутъ до сосудохранительницы со свѣчами и съ пѣніемъ церковники. И тотъ освященный елей разсылаетъ въ Великую Пятницу патріархъ ихъ по всѣмъ костеламъ. Потомъ паки придетъ ко алтарю и посвятитъ сакраментъ годовой и другіе, которые у нихъ бываютъ въ костелахъ для причащенія мірскихъ людей, и въ то время много бываетъ причастниковъ, которыхъ и причащаетъ самъ патріархъ, и сослужащіе съ нимъ попы и дьяконы въ то время всѣ причащаются и, отпустя обѣдню, разоблачится и надѣнетъ другое облаченіе черное и сядетъ къ креслахъ, и архидьяконъ его начнетъ честь по книгѣ проклятіе еретикамъ, потомъ бываетъ весперъ, т.-е. вечерня, по вечернѣ умовеніе ногамъ: садятся во образъ Апостоловъ 12 человѣкъ въ бѣлыхъ одеждахъ, самыхъ престарѣлыхъ лѣтъ люди мірскіе, а не духовныя особы, изъ больницъ, и того дня они во время обѣдни причащаются. И во время самаго умовенія патріархъ бываетъ въ подризникѣ да въ епитрахили и въ шапкѣ и лентіемъ препоясанъ, умываетъ у всѣхъ сидящихъ по единой ногѣ, поставя лохань съ водою, и умывъ цѣлуетъ ноги не обтирая и какъ поцѣлуетъ потомъ обтираетъ, а въ то время Евангелія не читаютъ и бываетъ молчаніе, а прочитаютъ Евангеліе прежде. И когда придетъ умывать ноги къ тому, который сидитъ во образъ св. Апостола Петра, и у нихъ никакого слова не бываетъ. По умовеніи отходитъ патріархъ изъ костела къ себѣ въ палаты и съ тѣми, которымъ умывалъ ноги; и какъ придетъ въ сѣни свои, тутъ поставленъ бываетъ столъ круглый покрытъ скатертью изрядною, и яства бываютъ поставлены на томъ столѣ изрядныя, и тѣхъ убогихъ, которымъ умывалъ ноги, поса-

дитъ за тотъ столъ по 6 человѣкъ на сторонѣ, а патріархъ стоитъ на срединѣ между ихъ у стола и потчиваетъ ихъ и кормитъ; а прежде самъ патріархъ поднесетъ имъ воды умывать руки и яства передъ ними ставитъ и раскладываетъ и во всемъ имъ служитъ самъ патріархъ, а кормитъ въ то время ихъ рыбою и потомъ даетъ имъ по дукату Венецкой монеты, а Московскихъ денегъ будетъ по 15 алтынъ человѣку, и пойдетъ къ себѣ въ палаты.

Домъ того Венецкаго патріарха великій и палаты его съ изрядными уборами. Двѣ палаты обиты всѣ бархатами съ кружевами изрядными золотными, а четыре палаты обиты всѣ камками, также и въ другихъ палатахъ уборы хорошіе. И отъ того Великаго Четвертка до Великой Субботы у Римлянъ не бываетъ отнюдь нигдѣ благовѣсту ни звону, и часовъ въ тѣ дни въ колокола не бьютъ, а то для того, что у нихъ, говорятъ, такъ вся измѣнишася Сыну Божію страждущу.

Противъ Великаго Пятка въ ночи въ Венеціи бываетъ сице. Съ перваго часа ночи соберется въ костелъ св. Марка множество народу и въ тожъ время придутъ отъ осьми костеловъ съ процессіями; въ тѣхъ процессіяхъ приносятъ образъ Распятія Христова, и за всякимъ образомъ во всякой процессіи бываетъ по 500 человѣкъ и по 1.000 и больше съ великими свѣчами бѣлаго воску съ вожженными, и многіе въ тѣхъ процессіяхъ идучи бичуются зѣло жестоко даже до пролитія крови своей, какъ о томъ писалъ я выше сего, и пришедъ въ костелъ св. Марка, станутъ всѣ на колѣни. И тогда начальный канонникъ съ каѳедры показываетъ народу въ склянишномъ сосудѣ кровь Христову, которая обрѣтается въ Венеціи въ церковной сосудохранительницѣ при костелѣ св. Марка, также показуетъ часть древа креста Христова, и тогда весь народъ падаетъ на колѣни и лицомъ на землю. Въ ту ночь много бываетъ крику бѣснующихся людей въ костелѣ св. Марка. Въ тѣхъ процессіяхъ ходятъ беззазорно самые первые прокуратори Венецкіе. Въ ту ночь законники всѣ Римской вѣры всѣхъ законовъ бичеватися повинны; и какъ тѣ процессіи кончатся, тогда въ томъ св. Марка костелѣ начнутъ честь Евангеліе, и во всю ту ночь изъ костеловъ люди не выходятъ.

Въ Великій Пятокъ такая бываетъ повинность, что отъ костела до костела во весь день ото всѣхъ костеловъ ходятъ за крестомъ со свѣчами человѣкъ по 1.000 и больше мужска и женска полу. Одежды въ то время носятъ черныя, а иные и въ бѣломъ платьѣ бываютъ; у тѣхъ и лица закрыты бываютъ, и на одной сторонѣ нашитъ бываетъ крестъ, а на другой сторонѣ бываетъ нашитъ образъ мертвыхъ человѣческихъ костей. Въ ту Великую Пятницу въ костелѣ св. Марка

цѣлуетъ народъ древо креста Христова и гвоздь отъ терноваго вѣнца, обагренный кровью Его спасительной.

Въ тотъ же Великій Пятокъ за два часа до ночи бываетъ у Римлянъ въ Венеціи погребеніе Христово. Сдѣланъ бываетъ образъ гроба, и изъ костела св. Марка тотъ гробъ выносятъ и носятъ кругомъ площади, а носятъ тотъ гробъ самые Венецкіе первые люди духовнаго чину канонники, т.-е. архимандриты, а патріархъ ихъ въ то время тутъ не бываетъ; а надъ тѣмъ гробомъ носятъ сенатори Венецкіе балдахинъ и, принесши тотъ гробъ паки въ костелъ св. Марка, поставятъ на мѣсто, которое убрано на лѣвой сторонѣ въ томъ костелѣ у стѣны. То мѣсто сдѣлано высоко, и поставленъ гробъ деревянный, обитый литыми досками серебрянными обранной работы предивной; а стѣна костельная, у которой бываетъ тотъ гробъ поставленъ, обита вся бархатомъ золотнымъ по вишневой землѣ, и какъ обнесутъ тотъ гробъ, въ то время въ него поставятъ сакраментъ, и поставятъ у того гроба шесть великихъ вожженныхъ свѣчъ бѣлаго воску и запечатаютъ тотъ гробъ перстіемъ князя Венецкаго.

Въ ночи противъ Великой Субботы изъ всѣхъ костеловъ, что̀ ни есть въ Венеціи, чрезъ всю ночь проходятъ процессіи съ сакраментомъ къ костелу св. Марка и ходятъ кругомъ площади, которая есть у того Маркова костела со множествомъ запаленныхъ свѣчъ. Въ то время на той Марковской площади и по всей Венеціи запалено бываетъ во всѣхъ домахъ у всѣхъ палатъ, по всѣмъ окошкамъ, по двѣ свѣчи великихъ восковыхъ бѣлыхъ на окнѣ, и такая бываетъ отъ тѣхъ свѣчъ свѣтлость паче дневнаго свѣту по всей Венеціи, для того что множество тѣхъ свѣчъ трудно исчислить, и какой въ то время въ Венеціи бываетъ расходъ воску, того невозможно исчислить; а ходятъ тѣ процессіи изряднымъ строемъ и не мятежно, и всю ночь не престанутъ процессіи ходить.

Въ Великую Субботу о полудни вдругъ бываетъ благовѣстъ въ колокола у всѣхъ костеловъ, и который сакраментъ бываетъ поставленъ въ вышепомяненномъ гротѣ и запечатанъ князя Венецкаго печатью, тотъ сакраментъ изъ того гробу вынутъ и, какъ придетъ народъ въ костелъ св. Марка, тогда тотъ гробъ бываетъ отворенъ. Въ ночи противъ праздника св. Пасхи изъ всякаго костела бываетъ процессія, а ходятъ съ тѣми процессіями кругомъ костеловъ, а утреню начинаютъ во всѣхъ костелахъ по полуночи. Въ самый праздникъ Св. Пасхи князь Венецкій былъ у обѣдни со всѣмъ своимъ Сенатомъ въ костелѣ св. Марка. Въ то время музыка была спѣванная и играная дивная; на шести хорахъ въ томъ костелѣ пѣли и играли. Алтарь тогда былъ въ Марковой церкви убранъ самымъ лучшимъ убраніемъ.

Въ то время видѣлъ я сокровище все церковное, которое есть въ церкви св. Марка. Въ началѣ корона или вѣнецъ золотой царя Константина, потомъ 4 шандала великихъ золотыхъ, потомъ 12 вѣнцовъ золотыхъ литыхъ, потомъ 18 уборовъ золотыхъ съ жемчугомъ и каменіемъ; а тѣ 12 вѣнцовъ и 18 уборовъ были дѣвицъ царицы Елены, матери царя Константина. А кладутъ тѣ св. вещи въ церкви св. Марка на алтарь для украшенія. Тутъ же шандаловъ великихъ серебрянныхъ и кувшиновъ великихъ же серебрянныхъ было поставлено множество; тутъ же было кадило золотое, которое взято въ Венецію изъ Іерусалима изъ церкви Соломоновой. Того числа въ томъ костелѣ св. Марка играла музыка вдругъ въ одинъ тактъ на 6 органахъ на рѣзныхъ хорахъ. Того жъ числа въ 1-й часъ пополудни былъ князь Венецкій въ костелѣ св. Марка, слушалъ казаніе, которое сказывалъ, стоя на каѳедрѣ, попъ бѣлый зѣло предивно Итальянскимъ языкомъ. И по томъ казаніи князь Венецкій ходилъ въ монастырь св. Захарія, въ которомъ живутъ инокини Римлянки и называются Бенедиктіанки, шелъ до того монастыря моремъ въ золоченой баркѣ, а гребцы его были убраны изрядно въ бархатныхъ кафтанахъ. Передъ нимъ везли шапку его, которую они называютъ короною; та шапка обшита бархатомъ червчатымъ, и по ней много каменію: великихъ яхонтовъ и изумрудовъ и лаловъ. И какъ пришелъ князь въ тотъ монастырь и вшелъ въ костелъ, тогда начали весперъ, то-есть вечерню. Въ то время играли въ томъ костелѣ на однихъ органахъ и пѣли спѣваки князя Венецкаго, и какъ по вечерни изъ того костела князь пошелъ и, оборотясь къ рѣшеткѣ, за которою желѣзною золоченою рѣшеткою стояла по обыкновенію своему того монастыря начальница и законницы съ нею, показалъ имъ князь вышепомяненную свою шапку, которую короною называютъ. То видя, начальница и законницы всѣ поклонилися князю, и поднесла ему начальница цвѣтокъ изрядный обдѣланный золотомъ и серебромъ волоченымъ; также и всѣмъ сенаторамъ, которые тамъ за княземъ были, подносили тѣ законницы на серебряныхъ блюдахъ цвѣты. Такъ по вся годы князь Венецкій повиненъ въ день св. Пасхи придтить въ тотъ помяненный монастырь къ вечернѣ и показать ту помяненную свою шапку того монастыря начальницѣ и законницамъ, для того что ту шапку сначала сдѣлала въ древнихъ лѣтахъ преждебывшимъ князьямъ Венецкимъ того монастыря древле бывшая начальница, и бываетъ та шапка всегда въ сосудохранительницѣ у костела св. Марка.

Марта въ 25-й день, т.-е. въ день Пятка, въ праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, былъ я у литургіи въ Греческой церкви. Въ то время въ той церкви служилъ митрополитъ. Начало той святой

литургіи было не такъ, какъ обыкновеніе бываетъ въ Греческихъ церквахъ и въ Россійскихъ: началъ ту святую литургію подобіемъ начала обѣдни Златоустовой, а не вечернею, токмо едину литургію безъ вечерни съ блаженными, а вечерня у нихъ въ тотъ день была въ свое время. Въ той помяненной Греческой церкви св. Георгія во всѣ преждеосвященныя обѣдни, когда поютъ «да исправится молитва моя», тогда священники и народъ стоятъ просто, а не на колѣняхъ и главъ не наклоняютъ нимало, и поклоновъ земляныхъ не бываетъ въ четыредесятницу во всю. Которые Греки мужеска и женска полу сподобятся быть причастниками пречистыхъ Божественныхъ Тайнъ, тѣ причащаются прежде литургіи тѣми Божественными Тайнами, которыя оставляются въ годъ, а не отъ служенія того дня.

Апрѣля въ 21-й день, т. е. по старому Греческому календарю въ Великій Четвертокъ, въ Греческой церкви было умовеніе ногъ по литургіи власно такъ и ничѣмъ неотмѣнно какъ бываетъ въ Россійскомъ государствѣ. Умывалъ ноги митрополитъ священникамъ; мѣсто для умовенія было сдѣлано высоко среди церкви и обито коврами; на томъ мѣстѣ поставлено было на сторонѣ по 6-ти креселъ обитыхъ зеленымъ бархатомъ, а митрополитово мѣсто было на срединѣ поставлено лицомъ на Западъ, и въ началѣ былъ поставленъ образъ Спасовъ, а вмѣсто Іуды сидѣлъ мірской человѣкъ вѣры Римской: такой у нихъ есть въ томъ обычай, что они въ тотъ образъ нанимаютъ мірскаго человѣка, даютъ ему плату. Одежда на немъ была одинъ стихарь, и прежде всѣхъ умоетъ ему ноги митрополитъ.

Въ Пятокъ Великій царскіе часы были въ той Греческой церкви позднѣе того, какъ въ тотъ день бываютъ на Москвѣ, и вечерня была того дня въ тожъ время безъ расходу, и въ началѣ вечерни былъ гробъ Господень подъ балдахиномъ чернымъ, а гробъ былъ сдѣланъ на четырехъ столпахъ рѣзныхъ золоченыхъ, кровля сдѣлана власно какъ у самого гроба и покрыта чернымъ бархатомъ. И какъ начали пѣть стиховну, въ то время митрополитъ со священниками вынесли сѣверными дверями образъ снятія со креста на плащаницѣ и положили во гробъ, и потомъ было цѣлованіе.

Въ Великую Субботу утреня была за два часа до дня; когда пѣли «Блаженни непорочны» и припѣвы, тогда всѣ бывшіе въ той церкви стояли со свѣчами; потомъ славословіе, и по славословіи, гробъ Господень съ плащаницею поднявъ, митрополитъ со священниками обнесли внутрь церкви трижды и во всемъ внесли въ царскія двери. Тогда у всего народу были свѣчи вощаныя великія бѣлыя. А носили тотъ Господень гробъ-то внутрь церкви, для того что въ то время былъ великій дождь и громъ и молнія; а когда на сей день дождя не

бываетъ, тогда гробъ Господень съ плащаницею носятъ у нихъ кругомъ церкви. И какъ гробъ Господень отнесли въ алтарь, потомъ было чтеніе паремьи и Апостола и Евангелія; челъ самъ митрополитъ, а канона не говорили и сказали, что у нихъ канонъ въ Великую Субботу не поется, ни цѣлованія плащаницы на утрени не было, и во всю страстную седьмицу въ той Греческой церкви на часахъ Евангелія не читали, и сказываютъ, что у нихъ никогда Евангелія на часахъ не читаютъ, и въ Среду Великую прощенія у нихъ не было. Въ ту святую Великую Субботу было въ то время въ Греческой церкви освященіе масла, для того что у нихъ въ Великій Четвертокъ масла не освящаютъ; святилъ масло митрополитъ и съ нимъ шесть человѣкъ священниковъ, а стоялъ митрополитъ во время елея освященія во амофорѣ, а не у стола, на которомъ масло стояло, стоялъ на своемъ мѣстѣ; также и священники стояли не въ ризахъ, въ однихъ эпитрахиляхъ по своимъ мѣстамъ, гдѣ и по вся дни становятся слушать пѣнія. И по освященіи было всему народу бывшему тогда въ той церкви помазаніе масломъ, и потомъ безъ расходу и литургію начали. Служилъ одинъ священникъ съ дьякономъ и, когда во время литургіи начали пѣть «Воскресни Боже, суди земли», въ то время былъ звонъ; а во всю седьмицу страстную въ той Греческой церкви звону не было: всегда на пѣніе били въ клепало.

Апрѣля въ 24-й день, т.-е. въ недѣлю Святыя Пасхи по Греческому календарю, у помяненной Греческой церкви въ утрени былъ благовѣстъ за три часа до свѣту, а утреню начали въ полчаса дни. Прежде утрени, какъ облачался митрополитъ и вышелъ изъ алтаря со свѣчею и сѣлъ въ креслахъ въ царскихъ дверяхъ, и весь народъ, который въ то время въ той церкви былъ, приходили къ нему зажигать свои свѣчи отъ него; а чинятъ то во образъ того, какъ сходилъ огонь съ небеси въ день Воскресенія Христова во Іерусалимской церкви. И потомъ выходъ изъ церкви былъ съ иконами въ западныя двери; и у тѣхъ же дверей, проговоря начало, паки вошли въ церковь тѣми жъ дверьми и начали пѣть канонъ, а митрополитъ въ то время сидѣлъ со Евангеліемъ на своемъ мѣстѣ, на сторонѣ къ алтарю бокомъ, и началось цѣлованіе. Духовные во уста не цѣлуютъ, а мірскіе цѣлуются во уста. И по утрени безъ расходу и литургія была; служилъ литургію митрополитъ самъ и съ нимъ 10 человѣкъ священниковъ да архидьяконъ и дьяконъ. Во время той литургіи Святое Евангеліе чли священники и дьяконъ и архидьяконъ, не чли въ алтарѣ, челъ самъ митрополитъ да въ церкви четыре человѣка священниковъ читали порознь. По чтеніи Евангелія былъ звонъ во время причастія и послѣ

причастія, и по отпускѣ литургіи стрѣльба была у той церкви изъ пушекъ. Обѣдню того числа отпѣли въ третьемъ часу дня.

Въ туже недѣлю Святой Пасхи вечерню служилъ въ той церкви самъ митрополитъ, облачался среди церкви, Евангеліе челъ въ алтарѣ, а священники чли въ церкви такъ же какъ и во время литургіи, и на каждомъ возгласѣ звонили въ колокола и били въ клепало; а какъ прочли Евангеліе, тогда былъ звонъ великій и стрѣльба изъ пушекъ у той церкви и цѣлованіе было такъ же, какъ и во время утрени; и какъ отпустили вечерню, паки былъ звонъ великій въ колокола и стрѣльба изъ пушекъ и изъ мелкаго ружья была немалая.

Мая въ 1-й день. У Римлянъ по ихъ календарю прилучился быть праздникъ Вознесенія Христова, а въ Венеціи есть обыкновеніе такое по вся годы: въ день Вознесенія Христова князь Венецкій со всѣмъ сенатомъ ходитъ обручать море, и нынѣ ходилъ такимъ поведеніемъ. Поѣхалъ изъ Венеціи въ большой галерѣ, которая стоитъ на арсиналѣ вся рѣзная золоченая, кровля вся обита бархатомъ червчатымъ съ кружевами золотными. На той же галерѣ съ княземъ Венецкимъ ѣхалъ патріархъ Венецкій и весь магистратъ. Напереди ѣхали трубачи и, отъѣхавъ за Венецію за портъ, который зовется Лида, вышли въ море полверсты, и тутъ принципъ, т.-е. князь Венецкій опустилъ въ море перстень св. Евангелиста Марка на снуркѣ и, вынявъ его изъ моря, въ его мѣсто кинулъ въ море другой перстень безъ снурка и, оттолѣ поворотясь, пришелъ въ монастырь св. Николая, который монастырь близко острова Лиды, живутъ въ немъ Доминиканы. Въ томъ монастырѣ слушалъ обѣдню. А какъ плыли князь Венецкій съ патріархомъ и съ сенатомъ мимо острова Лиды, въ то время на томъ острову стрѣльба была изъ пушекъ и изъ мелкаго ружья великая; а какъ шелъ князь Венецкій обручать море изъ Венеціи, въ то время со всѣхъ кораблей и съ венеціановъ, и съ фрегатовъ, и съ галеръ, и съ тартанъ, и съ иныхъ судовъ, которыя стоятъ при самой Венеціи, стрѣльба была изъ пушекъ великая: стрѣляли, отдавая почесть князю Венецкому. За княземъ Венецкимъ и для гулянія въ то число народу было на морѣ мужеска и женскаго полу множество великое въ гундалахъ, въ піотахъ и въ иныхъ мелкихъ судахъ, между которыми многія піоты и гундалы были безмѣрно уборны, покрытыя бархатами изрядными съ кружевами золотными, а иныя также подъ камками и иными изрядными парчами работы рѣзной предивной, всѣ золоченыя съ зеркалами великими; также и внутри тѣхъ судовъ постланы шпалеры, а въ иныхъ бархаты и иныя изрядныя парчи; и гребцы были также въ уборахъ изрядныхъ золотныхъ и въ бархатныхъ кафтанахъ. А то обрученіе моря у Венетовъ начало чиниться изъ древнихъ лѣтъ

по благословенію Александра Третьяго, папы Римскаго по такому случаю: тотъ помяненный папа Александръ по нѣкакой враждѣ съ цесаремъ Римскимъ изгнанъ былъ изъ Риму и пришелъ тайно въ Венецію и тутъ былъ познанный и принятъ въ лицо папы, за что тогда бывшій цесарь Римскій, увѣдавъ то, войну началъ чинить съ Венеціанами и прислалъ рати свои въ ближнія мѣста къ Венеціи къ городу Местру, гдѣ у цесарцевъ съ Венеціанами и бои были, на которыхъ бояхъ Венеціане, цесарцевъ побивъ, взяли въ Венецію цесарскаго сына и не хотѣли отдать доколѣ цесарь самъ въ Венецію не придетъ и не учинитъ покою съ папою Александромъ, чѣмъ былъ отъ Венетовъ цесарь приневоленный пришелъ въ Венецію и смирился съ помянутымъ папою Александромъ, взялъ отъ него прощеніе въ Венеціи въ костелѣ св. Марка и, сына своего взявъ у Венетовъ, отъѣхалъ въ свое надлежащее мѣсто, а папа Александръ по прежнему съ честью отпущенъ изъ Венеціи въ Римъ. И отъ того времени тотъ папа Александръ учинилъ Венеціанъ господами моря Медитеранскаго, т.-е. Бѣлаго и на память той вещи велѣлъ Венеціанамъ чинить по вся годы обрученіе моря.

На вышепомяненной княжеской галерѣ, на которой онъ ходилъ съ патріархомъ и съ сенатомъ своимъ обручать море, было гребцовъ 60 человѣкъ въ изрядныхъ уборахъ золотныхъ.

Венеціане люди умные, политичные, и ученыхъ людей зѣло много; однакожъ нравы имѣютъ видомъ не ласковые, а къ пріѣзжимъ иноземцамъ зѣло пріемны. Между собою не любятъ веселиться и въ домы другъ къ другу на обѣды и на вечеры не съѣзжаются, и народъ самый трезвый, никакого человѣка нигдѣ отнюдь никогда пьянаго не увидишь; а питей всякихъ, винъ виноградныхъ разныхъ множество изрядныхъ, также розолиновъ и водокъ анисовыхъ изрядныхъ изъ виноградаго вина сытеныхъ много, только мало ихъ употребляютъ, а больше употребляютъ въ питьяхъ лимонадовъ, симады, кафы, чекулаты и иныхъ тому жъ подобныхъ, съ которыхъ человѣку пьяну быть невозможно.

Для пріѣзжихъ иноземцевъ подѣланы постоялые домы, которые Итальянскимъ языкомъ называются остаріи. Въ тѣхъ домахъ множество палатъ и ежели кто пріѣзжій иноземецъ въ остаріи станетъ, тогда ему тамъ отведутъ палату особую; въ той палатѣ будетъ изрядная кровать съ постелью и столъ и кресла и стулы и ящикъ для платья и зеркало великое и иная всякая нужная потреба, и на всякій день будетъ ему готовъ обѣдъ и ужинъ, и на всякую ночь ему свѣча сальная маканая, также лампада съ масломъ деревяннымъ. И за все за то тотъ пріѣзжій человѣкъ повиненъ платить, будетъ станетъ ѣсть по-ка-

валерски, на день по дукату Венецкой монеты, а Московскихъ денегъ по 15 алтынъ въ сутки; а будетъ съ нимъ будетъ человѣкъ его жить въ одной палатѣ, и за человѣка своего онъ же повиненъ платить на день по двѣ лиры Венецкой же монеты, а Московскихъ денегъ будетъ пять алтынъ, и за ту плату и человѣку его будетъ пища, обѣдъ и ужина, чѣмъ можетъ быть сытъ. И за обѣдомъ и за ужиною всѣмъ пріѣзжимъ иноземцамъ и слугамъ ихъ питья довольно виноградныхъ винъ красныхъ и бѣлыхъ за тою жъ вышеписанною платою, а послѣ обѣда и послѣ ужины кто захочетъ пить, тогда безъ платы не дадутъ. А пища въ тѣхъ остаріяхъ бываетъ добрая, мясная и рыбная; и по обѣдѣ и послѣ ужины ставятъ немало фруктовъ, а больше употребляютъ Итальянцы въ пищѣ травъ: салатовъ, сельдерей, капросу и иныхъ тому подобныхъ. Въ тѣхъ же остаріяхъ всякому иноземцу, которые въ нихъ стоятъ, служатъ тутошніе работники: постели перестилаютъ по вся дни и простыни бѣлыя стелятъ черезъ недѣлю, также палаты метутъ всегда и нужныя потребы чистятъ и во всемъ служатъ за тою же платою; а когда жъ который иноземецъ изъ остаріи поѣдетъ вонъ, тогда тому работнику, который ему служилъ, дастъ для своей чести что̀ изволитъ безъ прошенія. И на всякій день въ тѣхъ остаріяхъ бываетъ въ обѣдѣ и въ ужинѣ за столомъ человѣкъ по сто и больше; для того въ тѣхъ остаріяхъ между палатъ дѣлаютъ великія сѣни саженъ 20 въ длину, иныя и больше, и въ тѣхъ сѣняхъ много ставятъ столовъ долгихъ и четыреугольныхъ и круглыхъ, за которыми столами ѣдятъ форестиры, т.-е. иноземцы, по разной цѣнѣ, и когда обѣдъ или ужина поспѣетъ, тогда въ тѣхъ сѣняхъ зазвонятъ въ колоколъ, на то устроенный. Тогда всѣ пребывающіе иноземцы въ томъ домѣ идутъ обѣдать или ужинать изъ палатъ своихъ въ сѣни, и всякій садится за свой столъ, кто что за себя платитъ. А въ бытности всякому пріѣзжему въ тѣхъ остаріякъ вольность: сколько кто похочетъ быть, столько будетъ, хотя годъ или больше, хотя одинъ день—то въ его волѣ.

Въ Венеціи рядовъ всякихъ множество, и такихъ предивно уборныхъ рядовъ на всемъ свѣтѣ мало гдѣ обрѣтается, только развѣ во Франціи, и товаровъ всякихъ въ Венеціи премногое множество изрядныхъ и дивныхъ вещей. Объ уборахъ Венецкихъ лавокъ, какъ они ихъ на всякій день товарами своими убираютъ, трудно подробну описать. Между лавокъ въ рядахъ и подлѣ рядовъ множество изрядныхъ аптекъ, въ которыхъ всякихъ лекарствъ довольно, и аптеки такъ предивно убраны, что̀ описать ихъ подробну невозможно. Въ Венеціи въ рядахъ множество и привозныхъ товаровъ: Французскихъ, Аглинскихъ, Голандскихъ, Турецкихъ, Персидскихъ и иныхъ всякихъ.

Мастеровыхъ людей въ Венеціи, золотарей, серебрянниковъ, сницарей, столарей, фигурныхъ мастеровъ, живописцевъ и каменнаго мастерства рѣзчиковъ и которые гипсомъ лѣпятъ и иныхъ всякихъ предивныхъ множество, мѣднаго и оловяннаго и желѣзнаго мастерства ремесленниковъ изрядныхъ много жъ, а больше костяныхъ работъ мастеровъ рѣзныхъ и гладкихъ предивныхъ; также математицкихъ инструментовъ мѣдныхъ и деревянныхъ мастеры есть изрядные, и всякія вещи Венецкихъ мастеровъ работъ изрядныхъ, также оружейниковъ изрядныхъ много. Въ Венеціи дѣлаютъ парчи золотныя и серебряныя и шелковыя и бархаты изрядные и сукна дивныя гранатныя толстыя и трипы и иныя разныя парчи, тафты узорчатыя и гладкія, также байберекы и атласы гладкіе и травчатые и камки изрядныя и орери хорошіе; также дѣлаютъ въ Венеціи чулки шелковые.

Въ Венеціи близко костела св. Марка съ двухъ сторонъ великія площади вымощены кирпичемъ изрядно, также вся Венеція имѣетъ въ себѣ улицы и переулки всѣ мощеные кирпичемъ. Тому зѣло дивно, что отъ дождей и отъ морскихъ водъ тотъ кирпичъ не размокнетъ. Около помяненныхъ площадей домы великіе и предивные прокураторей Венецкихъ; при тѣхъ домахъ подѣланы лавки изрядныя, въ которыхъ продаютъ сахары узорочные и иныя всякія конфекты и напитки всякіе: чекулаты, кафы, лимонады и иные всякіе тому подобные, и табакъ дымовой и носовой всякій, а въ иныхъ лавкахъ тутъ продаютъ и товары всякіе. Въ тѣ лавки приходятъ и Венеціанскіе жители честные люди и сидятъ другъ съ другомъ и забавляются питьемъ и конфектами. Изъ тѣхъ двухъ помяненныхъ площадей одна площадь къ самому морю, и съ той площади къ морю подѣланы каменныя ступени, гдѣ стоитъ всегда много судовъ морскихъ мелкихъ—піотъ, гундалъ наемныхъ, кто похочетъ изъ нихъ нанявъ какое судно куда ѣхать. На той площади сдѣланы два великіе столпа каменные круглые гладкой работы, изъ цѣлыхъ каменей высѣчены, а не смастиченные, въ высоту сажень по 6 или больше. Подъ тѣми столпами подѣланы рундуки каменные; на одномъ изъ тѣхъ столповъ поставленъ каменный левъ со Евангеліемъ во образъ св. Евангелиста Марка, сдѣланъ рѣзною изрядною работою, а на другомъ столпѣ сдѣлано подобіе звѣря каркадила, и на немъ поставлено подобіе человѣка во образъ нѣкотораго мученика. На той же площади близко воротъ княжескаго двора поставлены каменные два столпа невысокіе, на которыхъ столпахъ казнятъ самихъ принциповъ Венецкихъ, т.-е. князей, которые, будучи князьями, учнутъ чинить противно ихъ древнему во всемъ положенію. На тѣхъ же площадяхъ у костела св. Марка колокольня четверогольная каменная зѣло высока, сдѣлана гладкою работою, и на нее

подѣланы всходы предивные широкіе и отлогіе, а колокола на той колокольнѣ не зѣло великіе, а звонятъ и благовѣстятъ во всей Венеціи очепами. Та помяненная колокольня покрыта шатромъ, и вмѣсто креста поставлено подобіе ангела мѣдное литое предивной работы. На той же площади подѣланы шалаши, покрыты полотнами, и въ нихъ на полкахъ торгуютъ Персіяне и Армяне своими товарами. На тѣхъ же площадяхъ торгуютъ по вся дни мясомъ и рыбою и всякими живностями и фруктами; на той же площади по вся дни Субботы торгуютъ посудою деревянною, привозятъ съ берегу и сундуки и кореники и иныя всякія деревянныя вещи. Около той площади много лавокъ, въ которыхъ дѣлаютъ и продаютъ волосы накладные; тутъ же дѣлаютъ и продаютъ кожи золоченыя. На тѣхъ же площадяхъ бываетъ часто поученіе народу: приходятъ законники изъ монастырей и сказываютъ казанія на каѳедрѣ, которая каѳедра на той площади всегда стоитъ высокая. На той же площади по вся дни поутру и въ вечеру сходятся Венеціане шляхта и честные люди и ходятъ по той площади, гуляютъ и о всякихъ дѣлахъ другъ другу говорятъ; и раздѣлена та площадь, которая близко моря, на три части: подлѣ княжескаго двора, тутъ ходятъ шляхта и честные люди Венеціане поутру, для того что палаты дому князя Венецкаго отъ востоку солнца ту площадь застѣняютъ, а противъ того на другой сторонѣ подлѣ палатъ прокураторскихъ, тутъ ходятъ тѣжъ Венеціане честные люди въ вечеру, для того что при захожденіи солнца прокураторскія палаты ту площадь застѣняютъ; а между тѣхъ двухъ частей той площади срединою ходятъ всѣ невозбранно всякихъ народовъ люди. А на тѣхъ вышепомяненныхъ шляхетскихъ площадяхъ никакому пріѣзжему, ни Венеціанину нешляхетской породы ходить не велѣно, только развѣ кому нужда пройтить черезъ тѣ части площади, не возбраняется; а ходить по тѣмъ частямъ площади въ то время, когда по нимъ шляхта ходитъ гуляя, никому невозможно. На средней части той площади сидятъ астрологи мужеска и женска полу на подмосткахъ высоко въ креслахъ съ жестяными долгими трубами и, кто похочетъ чего вѣдать отъ тѣхъ астрологовъ, тѣ имъ даютъ не по скольку денегъ, и астрологи черезъ тѣ трубы шепчутъ приходящимъ въ ухо. На той же площади многія бываютъ по вся дни забавы: куклы выпускаютъ, собаки ученыя пляшутъ, также обезьяны пляшутъ, а иные люди бандерами, т.-е. знаменами играютъ и иные блюдами мѣдными играютъ на одной палкѣ зѣло изрядно и штучно: высоко мечетъ то блюдо палкою вверхъ, и сверху паки упадаетъ то блюдо на туже палку, и иные люди огонь ѣдятъ, иные люди каменья немалые глотаютъ и иныя всякія многія штуки дѣлаютъ для забавы народу и за то берутъ себѣ деньги отъ тѣхъ,

которые ихъ смотрятъ. На тѣхъ же площадяхъ во время ярманки дѣлаютъ многія лавки деревянныя и въ нихъ торгуютъ; въ то время въ тѣхъ лавкахъ премногое множество бываетъ всякихъ предивныхъ и богатыхъ товаровъ. Въ тоже время по тѣмъ лавкамъ по вся дни гуляютъ Венеціане честные люди и жены и дѣвицы въ предивныхъ уборахъ, также и форестиры, т.-е. пріѣзжіе всякіе люди, между тѣхъ лавокъ, убрався хорошо, ходятъ и гуляютъ и кому что потребно купятъ въ ту ярманку и во время каравану. На той же площади при морѣ бываютъ построены анбары великіе и сараи; въ тѣхъ анбарахъ танцуютъ люди на веревкахъ мужеска полу и женска преудивительно, также и дѣвицы, между которыми я видѣлъ одну жену беременную уже близъ рожденія, и та тамъ танцовала по веревкѣ зѣло удивительно. Въ другихъ анбарахъ дѣлаютъ комедіи куклами власно какъ живыми людьми; въ иныхъ анбарахъ показываютъ удивительныя вещи, между которыми видѣлъ я человѣка, имѣющаго двѣ головы, одна на своемъ мѣстѣ, гдѣ надлежитъ быть, и называется Яковъ, а другая на лѣвомъ боку и называется Матвѣй; также и та которая на боку имѣетъ волосы долгіе и глаза и носъ и ротъ и зубы, только не говоритъ и не ѣстъ, а временемъ глядитъ; а сказываютъ, что и пищитъ, а настоящею головою тотъ человѣкъ говоритъ, пьетъ и ѣстъ. А хотящему о томъ человѣкѣ подлинно вѣдать потребно смотрѣть его персоны, которыхъ нынѣ и въ Россіи обрѣтается немало; а ежели кто возжелаетъ его самого видѣть, тотъ бы не облѣнился во Италію ѣхать. Тамъ же видѣлъ я быка о пяти ногахъ, тамъ же видѣлъ черепаху безмѣрно велику, тамъ же видѣлъ барана о двухъ головахъ, имѣющаго 6 ногъ и два хвоста и иныя многія натуральныя удивительныя вещи; а кто того похочетъ видѣть, за все за то повиненъ платить деньги отъ всякаго входу по 5 сольды съ человѣка Венецкой монеты, а Московскихъ будетъ 3 деньги.

Съ тѣхъ помяненныхъ площадей сдѣланы ворота въ маркандію, т.-е. въ ряды изряднымъ мастерствомъ; на тѣхъ воротахъ сдѣланы часы боевые предивные, наверху тѣхъ воротъ повѣшенъ немалый колоколъ, подлѣ того колокола поставлены два подобія человѣческія нагія сдѣланы изъ мѣди изрядною работою, держатъ въ рукахъ по великому желѣзному молоту и, когда придетъ время бить часы, тогда тѣ человѣческія мѣдныя подобія бьютъ помяненными молотами въ тотъ колоколъ, сколько будетъ потребно ударить часовъ, столько и ударятъ; а перечасья въ тѣхъ часахъ нѣтъ, да и во всей Италіи въ боевыхъ часахъ перечасья не бываетъ, только въ сихъ вышеписанныхъ часахъ вмѣсто перечасья временемъ, когда будетъ потребно, тогда заведутъ инструменты, и выйдетъ съ правой стороны образъ Пресвятыя Бого-

родицы, имѣя на рукахъ Предвѣчнаго Младенца, и сядетъ во уготованныхъ тамъ креслахъ, а съ лѣвой стороны выйдутъ сдѣланные три человѣка во образъ трехъ Персидскихъ царей съ дарами, со златомъ, съ кадиломъ и со смурною, и поклонятся тѣ образы царей предъ образомъ Пресвятыя Богородицы и подносятъ вышеписанные дары во образъ того, какъ Перскіе цари пришли на поклоненіе новорожденному Христу; а начинаютъ тѣ часы бить первый часъ съ вечера и бьютъ всѣ сутки паки до вечера всѣ 24 часа. Такъ и во всей Италіи часы заводятъ съ вечера во всѣ сутки. Въ Венеціи боевыхъ часовъ много по монастырямъ и по приходскимъ церквамъ по колокольнямъ.

Въ Венеціи бываютъ оперы и комедіи предивныя, которыхъ въ совершенство описать никто не можетъ, и нигдѣ на всемъ свѣтѣ такихъ предивныхъ оперовъ и комедій нѣтъ и не бываетъ. Въ бытность мою въ Венеціи были оперы въ пяти мѣстахъ. Тѣ палаты, въ которыхъ тѣ оперы бываютъ, великія, округлыя, и называютъ ихъ Итальяне театрумъ. Въ тѣхъ палатахъ подѣланы чуланы многіе въ пять рядовъ вверхъ, и бываетъ въ одномъ театрумѣ чулановъ 200, а въ иномъ 300 и больше, а всѣ чуланы подѣланы изнутри того театрума предивными работами золочеными, иные оклеиваны толстою чеканною бумагою, такъ что невозможно познать, чтобъ не сницарская была работа дивная, и вызолочено все въ томъ театрумѣ, полъ сдѣланъ мало накось, чтобъ однимъ изъ-за другихъ было видно которые въ тѣ стулы для смотрѣнія оперовъ садятся; и за тѣ стулы и скамьи даютъ платы, а кто хочетъ сидѣть въ особомъ чуланѣ, тотъ повиненъ дать за чуланъ бо̀льшую плату, а за пропускъ въ тотъ театрумъ особая со всѣхъ равная плата, и съ единой стороны къ тому театруму бываетъ придѣлана великая зѣло длинная палата, въ которой чинится опера. Въ той палатѣ бываютъ временныя преспективы дивныя, и людей бываетъ въ одномъ оперѣ въ нарядѣ мужеска и женска полу человѣкъ по 100 и по 150 и больше. Наряды на нихъ бываютъ изрядные золотные и серебряные, и каменью бываетъ въ тѣхъ уборахъ много: хрусталей и варенниковъ, а на иныхъ бываютъ и алмазы и зерна бурмицкія; и играютъ на тѣхъ операхъ во образъ древнихъ гисторій, кто которую гисторію излюбитъ, такъ въ своемъ театрумѣ и сдѣлаетъ; и музыка въ тѣхъ операхъ бываетъ предивная съ разными инструментами человѣкъ по 50 и больше, которые въ тѣхъ операхъ играютъ, и ставится одна опера на годъ по 30.000 и по 40.000 дукатовъ Венецкой монеты, а во всякомъ дукатѣ Московскихъ по 15 алтынъ. Комедіи въ Венеціи бываютъ хуже оперовъ, однакоже зѣло забавны, и начинаются тѣ оперы въ Венеціи Ноября съ первыхъ чиселъ и мало поигравъ престаютъ, потомъ паки начинаютъ во время карнавала Ноября въ по-

слѣднихъ числахъ или Декабря въ первыхъ и бываютъ до самаго Великаго поста во вся вечеры кромѣ Воскресенья и Пятницы. А начинаютъ въ тѣхъ операхъ играть въ первомъ часу ночи, а кончаютъ въ 5-мъ и 6-мъ часу ночи, а въ день никогда не играютъ. И приходитъ въ тѣ оперы множество людей въ машкарахъ, по-славянски въ харяхъ, чтобъ никто никого не познавалъ, кто въ тѣхъ операхъ бываетъ, для того что многіе ходятъ съ женами, также и пріѣзжіе иноземцы ходятъ съ дѣвицами; и для того надѣваютъ мущины и женщины машкары и платье странное, чтобъ другъ друга не познавали. Такъ и все время каранавала ходятъ всѣ въ машкарахъ мущины, жены и дѣвицы, и гуляютъ всѣ невозбранно, кто гдѣ хочетъ, и никто никого не узнаетъ. И такъ всегда въ Венеціи увеселяются и не хотятъ быть никогда безъ увеселенія, въ которыхъ своихъ веселостяхъ и грѣшатъ много и, когда сойдутся въ машкарахъ на площадяхъ къ собору св. Марка, тогда многія дѣвицы берутъ въ машкарахъ за руки иноземцевъ пріѣзжихъ и гуляютъ съ ними и забавляются безъ стыда. Также въ то время по многимъ мѣстамъ на площадяхъ бываетъ музыка и танцуютъ по-итальянски, а танцы Итальянскіе не зѣло стройны: скачутъ одинъ противъ другаго вокругъ, а за руки не берутъ другъ друга. Также многіе забавляются, травятъ Меделянскими собаками великихъ быковъ и иныя всякія потѣхи чинятъ и по морю ѣздятъ въ гундалахъ и баркахъ съ музыкою и всегда веселятся и ни въ чемъ другъ друга не зазираютъ и ни отъ кого ни въ чемъ никакого страху никто не имѣетъ: всякій дѣлаетъ по своей волѣ, кто что хочетъ. Та вольность въ Венеціи и всегда бываетъ, и живутъ Венеціане всегда во всякомъ покоѣ, безъ страху и безъ обиды и безъ тягостныхъ податей. А когда каранавалъ приходитъ къ окончанію, т.-е. въ останные дни Рождественскаго мясоѣду по Римскому календарю, тогда большія бываютъ въ Венеціи забавы и всякое увеселеніе, а въ останной недѣлѣ Рождественскаго мясоѣду въ Пятницу князь Венецкій начнетъ чинить забавы на помяненной св. Марка площади при своемъ княжескомъ дворѣ, и бываютъ изрядныя вещи въ Пятницу и въ Субботу и останную недѣлю, и тѣмъ кончится карнавалъ и начнется у Римлянъ Великій постъ. При моей бытности въ Венеціи въ тѣ останные три дни, въ Пятницу, въ Субботу и въ Недѣлю, были потѣхи княжескія такія: на площади св. Марка было сдѣлано великое мѣсто подобно чердаку и высоко гораздо и окладено было все артифиціальными огнями и ракетами, которыя рвало, и горѣли зѣло штучно. Потомъ въ томъ же мѣстѣ сдѣланъ былъ изрядный чердакъ, и внизу того чердака играла музыка на разныхъ инструментахъ, а наверху межъ балясъ сдѣлано было на рундукѣ высокое мѣсто и убрано зѣло изрядно, на которомъ

мѣстѣ сидѣла дѣвица въ изрядномъ уборѣ, а при ногахъ той дѣвицы сидѣли двѣ дѣвочки малолѣтнія въ изрядномъ уборѣ лѣтъ по осьми, и привязаны къ нимъ крылья сдѣланы изъ струсоваго цвѣтнаго перья; тѣ всѣ три помяненныя дѣвочки сидя пѣли, держа въ рукахъ кантычки, такъ изрядно, что всѣхъ въ то время тамъ бывшихъ удивили, а князь Венецкій смотрѣлъ того изъ палатъ своихъ изъ окна. И тѣ маленькія помяненныя дѣвочки, имѣющія крылья, съ того мѣста гдѣ сидѣли поднявся, полетѣли по веревкамъ къ окошку, изъ котораго смотрѣлъ князь Венецкій, и летѣвъ пѣли жъ и метали народу листки печатные на похвалу Венецкаго карнавала. Потомъ предъ княземъ Венецкимъ держали великихъ три быка и тѣмъ быкамъ сѣкли головы мечами, однимъ махомъ одному быку отсѣчетъ голову таково прытко, что нимало не одержится, и мечъ уткнется концомъ въ землю; и такъ два человѣка двумъ быкамъ отсѣкли головы зѣло прытко, а третій человѣкъ третьему быку не могъ головы отсѣчь однимъ махомъ. И потомъ былъ привязанъ толстой канатъ однимъ концомъ за верхъ Марковой колокольни, о которой я писалъ выше сего, а другой конецъ того каната былъ привязанъ на краю Марковой площади при самомъ морѣ, и по тому канату снизу наверхъ той колокольни взъѣхалъ одинъ человѣкъ на львѣ, сдѣланномъ изъ дерева изрядною работою власно какъ живой, и тотъ левъ поставленъ былъ на тотъ помяненный канатъ и утвержденъ къ нему инструментами, чтобъ съ него человѣкъ упасть и перевернуться не могъ; и другой канатъ привязанъ былъ за того льва и приведенъ въ верхъ той колокольни, которымъ канатомъ того льва на верхъ той колокольни встянули, а человѣкъ на томъ львѣ сидѣлъ просто какъ на лошади, и ничѣмъ къ тому льву тотъ человѣкъ былъ не привязанъ и такъ на томъ львѣ сидя взъѣхалъ на ту колокольню. И тѣмъ того году карнавалъ въ Венеціи кончился, а въ тѣ останные три дни на площади св. Марка столько было народу, что исчислить всего было трудно; мню, что много было тысячъ человѣкъ мужеска полу и женска.

Есть въ Венеціи одинъ домъ, который по-итальянски называется редута, сдѣланъ для того, что въ томъ домѣ играютъ въ карты въ золотые червонные и во всякую монету. Въ томъ домѣ много великихъ палатъ, въ которыхъ зѣло много поставлено столовъ небольшихъ, и за всякимъ столомъ сидитъ по одному человѣку, а на столахъ лежитъ много золотыхъ червонныхъ одинокихъ и двойныхъ и тройныхъ и десятерныхъ и ефимковъ и дукатовъ и шкудовъ и кто хочетъ, пришедъ къ тому столу, играетъ съ тѣмъ человѣкомъ, который за тѣмъ столомъ сидитъ, а игра ихъ особая называется басета, и карты Венецкія особыя жъ. Въ той игрѣ никому неволи никакой нѣтъ: кто про-

игралъ или выигралъ и не похотѣлъ больше играть, въ томъ ему свобода. Въ тотъ домъ приходитъ много честныхъ людей; и жены и дѣвицы приходятъ играть невозбранно и беззазорно въ машкарахъ и играютъ молча, для того что ни подбору въ картахъ ни обману ни обчету въ деньгахъ отнюдь не бываетъ. И мнѣ случилось въ томъ домѣ быть и увидѣть такую причину, что одна дѣвица выиграла на одну карту 4000 червонныхъ золотыхъ и, взявъ ихъ, пошла вонъ невозбранно, не хотя больше играть, и ни отъ кого еще на игру приневолена не была. Въ томъ домѣ въ малые часы многія выигрываютъ и проигрываютъ тысячи; бываетъ временемъ, что одинъ человѣкъ въ которые часы проиграетъ или выиграетъ 20000 или 30000 червонныхъ золотыхъ и больше, для того что въ томъ домѣ бываетъ на столахъ многія тысячи червонныхъ золотыхъ и иныхъ всякихъ монетъ; а больше въ томъ домѣ бываетъ игрецовъ и денегъ во время карнавала, для того что многіе приходятъ играть безъ зазору въ машкарахъ.

Въ Венеціи много зѣло мостовъ каменныхъ и деревянныхъ, между которыми одинъ каменный мостъ зѣло великій и широкій, который называютъ Итальяне Аріалтомъ; на томъ мосту по обѣ стороны подѣланы лавки, въ которыхъ продаютъ всякіе мелочные товары. За тѣмъ мостомъ паки великіе ряды, въ которыхъ продаютъ сосуды серебрянные и сукна. Подъ тотъ мостъ могутъ подходить великіе суды съ щеглами, для того что тотъ мостъ зѣло высокъ сдѣланъ на одномъ сводѣ и работою изрядною.

Венецкій народъ раздѣляется на двое: которые живутъ на той сторонѣ сего помяненнаго мосту Аріалту, гдѣ и костелъ соборный св. Марка, тѣ называются Костеляны; а которые живутъ отъ тѣхъ за тѣмъ помяненнымъ мостомъ, тѣ называются Николіоты и временемъ и вражду тайную между собою имѣютъ; да и нарочно Венецкіе сенаторы подлый народъ Костеляновъ съ Николіотами ссорятъ, чтобъ они не были между собою согласны, для того что боятся отъ нихъ бунтовъ, и бываютъ между подлымъ народомъ у Николіотовъ съ Костелянами великіе кулачные бои. На томъ помяненномъ великомъ мосту въ тѣхъ кулачныхъ бояхъ бываетъ много и смертнаго убивства; кулачные бои бываютъ въ Венеціи часто и по инымъ мѣстамъ только небольшіе, а на мостахъ въ Венеціи кулачныхъ боевъ не бываетъ.

Въ Венеціи есть монастыри дѣвическіе, въ которыхъ дѣвицы, вступившія до закону, играютъ на органахъ и на разныхъ инструментахъ и спѣваютъ на хорахъ таково изрядно, что на всемъ свѣтѣ такого сладкаго пѣнія и согласія нигдѣ не обрѣтается, и таково предивно, что всѣхъ слушающихъ того пѣнія приводятъ во изумленіе, и со всего свѣту христіане пріѣзжаютъ въ Венецію, желая насладитися

тѣмъ ихъ подобно ангельскому пѣніемъ, а наипаче изо всѣхъ монастырей, который называется Инкорабели. И потомъ въ монастырѣ на новомъ фундаментѣ, въ которомъ живутъ законницы-Медиканки, а потомъ и въ другихъ дѣвическихъ монастыряхъ изрядно дѣвицы спѣваютъ.

Въ Венеціи есть много извозничьихъ лодокъ, которыя называются гундалами, а всѣ черныя и покрыты черными сукнами съ окончинами великими, и во всякомъ гундалѣ по одному человѣку гребцу, а на иномъ и по два человѣка; и кому куды потребно ѣхать моремъ въ ближнія мѣста отъ Венеціи или въ самой Венеціи по каналамъ, то есть по улицамъ, то въ тѣхъ гундалахъ ѣздятъ нанимая ихъ; а плата бываетъ на цѣлый день отъ гундала, который съ однимъ гребцомъ, дукатъ Венецкій, а Московскихъ денегъ 15 алтынъ, и за ту плату весь день повиненъ возить, гдѣ изволитъ. А у Венецкихъ прокураторей и у шляхты и у знатныхъ купецкихъ людей также и духовныхъ особъ есть свои гундалы, которыхъ есть въ Венеціи не одна тысяча. Тѣ гундалы у многихъ есть нарядныя рѣзной работы золоченыя, покрыты бархатами съ кружевами и съ бахрамами золотными и иными изрядными парчами и окончины великія; также въ нихъ постланы бываютъ шпалеры или трипы цвѣтные или иныя изрядныя парчи тому подобныя. А сдѣланы тѣ гундалы особою модою, длинны да не широки какъ бываютъ однодеревыя лодки, а носъ и корма острые, и на носу желѣзные великіе гребни, а на кормѣ желѣзомъ же оковано, а на срединѣ сдѣланъ чердакъ съ окончинами и завѣсами изрядными покрытый, и въ немъ лавки изрядныя съ подушками, а гребцы одинъ человѣкъ на носу, а другой на кормѣ; а въ которомъ гундалѣ другого гребца нѣтъ, въ томъ бываетъ человѣкъ на кормѣ, гребетъ стоя, тѣмъ же весломъ и правитъ, а кормового весла, какъ бываетъ правило нашихъ гундаловъ, нѣтъ; однакожъ и безъ него управляютъ изрядно.

Народъ женскій въ Венеціи убирается зѣло изрядно и къ уборамъ охочи, а къ дѣлу никакому не прилежны, всегда любятъ гулять и быть въ забавахъ и ко грѣху тѣлесному зѣло слабы ни для чего иного токмо для богатства, что тѣмъ богатятся, а иного никакого промыслу не имѣютъ. И многія дѣвки живутъ особыми домами, тѣхъ есть въ Венеціи больше 10000, и въ грѣхъ и въ стыдъ себѣ того не вмѣняютъ, ставятъ себѣ то вмѣсто торговаго промыслу; а другія, у которыхъ своихъ домовъ нѣтъ, тѣ живутъ въ особыхъ улицахъ въ земныхъ малыхъ палатахъ, и изъ каждой палаты подѣланы на улицу двери и когда увидятъ человѣка приходящаго къ нимъ, того съ великимъ прилежаніемъ каждая къ себѣ перезываетъ, и на который день у которой будетъ приходящихъ больше, та себѣ того дни вмѣняетъ за великое счастіе, и отъ того сами страждутъ Францоватыми болѣзньми,

также и приходящихъ къ нимъ тѣмъ своимъ богатствомъ надѣляютъ довольно и скоро. А духовныя особы имъ въ томъ и возбраняютъ поученіями, а не принужденіемъ. А болѣзней Францоватыхъ въ Венеціи лечить зѣло горазды; когда который человѣкъ, вскорѣ послыша, скажетъ дохтуру, тогда у тѣхъ тѣ болѣзни вырѣзываютъ и въ малые дни вылечатъ, такъ что нималой болѣзни не послышитъ; а который человѣкъ въ той болѣзни безъ лѣкарства продлится, тотъ и въ лекарствѣ бываетъ продолжительно, однакожъ вылечиваютъ совершенно.

Дохтуровъ въ Венеціи кромѣ лекарей и аптекарей и медицинъ съ 400 человѣкъ, у которыхъ у каждаго своя аптека, и лечить всякихъ болѣзней зѣло горазды и къ больнымъ ходить не лѣнивы не изъ великой платы. Въ томъ числѣ дохтуровъ много есть Греческой вѣры, есть и Жиды; а почтеніе дохтурамъ то, что позволено имъ носить платье какое носитъ Венецкая шляхта, а Жидовскимъ дохтурамъ того платья носить не повелѣно.

Школы естъ въ Венеціи изрядныя, въ которыхъ учатся до философіи и до теологіи. Такая жъ есть школа въ Венеціи и у Греческой церкви, которую держитъ Греческій митрополитъ на своей платѣ, и учатъ Греки Греческихъ студентовъ на Греческомъ и на Латинскомъ и на Итальянскомъ языкѣ до философіи и до теологіи. И когда въ какой школѣ студентъ придетъ въ совершенство науки своей, тогда ихъ коронуютъ, свидѣтельствовавъ сице: въ одной палатѣ или въ церкви на срединѣ поставятъ кресла, въ которыхъ тотъ помяненный студентъ сядетъ, и подлѣ его по лѣвую сторону сядетъ въ другихъ креслахъ мастеръ его, а отъ него по обѣ стороны по кресламъ сядутъ законники и попы ученые люди, также и всѣ, которые въ то время тамъ прилучатся быть; и всѣмъ въ то время тамъ бывшимъ раздадутъ печатные листы или тетради, которыя называются комплексіи, т.-е. та диспута, о чемъ того студента будутъ испытывать и свидѣтельствовать, вся въ тѣхъ листахъ напечатана; и потомъ тотъ студентъ всѣмъ тамъ бывшимъ проговоритъ изрядную рацею о своемъ испытаніи и начнетъ говорить о своей наукѣ, а съ нимъ сидящіе ученые люди начнутъ о томъ диспутовать чинно по одному человѣку, и бываетъ у него диспута съ тремя человѣками, а больше трехъ человѣкъ другіе съ нимъ не диспутуютъ, а учитель его въ тѣхъ диспутахъ обороняетъ и самъ за него съ тѣми посторонними диспутуетъ и, такъ сконча диспуту, тому студенту поздравляютъ и привѣтствуютъ его всѣ ученые любовно.

Есть въ Венеціи домъ, въ которомъ учатся воинскимъ дѣламъ: биться на шпагахъ, играть знаменемъ и пикою, также строю пѣхотнаго съ мушкетомъ. Въ томъ домѣ учителя есть, плата отъ Венец-

каго князя ото всей рѣчи посполитой. За тою платою, кто хочетъ, Венеціане учатся даромъ; а кто похочетъ въ томъ домѣ учиться форестиръ, т.-е. пріѣзжій иноземецъ, тотъ повиненъ за себя платить помяненному учителю на мѣсяцъ по червонному золотому, и за тою платою, приходя къ тому учителю въ домъ, учится всему вышеписанному дѣлу; а которые пріѣзжіе похотятъ въ тотъ домъ для ученія ходить, и тѣ платятъ тому учителю на мѣсяцъ съ персоны по два червонныхъ золотыхъ; и за ту плату тотъ учитель повиненъ къ нимъ приходить на дворъ по вся дни кромѣ недѣльныхъ дней и праздниковъ и учитъ ихъ на дворахъ, гдѣ кто стоитъ.

Въ Венеціи есть одинъ законникъ, мастеръ математики и космографіи и иныхъ тому подобныхъ наукъ, которому имя есть Каронелій. Тому также есть плата отъ рѣчи посполитой за то, что онъ выдаетъ и печатаетъ книги математицкихъ наукъ, также карты космографическія и иныя вещи тому подобныя.

Есть въ Венеціи одинъ монастырь женскій, въ которомъ такой чинъ есть: которая блудница-дѣвка или вдова родитъ ребенка и не похочетъ его кормить у себя, та безъ стыда принесетъ его въ тотъ монастырь и отдастъ тамъ пребывающимъ законницамъ, которыя имѣютъ повинность такихъ младенцовъ принимать и кормить ихъ и поить и обувать и одѣвать, за что тѣмъ старицамъ отъ рѣчи посполитой есть плата. Когда такой младенецъ достигаетъ семи лѣтъ отъ рожденія своего, тогда ихъ мужеска пола отдаютъ въ школу мужскую, а дѣвокъ отдаютъ въ школу женскую, гдѣ ихъ также и кормятъ и поятъ и одѣваютъ и обуваютъ и учатъ бетъ платы. А сбираютъ деньги на тѣ школы на то иждивеніе такимъ поведеніемъ, что тѣ ребятки по вся недѣльные дни ходятъ по всей Венеціи съ процессіями, носятъ передъ собою крестъ немалый, и за нимъ ходятъ по два человѣка въ рядъ и поютъ нѣкоторые стихи и при себѣ носятъ ящикъ, въ который имъ Христа ради милостыню кладутъ, кто что подастъ, и за ними ходитъ ихъ учитель. Сіе такъ чинятъ мущины какъ и дѣвки, и за дѣвками также ходитъ ихъ учительница; а которые изъ тѣхъ робятъ учнутъ приходить въ возрастъ, тѣ имѣютъ вольность быть попомъ или законникомъ или какимъ ни есть ремесленнымъ человѣкомъ; также и дѣвка которая пришедъ въ возрастъ похочетъ быть законницею или идтить замужъ или быть въ такомъ же грѣхопаденіи какъ и мать, въ томъ ей увольнено же.

Того жъ 206 г. Мая въ 29 день выѣхалъ я изъ двора, на которомъ стоялъ, на фрегадонъ, имѣя намѣреніе ѣхать изъ Венеціи на море въ разныя мѣста и стоялъ на томъ фрегадонѣ у Венеціи Іюня до 1 числа.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава XII*).

1851.

Положеніе дѣлъ на Лѣвомъ флангѣ.—Лѣтнее движеніе въ Чечню.—Командированіе полковника Бартоломея въ Грозную.—Набѣгъ Чеченцевъ къ Грозной.—Вторженія Шамиля въ Дагестанъ и его неудачи.—Выходъ къ намъ наиба Хаджи-Мурата.—Назначеніе князя Барятинскаго начальникомъ 20-й дивизіи и Лѣваго фланга.

Въ моментъ вступленія князя Барятинскаго во временное начальствованіе Лѣвымъ флангомъ Кавказской линіи дѣла наши въ этой части края были въ слѣдующемъ положеніи. Вся Большая Чечня и бо́льшая часть Малой Чечни на плоскости, за одиннадцать лѣтъ предъ тѣмъ совсѣмъ почти покорныя, послѣ общаго возмущенія 1840 года, превратились въ самыя враждебныя. Духъ этого воинственнаго, привыкшаго къ необузданной свободѣ населенія, вслѣдствіе испытанныхъ нами неудачъ при попыткѣ усмирить возстаніе и возвратить прежнее наше здѣсь положеніе, достигъ чрезвычайнаго подъема, а вліяніе Шамиля, послѣ его изумительныхъ успѣховъ въ Дагестанѣ (1842—43 гг.) такъ упрочилось, что онъ пріобрѣлъ въ глазахъ Чеченцевъ значеніе и силу, какими до него никогда никто не пользовался. Увѣренность не только въ возможности успѣха въ борьбѣ съ Русскими войсками, но даже въ возможности изгнанія ихъ за Терекъ стала общею. Пораженіе отряда генерала Галафѣева въ 1840 году, малорезультатныя дѣйствія генерала Граббе въ 1841 году, несчастный исходъ его же экспедиціи въ Ичкерію въ

*) См. выше. стр. 433

1842 году, общее возстаніе Дагестана и гибель тамъ нашихъ укрѣпленій съ гарнизонами въ 1843 году, безплодныя дѣйствія генераловъ Нейдгардта и Лидерса съ небывалою по численности массою войскъ въ 1844 году, наконецъ печальный исходъ Даргинской экспедиціи князя Воронцова въ 1845 году, были поводомъ возросшаго самомнѣнія горцевъ съ одной стороны и нѣкоторой робости, нерѣшительности дѣйствій съ нашей стороны. Чечня оказалась окончательно для насъ потерянною, и мѣста, по которымъ нѣсколько лѣтъ прежде небольшіе отряды двигались безопасно, а населеніе повиновалось распоряженіямъ, исходившимъ отъ Русскаго генерала, командовавшаго въ Грозной, закрытыя дремучими лѣсами, задернулись какъ бы туманомъ, непроницаемымъ для нашихъ глазъ. Аулы, въ родѣ Шали, Автура, Гельдигена, рѣчки, въ родѣ Баса, Джалки и разныхъ Шавдоновъ, недавно еще столь знакомые и нерѣдко нами посѣщаемые, превратились, если можно такъ выразится, чуть не въ фантастическія мѣстности, досягаемыя лишь въ воображеніи и то только молодыхъ, пылкихъ людей, готовыхъ безъ оглядки на самыя рискованныя военныя предпріятія. Какъ въ Дагестанѣ Гумбетъ или Аварія, такъ въ Чечнѣ Шали, Автуръ и пр. стали точками, достиженіе которыхъ представлялось возможнымъ лишь въ отдаленномъ будущемъ, послѣ долгихъ подготовительныхъ военныхъ предпріятій, сопряженныхъ съ большими жертвами.

Съ 1846 года измѣнили, поэтому, систему дѣйствій и вмѣсто движенія въ глубь непріятельской страны съ большими отрядами, для нанесенія непріятелю въ открытомъ бою рѣшительныхъ ударовъ, прибѣгли къ медленному, но болѣе вѣрному способу: посредствомъ рубки просѣкъ открывать доступъ войскамъ къ ауламъ Чеченцевъ, вытѣснять ихъ попостепенно изъ удобныхъ мѣстъ, лишать возможности заниматься, въ обширныхъ размѣрахъ, хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, стѣснять ихъ и другихъ горцевъ, пріобрѣтавшихъ въ Чечнѣ хлѣбъ, въ способахъ продовольствія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, постройкою укрѣпленій, поселеніемъ казачьихъ станицъ создавать себѣ опорные пункты, утверждаться прочно въ занимаемой мѣстности, стѣсняя Чеченцевъ въ легкости хищныхъ набѣговъ въ наши предѣлы.

Четыре года такого образа дѣйствій уже принесли видимые плоды: движенія нашихъ отрядовъ происходили съ гораздо меньшими потерями; наиболѣе стѣсненные Чеченцы понемногу стали выселяться въ сосѣдство нашихъ крѣпостей, образуя мирные аулы; непріятель ослаблялся; Шамилю пришлось серьезно подумать о защитѣ Чечни, пришлось нести для этого немалыя жертвы, въ видѣ высылки партій Дагестанскихъ горцевъ, что́, съ одной стороны, тяжело ложилось на Чеченцевъ, обязанныхъ давать имъ продовольствіе, съ другой вызывало, хотя до времени и скрытое, но опасное недовольство Дагестана, люди котораго погибали вдали отъ своихъ родныхъ горъ за чуждое имъ дѣло. Однако успѣхъ этотъ далеко еще не ободрилъ насъ на столько, чтобы вызвать болѣе рѣшительныя дѣйствія; впечатлѣніе недавнихъ неудачъ и большихъ потерь все еще было сильно, и предположенія для дальнѣйшихъ операцій ограничивались размѣрами довольно скромными.

Доказать реальность достигнутыхъ послѣдними дѣйствіями результатовъ выпало на долю князя Барятинскаго. Со свойственной ему рѣшимостью, онъ въ совершенно-необычное для движеній въ Чечнѣ время, 28-го Іюня, выступилъ изъ Грозной съ 4½ баталіонами пѣхоты, нѣсколькими орудіями и массою кавалеріи къ Шали, въ долину Гудермеса, на Мезеинскія поля и къ Автуру, истребилъ на большомъ пространствѣ дозрѣвавшіе посѣвы и подробно осмотрѣлъ мѣста, десять лѣтъ уже не видавшія Русскихъ войскъ и на которыхъ зимою предполагались дальнѣйшія дѣйствія.

Чеченцы, совершенно неприготовленные къ такому вторженію Русскихъ войскъ лѣтомъ, не могли оказать значительнаго сопротивленія и большею частью въ ужасѣ бѣжали, спасая семейства въ глубь лѣсовъ. Вся потеря наша ограничилась тремя убитыми, двумя офицерами и 34 нижними чинами раненными.

Годомъ раньше о подобномъ движеніи не мечтали самые рѣшительные оптимисты: несчастныя дѣла 1842—1845 годовъ въ лѣсахъ Ичкеріи имѣли послѣдствіемъ нашу рѣшимость строго держаться въ Чечнѣ лѣтомъ лишь оборонительнаго образа дѣйствій, и потому первая попытка князя Барятин-

скаго выйдти изъ этой рутинно-установившейся системы дѣйствительно была смѣлымъ шагомъ *). Это-то и было предположеніе его, сообщенное князю Воронцову въ Апрѣлѣ, которое тотъ одобрилъ и убѣждалъ держать въ строгомъ секретѣ, конечно, изъ опасенія встрѣчи съ приготовленными Чеченцами.

Столь удачно выполненное предпріятіе имѣло громадный результатъ. Говорю громадный: ибо оно доказалъ Чеченцамъ, что уже и лѣтомъ они должны оставаться въ постоянномъ страхѣ за свои семейства и достояніе, что ихъ посѣвы, скотоводство и всѣ средства продовольствія подвержены опасности истребленія, наконецъ (и это самое важное), что Шамиль положительно не въ силахъ ихъ защитить, не взирая на всѣ свои торжественныя обѣщанія. Что же оставалось имъ затѣмъ дѣлать? Смириться передъ Русскими, вотъ что подсказывалъ каждому Чеченцу внутренній голосъ. И кто успѣвалъ скрыть свои замыслы отъ зоркаго глаза наибовъ и клевретовъ Шамиля, тотъ спѣшилъ выселяться къ намъ, а остававшіеся на мѣстахъ теряли бодрость духа, энергію и дѣйствовали противъ насъ болѣе изъ страха казней, предвидя близкій конецъ непосильной борьбѣ.

Это лѣтнее движеніе въ Чечню стало, съ легкой руки князя Барятинскаго, повторяться изъ году въ годъ, и съ каждымъ разомъ населеніе Чечни, доводимое до крайности, уходило частью въ горныя трущобы, а частью переселялось къ намъ, и ряды лучшихъ бойцевъ у Шамиля, и средства продовольствія горцевъ слабѣли въ сильной прогрессіи. Конечный результатъ такого положенія непріятеля не могъ не быть для него гибельнымъ.

По этому поводу главнокомандующій, прибывъ въ Владикавказъ, 4-го Іюля писалъ князю Барятинскому слѣдующее: „Не могу достаточно поблагодарить васъ за все удовольствіе, доставленное мнѣ вашимъ письмомъ и донесеніемъ о движеніи къ Шали. Рекогносцировка мѣстности у Гермен-

*) Ген. Фрейтагъ, впрочемъ, одинъ разъ тоже ходилъ лѣтомъ за Аргунъ, въ 1845 г., отвлечь Чеченцевъ отъ противодѣйствія нашему главному отряду, двигавшемуся изъ Дарго; но онъ не заходилъ такъ далеко и имѣлъ спеціальную цѣль диверсіи.

чука и окрестностей Автура была весьма удачна и послужитъ намъ для успѣха будущихъ операцій. Я и не сомнѣвался въ успѣхѣ вашего движенія, но не ожидалъ такой ничтожной потери и обозрѣнія такого обширнаго пространства. Шамиль имѣлъ намѣреніе предпринять нашествіе въ Дагестанъ, которое я не могу иначе назвать, какъ безумнымъ. Онъ думалъ поднять Даргинскій и Сюргинскій округи и Кайтахъ, но князь Аргутинскій съ войсками вездѣ встрѣтилъ непріятеля и прогналъ его къ Чоху и Ругджѣ; а извѣстіе о вашемъ вторженіи въ Чечню, полагаю, вынудило его поскорѣе оставить Дагестанъ. Пишу вамъ сегодня только нѣсколько словъ, такъ какъ надѣюсь увидѣть васъ здѣсь или на Сунжѣ. Я оставлю Владикавказъ 6-го, 7-го надѣюсь осмотрѣть новыя станицы, а 8-го или 9-го быть въ Воздвиженской чрезъ Заканъ-Юртъ и Урусъ-Мартанъ. Графъ Перовскій *) встрѣтившій меня въ Квишетѣ, собирается совершить со мною поѣздку по Сунжѣ и Лѣвому флангу. Я очень доволенъ возможностью показать ему результаты, достигнутые нами въ послѣднее время въ этихъ мѣстахъ. Прошу васъ еще извѣстить жителей Кизляра, что 10-го и 11-го я буду въ Червленной, куда они могутъ пріѣхать для переговоровъ по дѣламъ ихъ города".

Подробности переговоровъ князя Воронцова съ княземъ Александромъ Ивановичемъ, во время этого проѣзда по Лѣвому флангу, намъ неизвѣстны; но содержаніе ихъ можно болѣе или менѣе опредѣлить по смыслу слѣдующаго письма изъ лагеря на рѣкѣ Бѣлой, отъ 8-го Августа: „Письмо это вручитъ вамъ тотъ самый козакъ, который доставилъ мнѣ ваше, а послѣ я напишу вамъ еще нѣсколько словъ чрезъ Бартоломея, который черезъ нѣсколько дней отправится къ вамъ передъ пріѣздомъ ко мнѣ въ Крымъ. Полагаю, что во всякомъ случаѣ будетъ хорошо, если вы объясните ему, какіе вы имѣете на него виды; не слѣдуетъ, однако, забывать, что все это можетъ рѣшительно измѣниться съ возвращеніемъ генерала Козловскаго въ Грозную, что́ случится въ Сентябрѣ и не позже Октября. Я думалъ, что все же лучше

*) Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ.

будетъ, если вы переговорите съ Бартоломеемъ и будете знать, согласится ли онъ принять мѣсто, которое вы ему предназначаете, и что вы заставите его объясниться также съ Слѣпцовымъ, и наконецъ, будете имѣть возможность разъяснить все Козловскому по его возвращеніи *). Самъ я расчитываю возвратиться только въ половинѣ Октября. Что̀ касается васъ, то предоставляю вамъ, послѣ возвращенія Козловскаго, или оставаться еще нѣкоторое время въ Грозной, или, быть можетъ, вы рѣшитесь снова вступить въ командованіе вашею славною гренадерскою бригадою; ибо долженъ вамъ сказать откровенно, что, судя по встрѣченному мною здѣсь, предполагавшаяся мною на Правомъ флангѣ вакансія не можетъ открыться въ нынѣшнемъ году. Во всякомъ случаѣ однако, ваше командованіе въ этомъ году на Лѣвомъ флангѣ оставитъ вамъ пріятное воспоминаніе и очень полезный результатъ для нашихъ дѣлъ вообще. Я постоянно имѣю васъ въ виду для должности начальника 20-й дивизіи и Лѣваго фланга, но опредѣлить время когда это состоится невозможно.

„Здѣсь нашелъ я хорошій лагерь и уже много построекъ въ новомъ укрѣпленіи; непріятель совершенно спокоенъ и весьма недоволенъ Магометъ-Эминомъ послѣ удачнаго съ нимъ дѣла князя Эристова и полковника Волкова. Осенью приступятъ къ постройкѣ моста и тетъ-де-пона на Бѣлой, и тогда наше положеніе здѣсь, на Правомъ флангѣ, будетъ лучше чѣмъ оно когда-либо было. Вчера я проѣзжалъ чрезъ ст. Тенгинскую и съ большимъ удовольствіемъ видѣлъ мостъ, построенный Ивановымъ черезъ Лабу; нельзя не удивляться, что, со времени занятія нами Лабинской линіи, мы не позаботились построить мостъ чрезъ эту рѣку. Я былъ слишкомъ занятъ другими дѣлами и не могъ обратить на это вниманія; къ тому же, какъ вы знаете, было еще важнѣе устройство двухъ мостовъ на Терекѣ, по отсутствію которыхъ Грозная, въ теченіи 20-ти лѣтъ, оставалась безъ обезпеченныхъ сообщеній съ Кумыкскою плоскостью и Терскою линіею“.

---

*) Полковника Бартоломея князь Барятинскій имѣлъ въ виду на мѣсто предсѣдателя Чеченскаго народнаго суда, что̀ впослѣдствіи и состоялось.

Къ этому письму князь Михаилъ Семеновичъ, проѣздомъ чрезъ ст. Тифлискую, 11-го Августа, сдѣлалъ еще слѣдующую приписку: „Вы легко себѣ представите, какъ я былъ счастливъ, получивъ пріятныя новости, доставленныя мнѣ изъ Дагестана адъютантомъ князя Аргутинскаго, Делингсгаузеномъ *). Теперь я уѣзжаю въ Крымъ (гдѣ меня всѣ давно ожидаютъ) вполнѣ спокойнымъ; потому что никогда еще наши военныя дѣла не были въ такомъ удовлетворительномъ положеніи, какъ въ настоящее время. Полное пораженіе Шамиля въ Дагестанѣ, ваши блистательныя дѣла въ Чечнѣ и все найденное мною здѣсь должно вполнѣ потрясти его авторитетъ. Съ большимъ нетерпѣніемъ буду ожидать извѣстій, какой эффектъ всѣ эти событія произведутъ въ Веденѣ. Все, что̀ вы мнѣ говорите о вашихъ будущихъ административныхъ предположеніяхъ въ Чечнѣ, меня чрезвычайно интересуетъ, и Бартоломей, собравъ всѣ подробныя къ этому данныя, передастъ мнѣ по прибытіи въ Крымъ всѣ ваши мысли и предположенія еще яснѣе. Однако и при такомъ хорошемъ ходѣ нашихъ дѣлъ, надо все таки быть постоянно на сторожѣ. Трудно предположить, чтобы Шамиль осмѣлился теперь предпринять что нибудь; но если онъ это сдѣлаетъ, то вѣроятно въ вашей сторонѣ, или по направленію къ Владикавказу; поэтому поддерживайте непрестанно прочныя сношенія съ генераломъ Ильинскимъ (начальникомъ Владикавказскаго военнаго округа) и, какъ я всегда вамъ совѣтовалъ, держите въ Грозной достаточно сильные резервы“.

Въ слѣдующемъ письмѣ изъ Алупки, отъ 29-го Августа, князь Воронцовъ еще разъ высказалъ взглядъ свой на потерю Шамилемъ вліянія въ Чечнѣ, послѣ постигшихъ его и Хаджи-Мурата неудачъ въ Дагестанѣ, соглашался съ мнѣніемъ князя Барятинскаго о важности прочнаго занятія на Сунжѣ Закань-Юрта, предлагалъ съ этою цѣлью помѣстить тамъ штабъ Донскаго казачьяго полка и просилъ предварительно поговорить объ этомъ съ Слѣпцовымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поручалъ князю Александру Ивановичу, чтобы онъ, по возвра-

*) Успѣшное подавленіе возмущенія въ Табасаранѣ и пораженіе Шамиля на Турчидагѣ.

щеніи генерала Козловскаго, передалъ ему подробно всѣ свои предположенія и взгляды, до Лѣваго фланга относящіяся, особенно на счетъ Шали *); окончательныя же рѣшенія князь Воронцовъ предоставлялъ себѣ, по прибытіи въ половинѣ Октября на Лѣвый флангъ. „Между тѣмъ, прибавилъ князь Михаилъ Семеновичъ, не взирая на отличное положеніе наше въ военномъ отношеніи, я не могу еще и еще не повторить то, что̀ уже неоднократно писалъ всѣмъ начальникамъ отрядовъ, именно: не усыплять своей бдительности, быть ежеминутно на сторожѣ и имѣть постоянно въ готовности резервы. Имѣйте безпрерывныя сношенія съ Слѣпцовымъ и Ильинскимъ, а для обезпеченія Кумыкской плоскости прикажите Майделю поддерживать связь съ драгунскимъ полкомъ въ Чиръ-Юртѣ. Знаю, впрочемъ, что это и ваша система; а результаты подобнаго образа дѣйствій достаточно выказались въ блистательномъ успѣхѣ князя Аргутинскаго въ Дагестанѣ, при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ“.

Шамиль былъ сильно озадаченъ лѣтнимъ движеніемъ князя Барятинскаго и въ особенности полною почти безнаказанностью, съ которою оно было совершено. Чеченскіе наибы, подвергшіеся за это сильному гнѣву имама, рѣшились отплатить намъ тѣмъ же; они задумали напасть на мирныхъ Чеченцевъ, поселенныхъ подъ самою крѣпостью Грозною, гдѣ пребывалъ князь Барятинскій, и угнать весь ихъ скотъ. Въ случаѣ удачи, это былъ бы просто срамъ, что̀ подорвало бы наше обаяніе, столь быстро возраставшее въ послѣднее время, и могло бы остановить дальнѣйшій выходъ къ намъ переселенцевъ изъ непокорной страны.

15-го Сентября 1851 года, часу во второмъ дня, явился въ Грозную лазутчикъ съ извѣстіемъ, что часа черезъ два должна появиться собранная изъ пяти наибствъ партія Чеченцевъ въ 3000 человѣкъ, съ цѣлью угнать весь скотъ мир-

*) Въ чемъ эти предположенія могли заключаться, неизвѣстно; потому что писемъ князя Барятинскаго къ князю Воронцову за это время не сохранилось. Очевидно однако, что уже тогда князь Александръ Ивановичъ установилъ свой взглядъ на систему дѣйствій, приведшую впослѣдствіи къ окончательному покоренію Чечни, а затѣмъ и всего Восточнаго Кавказа.

ныхъ Грозненскихъ ауловъ. Князь Барятинскій приказалъ сказать лазутчику, что если его свѣдѣніе оправдается, то ему будетъ дана пригоршня золота, а если нѣтъ, то онъ будетъ сосланъ въ Сибирь; между тѣмъ, этого лазутчика майоръ П. Г. Бѣликъ, завѣдывавшій пріемомъ лазутчиковъ, задержалъ у себя на квартирѣ. Тотчасъ же были приготовлены всѣ войска, находившіяся въ Грозной, и извѣщены мирные Чеченцы; а въ шесть часовъ вечера дѣйствительно появилась огромная партія, захватила весь скотъ и погнала его *лѣвымъ* берегомъ Сунжи по направленію къ Чертугаевской переправѣ. Князь Барятинскій въ туже минуту переправился въ Грозной черезъ мостъ и *правымъ* берегомъ Сунжи двинулся къ той же Чертугаевской переправѣ. Легко себѣ представить, что̀ произошло съ Чеченской партіей, когда она, вполнѣ увѣренная въ успѣхѣ своего набѣга, уже въ виду переправы на свою сторону, вдругъ узрѣла Русскія войска, ставшія на пути ея отступленія! Пришлось уже думать не о добычѣ, не о торжествѣ, а о спасеніи...

Разгромъ былъ полнѣйшій; Чеченцы понесли большую потерю (болѣе 200 человѣкъ пало на мѣстѣ) и разсѣянные, небольшими кучками, спасались за Сунжу гдѣ кто могъ. Много лошадей, оружія и 35 плѣнныхъ остались въ нашихъ рукахъ.

Князь Барятинскій съ торжествомъ возвратился въ Грозную и въ 10 часовъ вечера потребовалъ къ себѣ лазутчика. При этомъ, по разсказу Бѣлика, произошла презабавная сцена. Князь сидѣлъ на диванѣ, предъ которымъ стоялъ круглый столъ, а на немъ подносъ полный червонцевъ; у стола извѣстный Чеченецъ Арцу (тогда молодой, въ качествѣ переводчика, нынѣ генералъ-маіоръ со звѣздами). Когда лазутчикъ явился, князь сказалъ ему: возьми себѣ пригоршню золота за доставленное вѣрное свѣдѣніе. Этотъ, не стѣсняясь, подошелъ, положилъ свою пахаху на столъ и запустилъ руки въ золото; но какъ только подниметъ руки, нѣсколько червонцевъ проскользнутъ между пальцевъ на подносъ; ему не хочется ихъ терять, онъ высыпаетъ червонцы опять на подносъ, начинаетъ загребать какъ можно больше, но предательскіе кружки скользятъ между пальцевъ. Такъ повтори-

лось три-четыре раза; наконецъ, когда онъ еще разъ набралъ, и червонца четыре опять проскользнули, то со вздохомъ сказалъ князю: „это уже ты себѣ возьми“. Александръ Ивановичъ отъ души расхохотался и, схвативъ самъ полную руку червонцевъ, бросилъ Чеченцу въ шапку.

Немудрено, что такою щедростью и доступностью князь Барятинскій покорялъ себѣ Азіятцевъ. Замѣчательно, что тотъ же самый человѣкъ, ровно чрезъ годъ, опять доставилъ свѣдѣніе о приближеніи непріятеля, и результатъ былъ такой же: наибъ Талгикъ былъ опять нашею кавалеріею и мирными Чеченцами разбитъ на голову, и князь Барятинскій въ этотъ разъ далъ лазутчику уже двойное количество червонцевъ. Этотъ самый Чеченецъ живетъ и теперь (1886 г.) въ аулѣ Бердыкелѣ, часто бываетъ у г. Бѣлика и вспоминаетъ о славномъ времени золотаго дождя...

Вообще о щедрости, отчасти можно сказать расточительности князя Александра Ивановича сохранились многія преданія. Во время пребыванія въ Грозной въ 1851 году, князь вытребовалъ туда музыку и пѣвчихъ изъ Кабардинскаго полка, почти ежедневно приглашалъ къ себѣ гостей обоего пола, давалъ обѣды, вечера, заставлялъ музыку играть на бульварѣ; все общество, особенно прекрасный полъ, были въ восторгѣ отъ очаровательнаго хозяина. Одинъ разъ пріѣхали гости изъ Владикавказа, въ сопровожденіи Слѣпцова, и въ теченіи двухъ сутокъ пиръ стоялъ горой; князь не жалѣлъ средствъ на угощеніе и все, что́ богатая фантазія могла придумать, что́ глухая крѣпость Грозная могла доставить, было пущено въ ходъ. За то и веселье было такое, какого, конечно, нигдѣ, кромѣ Кавказа, не существовало!

Не взирая на огромныя суммы, получаемыя изъ имѣній, князь Александръ Ивановичъ иногда оставался безъ денегъ. Такъ, въ 1851 году, когда пришлось уѣзжать въ Тифлисъ, онъ откладывалъ выѣздъ со дня на день, въ ожиданіи денегъ отъ сестры своей, графини Орловой-Давыдовой. Деньги, въ суммѣ, кажется, 30 тысячъ рублей, должны были придти по почтѣ изъ Саратовской губерніи, чрезъ Астрахань и Кизляръ; но съ ними случилось чрезвычайное происшествіе: бѣжавшій въ 1840 г. къ горцамъ изъ ст. Наурской Моздокскаго

полка, казакъ Алпатовъ, сдѣлавшійся исподволь однимъ изъ страшныхъ и отчаянныхъ предводителей хищническихъ шаекъ, разъѣзжавшій нерѣдко въ офицерскомъ платьѣ не только по линіи Терека, но и по Астраханской губерніи, и въ этотъ разъ съ 18 Чеченцами пробрался за Кизляръ на почтовую дорогу, разграбилъ двѣ почты и безнаказанно возвратился въ Чечню съ 45 тыс. рубл. денегъ. Чрезъ нѣсколько дней въ Грозную явился лазутчикъ и доставилъ конвертъ съ адресомъ на имя князя Александра Ивановича, въ которомъ лежало вскрытое письмо графини Ольги Ивановны пофранцузски, съ извѣщеніемъ объ отправленныхъ съ этою же почтою деньгахъ; письмо для доставленія въ Грозную было передано лазутчику самимъ Алпатовымъ.... Былъ часъ ночи, когда П. Г. Бѣликъ явился съ этимъ письмомъ къ князю и разсказалъ о печальномъ происшествіи на Астраханскомъ почтовомъ трактѣ.

Прочитавъ письмо, князь былъ сильно озадаченъ; но это продолжалось лишь нѣсколько минутъ, и за тѣмъ онъ совершенно хладнокровно сказалъ: „Сестра пишетъ о высланныхъ 30 тыс. денегъ. Однако все же спасибо негодяю Алпатову за присылку письма: теперь я, по крайней мѣрѣ, знаю, что мнѣ нечего дальше ожидать здѣсь“. Утромъ, потребовавъ у казначея штаба Лѣваго фланга нѣсколько тысячъ рублей, князь уѣхалъ въ Тифлисъ.

Донесеніе объ удачномъ пораженіи непріятеля 15-го Сентября князь Барятинскій отправилъ въ Алушку чрезъ Арцу Чермоева. Князь Воронцовъ, въ письмѣ отъ 27-го Сентября, искренно благодаря за прекрасное дѣло, „которое оставитъ воспоминаніе о вашемъ блистательномъ и полезномъ командованіи Лѣвымъ флангомъ“, продолжаетъ: „Извѣстіе не могло придти болѣе кстати, потому что я могъ сообщить о немъ путешествующимъ по южному берегу Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, пожаловавшимъ на нѣсколько дней въ Алушку. Я имъ представилъ Арцу, и они чрезвычайно заинтересовались вашимъ послѣднимъ дѣломъ и вообще всѣмъ происходящимъ на Кавказѣ, а Арцу пригласили сопутствовать имъ въ экскурсіяхъ по Крыму.

Буду ожидать вашего представленія о награжденіи отличившихся; что́ же касается значка, то, къ сожалѣнію, я отсюда ничего не могу послать, и мы съ Арцу порѣшили поступить слѣдующимъ образомъ: онъ, по возвращеніи въ Грозную, объявитъ мирнымъ Чеченцамъ, что я самъ привезу имъ значекъ, а вы между тѣмъ закажите по вашему соображенію соотвѣтственную вещь и вышлите мнѣ ее во Владикавказъ, къ моему пріѣзду, около 25-го Октября, откуда я и возьму ее съ собою въ Грозную. Между тѣмъ я написалъ въ Тифлисъ, чтобы вамъ отправили 12 Георгіевскихъ крестовъ для раздачи, по вашему усмотрѣнію, наиболѣе отличившимся—6-ть въ войска и 6-ть мирнымъ Чеченцамъ. Обо всемъ прочемъ, сообщенномъ мнѣ вами въ письмѣ чрезъ адъютанта моего князя Витгенштейна, особенно о заявившихъ желаніе выселиться къ намъ съ наибомъ Бата 800 семействахъ и предположеніяхъ о дѣйствіяхъ зимою, я переговорю съ вами лично. Здоровье мое слава Богу поправляется, и я хорошо перенесъ путешествіе въ Елисаветградъ для свиданія съ Государемъ, а оттуда въ Одессу. О времени возвращенія генерала Козловскаго мнѣ ничего неизвѣстно“.

По поводу этого же дѣла, генералъ Коцебу 28-го Сентября писалъ князю: „Отъ всего сердца поздравляю васъ съ блистательнымъ дѣломъ 15-го числа. Повѣрьте, что я искренне обрадовался вашему торжеству, и я одинъ изъ первыхъ отдающихъ справедливость вашему уму и вашей энергіи, которымъ мы обязаны за ваши успѣхи. Нельзя ли воспользоваться взятыми вами плѣнными для обмѣна ихъ на несчастныхъ пятерыхъ монаховъ, захваченныхъ Лезгинами въ Грузіи, о чемъ убѣдительно проситъ экзархъ?“

Выше уже упоминалось о вторженіи Шамиля въ Дагестанъ и постигшей его неудачѣ при встрѣчѣ съ войсками князя Аргутинскаго. Въ виду связи этого дѣла съ послѣдующими событіями, изложу его нѣсколько подробнѣе.

Въ 1851 году Шамиль, желая возстановить свое падавшее вліяніе и вознаградить крупныя потери, понесенныя въ Чечнѣ, какимъ-нибудь рѣшительнымъ ударомъ, отправилъ лучшаго своего помощника, извѣстнаго наиба Хаджи-Мурата съ партіею отборныхъ мюридовъ въ приморскую часть Да-

гестана, для возмущенія жителей Табасарани и Кайтаха, водворенія у нихъ ученія мюридизма и образованія партій, которыя бы безпрестанными набѣгами и нападеніями безпокоили окрестности Дербента и прерывали сообщенія его съ Темиръ-Ханъ-Шурой. Успѣхъ этого предпріятія могъ легко взволновать и другія части Южнаго Дагестана и поставить насъ въ весьма трудное положеніе. Самъ Шамиль, между тѣмъ, долженъ былъ оставаться въ Среднемъ Дагестанѣ и, воспользовавшись отвлеченіемъ главныхъ силъ Русскихъ въ Табасарань, нанести пораженіе оставшейся на Турчидагѣ небольшой колоннѣ и увлечь въ возстаніе окрестные мирные аулы.

Этотъ хорошо задуманный планъ не удался, хотя Хаджи-Муратъ, со свойственною ему быстротою и отвагою, выполнилъ большую часть своей задачи, вторгся въ Кайтахъ и Табасарань, захватилъ въ аулѣ Буйнакѣ (лежащемъ на почтовой дорогѣ) въ плѣнъ цѣлое семейство родственника шамхала Тарковскаго, взволновалъ населеніе, заставивъ его вступить въ бой съ подоспѣвшими войсками отряда князя Аргутинскаго-Долгорукаго, однако вынужденъ былъ бѣжать, оставивъ жителей Табасарани на произволъ судьбы. Самъ Шамиль тоже неудачно атаковалъ нашу колонну на Турчидагѣ и со стыдомъ отступилъ.

Крайне огорченный неудачею и упреками явившихся къ нему съ жалобой нѣсколькихъ Табасаранцевъ, подвергшихся напрасному разоренію и бѣдствіямъ, вызванными вторженіемъ Хаджи-Мурата, Шамиль обвинилъ его въ неумѣлости и робости, отрѣшилъ отъ должности Аварскаго наиба и подвергъ чему-то въ родѣ домашняго ареста и надзору. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ опалы и вражды Хаджи-Муратъ рѣшился бѣжать къ намъ...

Князь Аргутинскій въ Дагестанѣ и князь Барятинскій въ Грозной тотчасъ получили свѣдѣнія объ этихъ происшествіяхъ во враждебномъ намъ станѣ, и каждый поспѣшилъ сообщить ихъ главнокомандующему. Князь М. С. Воронцовъ,

отъ 14-го Октября, изъ Екатеринодара (гдѣ онъ былъ проѣздомъ изъ Крыма во Владикавказъ) послалъ князю Барятинскому слѣдующій отвѣтъ: „Не знаю какъ и благодарить васъ, дорогой князь, за ваши письма и всѣ сообщенныя интересныя извѣстія. Если Шамиль не заставитъ Хаджи-Мурата покориться, а этотъ успѣетъ сформировать свою партію для открытаго ему сопротивленія, намъ слѣдуетъ воспользоваться такими благопріятными обстоятельствами; князь Аргутинскій приготовляется даже поддержать Хаджи-Мурата въ самой Аваріи. То, что́ вы предполагаете въ этомъ случаѣ сдѣлать, вполнѣ основательно, и я надѣюсь, что Козловскій выполнитъ вашъ проектъ, тѣмъ болѣе, что это совершенно въ его характерѣ; да и въ самомъ дѣлѣ это единственное, что́ можно сдѣлать со стороны Лѣваго фланга. Сильная диверсія отъ Воздвиженской къ Шали и съ Кумыкской плоскости въ Аухъ или на Мичикъ не только удержатъ Чеченцевъ отъ движенія на помощь Шамилю, но его самаго заставитъ опасаться за Ведень и Ичкерію. А пока нужно, чтобы Слѣпцовъ и Ильинскій удерживали населеніе Черныхъ горъ (Малой Чечни) въ почтительномъ страхѣ. Надѣюсь, что вы получили мое письмо, въ которомъ я предлагалъ вамъ ожидать меня во Владикавказѣ; я съ нетерпѣніемъ жду свиданія съ вами, не только чтобы отъ души благодарить васъ за все сдѣланное вами во время командованія Лѣвымъ флангомъ, но и для обсужденія съ вами многихъ вопросовъ, до васъ лично касающихся, и по всѣмъ вашимъ проектамъ. Кстати, во Владикавказѣ съ нами будутъ и генералы Коцебу и Слѣпцовъ, и много другихъ лицъ для обсужденія и разрѣшенія нѣкоторыхъ важныхъ предметовъ, при чемъ вы будете весьма нужны. Вы, конечно, не сомнѣваетесь въ моей готовности сдѣлать все отъ меня зависящее для исполненія вашихъ желаній на счетъ рекомендованныхъ вами лицъ, и это еще усугубляетъ мое желаніе скорѣе васъ увидѣть и обнять“.

Въ это время генералъ Козловскій, наконецъ, возвратился изъ своего продолжительнаго отпуска и вновь вступилъ въ должность, а князь Барятинскій, послѣ шести мѣсяцевъ дѣйствительно блистательнаго начальствованія Лѣвымъ флан-

гомъ, долженъ былъ возвращаться къ своей скромной обязанности командира гренадерской бригады.

Что́ происходило на совѣщаніяхъ во Владикавказѣ, куда 21-го Октября прибылъ главнокомандующій, намъ неизвѣстно; но въ этотъ день состоялся приказъ по корпусу о возвращеніи князя Александра Ивановича къ своей бригадѣ, къ которой онъ и прибылъ 11-го Ноября.

Между тѣмъ главнокомандующій съ начальникомъ главнаго штаба уѣхали въ Воздвиженскую, гдѣ находился князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ, какъ командиръ Куринскаго полка; тамъ же была и молодая супруга его; оттуда всѣ переѣхали въ Грозную. Пользуясь дневкою въ Грозной, генералъ Коцебу писалъ князю Барятинскому въ Тифлисъ 2-го Ноября: „Вѣрный данному слову, спѣшу извѣстить васъ, что сегодня подписано, а завтра отправляется представленіе съ письмомъ къ Государю, составленномъ въ такомъ духѣ, что можно надѣяться на успѣхъ, какъ для васъ, такъ и для другихъ лицъ, меня интересующихъ. Генералъ Козловскій просилъ, чтобы вы опять приняли участіе въ зимнихъ дѣйствіяхъ его отряда, и князь Воронцовъ изъявилъ весьма любезно свое согласіе“... Очевидно, что здѣсь говорилось объ окончательномъ назначеніи князя Барятинскаго на мѣсто Козловскаго; но отъ него это пока скрывали, и согласіе на его желаніе имѣть князя въ своемъ отрядѣ было чистою ироніею... Быть можетъ безъ настойчиваго содѣйствія генерала Коцебу этого однако и не случилось бы. Впрочемъ, неопредѣленность продолжалась весьма недолго, и 6-го Декабря 1851 уже послѣдовалъ Высочайшій приказъ о назначеніи князя Барятинскаго командовать 20-ю дивизіею и Лѣвымъ флангомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ему пожалованъ орденъ Св. Владимира 2-й степени.

31-го Декабря 1851 князь Барятинскій былъ уже опять въ Грозной.

По всѣмъ признакамъ можно догадываться, что совѣщаніе во Владикавказѣ и позднѣйшіе доклады П. Е. Коцебу окончательно убѣдили главнокомандующаго въ несомнѣнной

пользѣ такого назначенія, хотя бы съ нѣкоторымъ рискомъ затронуть самолюбіе старшаго генерала Козловскаго, которому впрочемъ былъ устроенъ „золотой мостъ“: онъ тогда же произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ начальникомъ 19-й дивизіи.

На пути въ Грозную, изъ Владикавказа, князь Барятинскій 28-го Декабря писалъ князю Воронцову *): „Я пріѣхалъ въ Владикавказъ лишь вчера; снѣга въ горахъ вынудили меня потерять полдня. Князь Гагаринъ ознобилъ ноги и къ отчаянію своему долженъ нѣкоторое время остаться здѣсь. Мы пришли съ Вревскимъ къ полному соглашенію и сегодня вмѣстѣ съ нимъ выѣзжаемъ на ночь въ Ачхой, а завтра будемъ осматривать просѣки, вырубленныя имъ и Слѣпцовымъ, также мѣсто, гдѣ предполагается постройка небольшаго укрѣпленія Геха. Оттуда я поѣду въ Урусъ-Мартанъ и къ вечеру надѣюсь быть въ Грозной, гдѣ мое присутствіе необходимо для различныхъ распоряженій. Во время этого маленькаго путешествія съ Вревскимъ мы будемъ имѣть время покончить съ многими вопросами, и при первомъ случаѣ я донесу вамъ обо всемъ, что̀ мы обсудили“.

*) Всѣ письма по-французски.

Глава XIII.

1852-й годъ.

Упроченіе князя Барятинскаго въ новой должности.—Письма князя Воронцова.—Важность даннаго князю Александру Ивановичу назначенія.—Дѣйствія его отряда въ Январѣ 1852 г. въ Большой Чечнѣ.—Истребленіе Автура и Гельдыгена.—Письма по этому поводу князя Воронцова и генерала Коцебу [1]).

Къ новому 1852 году князь Барятинскій явился въ Грозную уже настоящимъ хозяиномъ Лѣваго фланга. Всѣ колебанія, неувѣренность въ своемъ положеніи и будущности исчезли; для предпріимчивости военной и административной явилась бо́льшая свобода.

Не теряя времени, князь приступилъ къ выполненію имъ же составленныхъ предположеній о зимнихъ дѣйствіяхъ въ Чечнѣ. Но прежде разсказа о ходѣ этихъ дѣйствій, я приведу переписку, возникшую между обоими дѣйствующими лицами.

Князь Воронцовъ князю Барятинскому отъ 3-го Янв. 1852 г.: „Пишу вамъ эти строки чрезъ г-на Варенцова [2]), отправляющагося участвовать съ вами въ военныхъ дѣйствіяхъ. Благодарю васъ за письмо изъ Владикавказа; еслибы не постоянное опаздываніе почты, я бы уже сегодня долженъ получить отъ васъ извѣстія изъ Грозной. Надѣюсь и молю Бога, чтобы все у васъ пошло хорошо. Вчера здѣсь въ городѣ распространили слухъ, будто Мичиковскіе аулы заговорили о покорности; это было бы отличное дѣло и совершенно упростило бы ваши зимнія операціи. Князь Аргутинскій сообщаетъ другую новость, которая была бы еще важнѣе, еслибы оправдалась: будто бы братъ Кибитъ-Магомы [3]), Муртузъ-Али, отказался явиться къ Шамилю по его требованію и заперся въ Тилитлѣ, съ рѣшимостью сопротивляться.

---

[1]) Считаю нужнымъ напомнить, что всѣ приведенныя письма писаны по-французски и передаются здѣсь въ переводѣ.

[2]) Если память мнѣ не измѣняетъ, это былъ лейбъ-уланскій офицеръ, пріѣхавшій на Кавказъ за отличіями.

[3]) Одинъ изъ весьма вліятельныхъ въ Дагестанѣ наибовъ.

Не рѣшаюсь пока вѣрить, но это было бы для Шамиля въ настоящую минуту весьма непріятное обстоятельство.

„Сообщите мнѣ, пожалуйста, что нибудь о Муратѣ; говорятъ, онъ былъ весьма обрадованъ, встрѣтивъ въ Грозной недавно вышедшаго къ намъ, съ нѣсколькими семействами, Чеченскаго старшину, человѣка, по слухамъ, весьма вліятельнаго и могущаго быть намъ полезнымъ. — Рѣшаюсь повторить вамъ еще разъ мою просьбу, сказанную вамъ при прощаніи, какъ начальникъ и отецъ. Судя по письму генерала Козловскаго къ начальнику штаба, дѣло между Меллеромъ [1]) и Семеномъ [2]) наружно какъ бы уладилось; но этого не достаточно; надѣюсь, что Семенъ будетъ благоразуменъ, извинится какъ слѣдуетъ, и тогда все будетъ хорошо. Ожидаю отъ васъ объ этомъ и другихъ дѣлахъ подробныхъ сообщеній, согласно данному вами обѣщанію".

Отъ 4-го Января. „Пишу вамъ сегодня чрезъ Николая Эристова [3]), расчитывающаго прибыть къ вамъ 9-го числа. Я задержалъ его здѣсь на сутки, чтобы поговорить съ вами секретно о весьма важномъ дѣлѣ. Хасай [4]) передалъ мнѣ, что онъ получилъ отъ Гиналъ-Гебека письмо, якобы Хаджи-Муратъ насъ обманываетъ и что онъ вышелъ къ намъ по соглашенію съ Шамилемъ, чтобы устроить намъ нѣсколько непріятныхъ дѣлъ и возвратиться въ горы. Не могу этому вѣрить; но необходимо намъ быть на стòрожѣ, а между тѣмъ выпытать у Гиналъ-Гебека, отъ кого онъ узналъ это и заслуживаютъ ли эти люди довѣрія. Хорошій случай строгаго наблюденія за Хаджи-Муратомъ даетъ вамъ самъ онъ своей просьбой назначить для постояннаго его сопровожденія 20—30 казаковъ, съ прибавкою нѣсколькихъ выбранныхъ вами туземцевъ; кажется, можно держать его спокойно въ рукахъ и ожидать результата переговоровъ объ освобожденіи его семейства. Вы на мѣстѣ лучше сообразите, какія мѣры при-

---

[1]) Генералъ-маіоръ баронъ Меллеръ-Закомельскій, бригадный командиръ.

[2]) Сыномъ князя Воронцова, командиромъ Куринскаго полка.

[3]) Князь Николай Эристовъ былъ адъютантомъ у князя Воронцова.

[4]) Подполковникъ князь Хасай-Уцміевъ, Кумыкъ, довольно образованный человѣкъ, говорившій, кажется, по-французски.

нять; объ одномъ только убѣдительно прошу: не дозволять ему пріѣзжать къ вамъ въ отрядъ и еще менѣе въ Воздвиженскую, потому что его дѣйствительная или показная дружба къ Семену и пристрастіе послѣдняго къ нему мнѣ кажутся подозрительными. Повторяю, что не могу вѣрить разсказу Хасая; но то вѣрно, что такой отпѣтый разбойникъ, какъ Хаджи-Муратъ, легко можетъ нанести Воздвиженской какой-нибудь скверный ударъ, который возвратитъ ему благоволеніе Шамиля, держащаго въ рукахъ его семью; къ этому Хаджи-Мурата можетъ побудить привязанность къ семьѣ, а можетъ и религіозный фанатизмъ. Подумайте обо всемъ этомъ, любезный князь, и извѣстите меня чрезъ нарочнаго о вашихъ распоряженіяхъ, и о томъ, что̀ говорятъ Гиналъ-Гебекъ и Азіятцы, находящіеся по вашему назначенію при Хаджи-Муратѣ. Я хотѣлъ командировать къ вамъ подполковника князя Тарханова *), человѣка ловкаго и тонкаго, котораго Хаджи-Муратъ здѣсь часто видѣлъ, но рѣшилъ дождаться вашего отвѣта, который потрудитесь доставить мнѣ съ какимъ-нибудь офицеромъ или урядникомъ, умѣющимъ быстро ѣздить. Предупредите Семена, чтобы былъ остороженъ; я ему написалъ нѣсколько словъ безъ всякихъ подробностей; нужно, чтобы онъ зналъ, что Хаджи-Муратъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ приближаться ни къ отряду, ни къ Воздвиженской, ни даже къ Урусъ-Мартану.

„Если, какъ я полагаю, Меллеръ не будетъ въ отрядѣ, а останется начальникомъ всего пространства на лѣвомъ берегу Аргуна, то на его обязанности будетъ наблюдать за Хаджи-Муратомъ и совѣщаться съ нимъ на счетъ выкупа его семейства. Полагаю, что Меллеръ все это исполнитъ хорошо, если вы съ нимъ откровенно поговорите и разъясните всѣ ваши взгляды, согласно съ изложеннымъ мною выше; подтвердите ему о непремѣнномъ, безотлучномъ нахожденіи при Хаджи-Муратѣ 30 казаковъ, а—главное—чтобы это были лучшіе люди, выбранные изъ всѣхъ линейныхъ полковъ, о чемъ я уже писалъ генералу Козловскому; они должны быть вполнѣ вѣрные, храбрые и рѣшительные люди при всякой

*) Князь Константинъ Тархановъ, впослѣдствіи Бакинскій губернаторъ.

случайности; дайте имъ начальника такихъ же качествъ, которому бы вы могли довѣриться и сообщить всю важность его назначенія. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать отъ васъ извѣстій, какъ по этому дѣлу, такъ и вообще что̀ вамъ извѣстно о положеніи дѣлъ въ Чечнѣ и у Шамиля и къ какомъ количествѣ можетъ онъ пригнать изъ Дагестана людей противъ васъ. Если вамъ удастся нанести имъ такой же ударъ, какъ въ прошломъ году, это отобьетъ охоту у Тавлинцевъ и, должно думать, не очень опечалитъ и самихъ Чеченцевъ. Да хранитъ васъ Богъ".

Письмо это разминулось съ слѣдующимъ письмомъ князя Барятинскаго, изъ крѣпости Воздвиженской, отъ 5-го Января 1852 года: „Какъ я писалъ вамъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ изъ Владикавказа, мы отправились съ барономъ Вревскимъ на мѣсто, гдѣ былъ убитъ храбрый Слѣпцовъ и гдѣ, по его указанію, выбранъ пунктъ для постройки форта Геха. Выборъ мѣста хорошъ; но я нахожу, что даже послѣ этой постройки необходимо будетъ сдѣлать еще нѣсколько просѣкъ на другой сторонѣ рѣки, дабы, раскрывъ мѣстность, прогнать непріятельское населеніе далѣе отъ Геха. Здѣсь лѣсъ очень густъ; на нашей же сторонѣ рѣки почти все расчищено, и сообщенія съ Урусъ-Мартаномъ и Ачхоемъ свободны. По дорогѣ у насъ была маленькая перестрѣлка, при чемъ мы взяли четырехъ плѣнныхъ, которыхъ я отдалъ въ распоряженіе Хаджи-Мурата. Мы много говорили съ Вревскимъ о той границѣ, которую вы назначили между нашими раіонами (т.-е. Лѣвымъ флангомъ и Владикавказскимъ военнымъ округомъ) и рѣшили дѣйствовать, взаимно помогая другъ другу, такъ какъ наши дѣла съ этой стороны слишкомъ связаны между собою, чтобы быть раздѣленными. Вревскій понимаетъ это также какъ и я и вполнѣ раздѣляетъ мое мнѣніе, что самое лучшее— это нераздѣльность нашихъ предѣловъ командованія; это же избавляетъ отъ работъ по проведенію границъ. Я пишу обо всемъ этомъ по его уполномочію и буду ожидать чѣмъ вы рѣшите этотъ вопросъ. Будьте увѣрены, князь, что мы всегда остаемся съ нимъ вполнѣ согласны, если дѣло коснется общей пользы и возможно бо̀льшаго нанесенія вреда

непріятелю; это наша конечная цѣль. Съ этимъ же курьеромъ я пишу къ барону Вревскому и прошу его прислать мнѣ батальонъ Эриванцевъ: ему онъ на Сунжѣ не нуженъ. Я поставлю батальонъ въ Грозной и въ тоже время усилю немного гарнизонъ Воздвиженской, такъ какъ въ нынѣшнемъ году театръ нашихъ дѣйствій будетъ болѣе удаленъ, чѣмъ въ прошломъ. Мнѣ также нужно болѣе войскъ въ тылу, какъ для гарнизонной службы, такъ и для транспортированія больныхъ; наконецъ, мало ли что́ можетъ случиться при встрѣчѣ съ непріятелемъ!

„Для карабинеровъ совершенно безразлично, гдѣ находиться—на Сунжѣ, или въ Грозной; и тутъ и тамъ они будутъ хороши; къ тому же они въ эти 15 дней послѣ возвращенія изъ Гехинскаго отряда совершенно оправились. Я вамъ обѣщаю заботиться объ нихъ и не пользоваться ими болѣе мѣсяца подрядъ.

„Семенъ ведетъ свое дѣло превосходно. Судите сами, какой важный постъ онъ занимаетъ. Всѣ отъ него въ восхищеніи, и это совершенно справедливо имъ заслужено. Мнѣ было бы очень пріятно, да и для дѣла крайне полезно, если бы вы окончательно поручили Воздвиженскую Семену, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.

„Относительно Хаджи-Мурата, я право не знаю что́ сказать. Хаджи-Муратъ мнѣ кажется спокойнымъ, и я не вижу съ его стороны ничего дурнаго; но онъ производитъ большое вліяніе на окружающихъ его и, слѣдовательно, если онъ имѣетъ какія-нибудь скверныя намѣренія, то онъ можетъ легко воспользоваться своимъ обаяніемъ. Благодаря его долгому здѣсь пребыванію, онъ замѣтно скучаетъ и еслибы вы вызвали его въ Тифлисъ, взявъ съ него обѣщаніе.... (неразобрано), онъ это сдѣлалъ бы съ большимъ удовольствіемъ, и я былъ бы избавленъ отъ необходимости безпокойнаго надзора за нимъ, особенно во время моего долгаго отсутствія изъ Грозной.

„Я прибылъ сюда съ войсками вчера и сегодня утромъ уѣзжаю; это письмо отправится лишь съ первой позиціи, которую я думаю занять на Аргунѣ 7-го или 8-го числа. Оттуда я начну осмотры мѣстности; первымъ дѣломъ будетъ

отыскать возможность повернуть въ Басъ воду, которую непріятель съумѣлъ отвести, и затѣмъ выбрать мѣсто для лагеря".

Въ письмѣ, отъ 7 Января, князь Воронцовъ еще разъ возвращается къ дѣлу Хаджи-Мурата и выражаетъ большое желаніе, чтобы какимъ-нибудь способомъ удалось увести изъ рукъ Шамиля семейство его; для этого онъ разрѣшаетъ, кромѣ выдачи нѣсколькихъ находящихся у насъ плѣнныхъ горцевъ, издержать отъ 2-хъ до 3-хъ тыс. рублей и поручаетъ князю Барятинскому войти чрезъ вѣрнаго человѣка въ сношеніе съ княземъ Аргутинскимъ, который могъ бы воспользоваться отсутствіемъ Шамиля въ Чечню, и найти ловкихъ людей, готовыхъ за деньги на такое предпріятіе, устроивъ побѣгъ семьи Хаджи-Мурата или черезъ Мехтулинское владѣніе къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, или чрезъ Салатавію къ укрѣпленію Евгеніевскому. „Это, писалъ князь, мечта; но бываютъ мечты, приводимыя въ исполненіе. А результаты были бы весьма важные: ибо, разъ семейство этого наѣздника было бы въ нашихъ рукахъ въ Кизлярѣ, или, еще лучше, въ Ставрополѣ, мы могли бы окончательно отбросить всѣ сомнѣнія въ вѣрности Хаджи-Мурата и ожидать отъ него немаловажныхъ услугъ".

Въ предъидущей главѣ уже упомянуто, что Хаджи-Муратъ, одинъ изъ главнѣйшихъ и отважнѣйшихъ наибовъ Шамиля, вслѣдствіе неудачи, постигшей его въ 1851 году при возмущеніи Табасарани, подвергся опалѣ владыки горъ и, опасаясь казни, рѣшился бѣжать къ намъ. Позднею осенью онъ, съ нѣсколькими преданными горцами, вышелъ Аргунскимъ ущельемъ къ кр. Воздвиженской, гдѣ былъ расположенъ Куринскій полкъ, командиръ котораго, князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ, получивъ извѣстіе о прибытіи Хаджи-Мурата, вышелъ съ двумя ротами за крѣпость и, принявъ весьма любезно выходца, удержалъ его нѣсколько дней у себя гостемъ, а затѣмъ съ сильнымъ конвоемъ отправилъ въ Грозную. По содержанію приведенныхъ словъ въ письмахъ главнокомандующаго, можно судить, какое значеніе придавалось этому горскому наѣзднику, и хотя князь Воронцовъ не вѣрилъ разсказамъ Хасая, однако видимо чрезвычайно боялся за сына, съ которымъ Хаджи-Муратъ, въ слу-

чаѣ нахожденія въ Воздвиженской, легко могъ устроить одну изъ тѣхъ чисто-Кавказскихъ, дерзкихъ, никѣмъ не предвидѣнныхъ штукъ, какихъ мы тамъ видѣли немало примѣровъ. Хаджи-Муратъ довольно долго оставался въ Грозной, и князь Воронцовъ еще не разъ возвращался въ своихъ письмахъ къ князю Барятинскому объ немъ. Впослѣдствіи его увезли изъ Грозной въ Тифлисъ; затѣмъ назначили ему мѣстопребываніемъ мусульманскій городъ Нуху, изъ котораго онъ, чрезъ нѣкоторое время, съ своими четырьмя горцами, убивъ сопровождавшихъ его въ прогулкахъ за городъ полицейскаго офицера и казачьяго урядника, бѣжалъ; но былъ настигнутъ, окруженъ вооруженными жителями и, послѣ отчаянной защиты, весь израненный, наконецъ убитъ, а голова его доставлена въ Тифлисъ....

—

Назначеніе князя Барятинскаго начальникомъ Лѣваго фланга было со стороны главнокомандующаго дѣйствительною заслугою общему дѣлу. При всемъ дружественномъ расположеніи, даже интимности отношеній старика князя Михаила Семеновича къ Александру Ивановичу, изъ писемъ его, хотя и прикрытыхъ любезными фразами и комплиментами, нельзя не замѣтить нѣкотораго какъ бы сомнѣнія въ возможности окончательно довѣрить ему важный постъ. Очевидно, главную роль въ этомъ играло опасеніе слишкомъ пылкихъ увлеченій, излишней отваги, столь цѣнимой въ низшихъ военныхъ должностяхъ, но часто весьма опасной въ положеніи высшихъ начальниковъ, самостоятельно распоряжающихся тысячами людей, и особенно въ такихъ условіяхъ, какія тогда существовали на Кавказѣ, гдѣ одна катастрофа могла вызывать гибельныя послѣдствія для общаго хода дѣлъ, чему уже было нѣсколько примѣровъ. Къ этому не могли не присоединяться и опасенія нарушить извѣстныя служебныя іерархическія, давно установившіяся правила, возвышеніемъ младшихъ помимо старшихъ, —правила, хотя и весьма основательныя, но, какъ и всякія другія, не избѣгающія исключеній.

Такъ или иначе, но князь Воронцовъ наконецъ рѣшился, и, быть можетъ, за все девятилѣтнее время своего командованія Кавказомъ онъ болѣе удачнаго выбора для даннаго

мѣста не сдѣлалъ. Знакомство съ краемъ, съ туземнымъ населеніемъ, личная храбрость и предпріимчивость, щедрость при значительныхъ собственныхъ средствахъ, обаяніе громкаго имени и близкихъ отношеній къ Наслѣднику Престола, вѣра въ свое счастіе, твердое убѣжденіе въ непогрѣшимости своихъ военныхъ взглядовъ, отсутствіе, столь портящаго дѣятельность многихъ, опасенія за то „что̀ скажутъ, какъ примутъ, а не дай Богъ неудачи, зачѣмъ мнѣ рисковать“, даже самая наружность, лихая ѣзда истаго кавалериста, все, вмѣстѣ взятое, было причиной, что за успѣхъ можно было ручаться. Дѣйствія его были смѣлы, рѣшительны, приводили наши войска въ восторгъ, а непріятеля озадачивали и наводили на него уныніе. Это не преувеличеніе, не панегирикъ. Кто подробно знако̀мъ съ ходомъ военныхъ дѣйствій нашихъ на Лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи до 1851 года и сравнитъ ихъ съ дѣйствіями этого и 1852—53 годовъ, тотъ оспаривать моего положенія вѣроятно не станетъ, тѣмъ болѣе, что они составляютъ прямую связь съ тѣми дѣйствіями, которыя начались осенью 1856 года, тотчасъ послѣ назначенія князя Барятинскаго главнокомандующимъ, и менѣе чѣмъ въ три года привели къ блистательному окончательному покоренію всего Восточнаго Кавказа.

Для зимнихъ дѣйствій 1852 года былъ собранъ отрядъ значительной силы: 11¼ баталіоновъ, 4 эскадрона драгунъ, 7 сотенъ казаковъ, 24 орудія, 4 ракетныя и гальваническая команды и нѣсколько сотъ милиціи. Шамиль, въ свою очередь, предположилъ оказать серьезное сопротивленіе и собралъ большія толпы горцевъ изъ Дагестана и Лезгинскихъ племенъ. Это была съ его стороны большая ошибка. Обязанность продовольствовать горцевъ оказалась для Чеченцевъ крайне тяжелою и непріятною, тѣмъ болѣе, что пришельцы играли отчасти роль экзекуціонныхъ войскъ; порождалась вражда между населеніемъ Чечни и горцами; Дагестанскія толпы помогали весьма мало, ибо въ лѣсахъ не умѣли драться, да и особаго рвенія сражаться за чужое дѣло не проявляли, а гдѣ приходилось встрѣтиться имъ съ Русскими войсками, терпѣли огромныя потери, разнося по своимъ горамъ уныніе, вопли и роптъ на деспота, гнавшаго ихъ погибать

на чужбинѣ. Между тѣмъ, Чеченцы, полагаясь на ихъ присутствіе, и сами не проявляли всей той энергіи, къ какой были способны и которую не разъ выказывали, будучи даже въ малочисленномъ сборѣ, когда, пользуясь мѣстностью, наносили намъ такой уронъ, какого никогда присутствіе многотысячныхъ полчищъ Шамиля намъ не причиняло. Для ободренія Чеченцевъ и содѣйствія имъ въ защитѣ ихъ земли, достаточно было Шамилю приходить съ артилеріею и съ нѣсколькими стами отборныхъ своихъ мюридовъ, которые не ударили бы лицомъ въ грязь предъ Чеченцами и отличились бы совершеннымъ презрѣніемъ къ смерти, да употребить мѣры противу лазутчиковъ, ремесло коихъ до того распространилось въ Чечнѣ, что намъ были извѣстны и всякій шагъ, и всякій планъ непріятеля. Само собою, это парализовало его дѣйствія и давало намъ большой перевѣсъ, помимо перевѣса въ матеріяльныхъ средствахъ и достоинствѣ войскъ.

4 Января отрядъ выступилъ въ Воздвиженскую, а 5-го, послѣ молебствія, двинулся за Аргунъ, ставъ лагеремъ вблизи переправы. Погода была не благопріятная: дождь, смѣшанный со снѣгомъ, туманъ и вообще слякоть, что́ гораздо хуже для войскъ, чѣмъ морозъ хоть и въ 10°.

По свѣдѣніямъ отъ лазутчиковъ было извѣстно, что Шамиль сдѣлалъ распоряженіе о заготовленіи продовольствія въ разныхъ пунктахъ, и еще новыя сборища изъ горъ должны были вскорѣ прибыть. Князь Барятинскій рѣшился отступить отъ установившагося въ прежніе годы порядка и, вмѣсто начатія рубки просѣкъ, съ свѣжимъ отрядомъ, рвущимся въ бой, двинуться въ глубь Большой Чечни, пока непріятель не усилился еще новыми подкрѣпленіями, уничтожить всѣ его запасы, разбить его, если онъ встрѣтится и—что́ было важнѣе всего—сорвать завѣсу съ той части края, которая съ 1841 года не видѣла у себя Русскихъ войскъ, заросла густымъ лѣсомъ и превратилась для насъ во что-то таинственно-пугающее, неприступное.

Оставивъ лагерь подъ прикрытіемъ 3-хъ баталіоновъ, при 8 орудіяхъ, князь Барятинскій выступилъ 6-го Января въ 4 часа утра чрезъ Шали къ Автуру, состоящему изъ нѣсколькихъ ауловъ, почти непрерывной цѣпью тянущихся

по обрывистому берегу р. Хулхулау. Главный аулъ на правомъ берегу былъ совершенно скрытъ среди большихъ прекрасныхъ садовъ, примыкавшихъ къ находившемуся за ними лѣсу. Ожидая встрѣтить сильное сопротивленіе, князь сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія, и въ атаку были двинуты баталіоны Куринцевъ, подъ командою своего командира, князя Семена Воронцова. Оказалось однако, что аулъ былъ уже оставленъ жителями, не задолго предъ тѣмъ успѣвшими вывести свои семейства и скотъ въ лѣсныя чащи; въ сакляхъ войска нашли еще много имущества и захватили нѣсколько отсталыхъ.

Оставивъ въ Автурѣ три баталіона, князь Барятинскій съ остальными войсками двинулся къ слѣдующему аулу Гельдыгену, лежащему въ 7 верстахъ дальше, почти на уступахъ Черныхъ горъ. Дорога пролегала по открытой равнинѣ, поросшей небольшими лѣсными грушами и однимъ нѣсколько болѣе густымъ лѣсомъ, прорѣзаннымъ извилистой, неглубокой балкой.

Не встрѣчая никакого сопротивленія, колонна достигла Гельдыгена, близъ котораго оказался еще аулъ Османъ-юртъ; оба были пусты, брошены жителями, очевидно заранѣе узнавшими о нашемъ движеніи,—значитъ, были и у нихъ лазутчики... Дома оказались довольно обширные и хорошо построенные, такъ что сожженіе ихъ представило нѣкоторыя затрудненія. Когда пламя нѣсколько распространилось, былъ данъ сигналъ къ отступленію, которое и совершилось съ весьма слабой перестрѣлкой, стоившей намъ нѣсколькихъ раненыхъ. Къ ночи войска возвратились въ Автуръ сильно утомленныя, особенно бывшія въ аріергардѣ, вынужденныя на сильномъ холодѣ стоять, въ ожиданіи перехода всей артилеріи чрезъ плохіе мостики, которые часто обрушивались.

На слѣдующее утро, проведя ночь на бивуакахъ, отрядъ выступилъ изъ Автура, предавъ его пламени. Послѣ переправы чрезъ рѣку, князь Барятинскій съ двумя баталіонами отправился на рекогносцировку вверхъ по р. Хулхулау, лѣвымъ берегомъ которой идетъ дорога въ Ведень. Отойдя верстъ пять и ознакомившись съ мѣстностью первыхъ уступовъ Черныхъ горъ, князь возвратился; была жаркая перестрѣлка съ

пѣшими толпами горцевъ, встревоженныхъ подозрѣніями, что мы идемъ на Ведень, изъ котораго именно въ тотъ день спѣшилъ Шамиль, ведя подкрѣпленіе въ Чечню.

По соединеніи всѣхъ частей войскъ, отрядъ двинулся назадъ къ Аргуну уже по другой дорогѣ, во избѣжаніе встрѣчи съ засадами, которыя могли быть подготовлены Чеченцами на вчерашнемъ пути. При этомъ движеніи происходила незначительная перестрѣлка, и непріятельскія ядра провожали отрядъ. Весь уронъ за эти два дня ограничился однимъ убитымъ и 24 ранеными, а между тѣмъ дѣло было совершено весьма хорошее. Движеніе 6-го и 7-го Января доказывало и рѣшимость и вѣрность взгляда князя Барятинскаго, умѣвшаго обмануть непріятеля неожиданно-измѣняемымъ направленіемъ марша войскъ, что́ и было причиной незначительной потери.

Присутствіе Шамиля съ большими сборищами и 5-ю орудіями оказалось ни къ чему не ведущимъ, хотя имамъ въ одномъ мѣстѣ, желая воодушевить своихъ горцевъ, выскочилъ впередъ, самъ выстрѣлилъ изъ винтовки, выхватилъ шашку съ намѣреніемъ броситься въ наши ряды и едва былъ уведенъ своими мюридами, изъ которыхъ двое поплатились жизнью на его же глазахъ, пораженные пулями нашихъ застрѣльщиковъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывалъ лазутчикъ. Чеченцамъ приходилось убѣждаться въ безсиліи Шамиля защитить ихъ и въ томъ, что періодъ нашей робости, нашихъ неудачъ прошелъ, что возвращаются времена и обстоятельства конца 30-хъ годовъ, когда Чечня подчинялась Русскимъ.

Донесенія объ этихъ дѣлахъ, были отправлены въ Тифлисъ съ капитаномъ генеральнаго штаба Циммерманомъ, участвовавшимъ въ движеніи отряда; изъ Тифлиса же князь Воронцовъ послалъ Циммермана въ Петербургъ.

Затѣмъ, 10-го Января, была отправлена колонна, для истребленія нѣсколькихъ небольшихъ ауловъ на Мезеинской полянѣ. Войска выступили ночью; дѣло было исполнено, аулы сожжены; но при отступленіи, Чеченцы, не взирая на отсутствіе многочисленныхъ горскихъ партій и артилеріи, воспользовались крайне пересѣченною, неудобною для насъ мѣ-

стностью и жестоко насѣли на Кабардинскій баталіонъ, бывшій въ аріергардѣ. Отступать приходилось безъ всякихъ цѣпей, потому что въ одномъ мѣстѣ, въ разстояніи почти цѣлой версты, лѣсъ былъ такъ густъ и перевитъ вьющимися растеніями, что не иначе можно было идти, какъ по узенькой тропинкѣ, растянувшись рядами. Къ счастью, у насъ тутъ не было орудій, которыя окончательно затруднили бы отступленіе. Потеря оказалась довольно значительная: убиты 5 человѣкъ, ранены 60, въ томъ числѣ два офицера.

Вотъ какая несоразмѣрность бывала въ потеряхъ! Незначительное въ сущности движеніе, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, стоило гораздо болѣе чѣмъ вдвое противъ важнаго по результатамъ движенія цѣлаго отряда, въ теченіе двухъ дней.

Князь Барятинскій писалъ главнокомандующему 11-го числа изъ лагеря на Аргунѣ:

„Послѣ того удара, который мы нанесли Шамилю 6-го и 7-го этого мѣсяца, жители Большой Чечни начинаютъ сомнѣваться въ его могуществѣ. Мои лазутчики доносятъ, что онъ не можетъ еще оправиться отъ пораженія и тревожныхъ извѣстій, полученныхъ имъ изъ Веденя; онъ проводитъ свои дни, оплакивая мертвыхъ, молясь и совѣщаясь.

„Баронъ Меллеръ-Закомельскій, которому я поручилъ вчера колонну, сжегъ 5 ауловъ и захватилъ большую добычу. Дѣло было жаркое, непріятель потерялъ много людей, а мы около 60 раненыхъ, 5 убитыхъ и двухъ раненыхъ офицеровъ. Позиція, которую я теперь занимаю на Аргунѣ, въ 5 верстахъ отъ Воздвиженской п та, которую я надѣюсь занять черезъ нѣсколько дней въ Тепли около Грозной, — предоставляютъ мнѣ такія преимущества, что я вполнѣ надѣюсь заслужить ваше одобреніе. Не говоря уже о легкости доставки продовольствія и дешевизнѣ подвоза, я этимъ положеніемъ держу какъ Большую такъ и Малую Чечню въ полномъ спокойствіи. Я окончательно сбиваю съ толку непріятеля, которому была хорошо извѣстна наша манера дѣйствій зимою; онъ

теперь не знаетъ болѣе, что́ ему дѣлать, о чемъ думать. Въ Шамиля, который хочетъ казаться непогрѣшимымъ, перестаютъ вѣрить, потому что теперь онъ ничего не можетъ предугадать. Тавлинцы, которымъ приготовили зимнія квартиры вблизи предполагавшихся нашихъ дѣйствій, съ цѣлью не допустить насъ до занятія рѣки Баса, очутились теперь слишкомъ далеко, чтобы могли сражаться съ нами, и раззоряютъ страну, жители которой ихъ ненавидятъ и которую они не могутъ защищать.

„Я занятъ теперь, насколько это возможно, проложеніемъ удобнаго пути отъ Воздвиженской и Грозной на Шали и Герменчукъ, и всѣ мои топоры работаютъ каждый день. Вы знаете изъ моего рапорта, что ущелье Баса приведено въ беззащитное состояніе, и я надѣюсь доказать Шамилю въ первый же періодъ кампаніи, что я съумѣю тамъ пройти. Бата *) оказываетъ намъ много услугъ.

„Мой бѣдный бѣглецъ, который мнѣ такъ превосходно служилъ въ дѣлахъ Большой Чечни, умеръ за нѣсколько дней до нашего прибытія; я думаю, что онъ былъ отравленъ.

Въ Автурѣ наши солдаты нашли большую переписку Шамиля съ Магометъ-Эминомъ; когда мнѣ ее переведутъ, я буду имѣть честь отправить вамъ подлинники“.

Получивъ это донесеніе, князь Воронцовъ писалъ 11-го Января князю Барятинскому слѣдующее: „Не знаю, какъ васъ благодарить и достаточно расхвалить, мой дорогой князь, за свѣдѣнія, полученныя чрезъ капитана Циммермана. Смѣлое и блистательное начало кампаніи, взятіе Автура и Гельдыгена, пораженіе самаго Шамиля, послѣдствія, какія подобныя дѣйствія должны имѣть не только въ несчастной Чечнѣ, но и во всемъ Дагестанѣ, превосходятъ все, чего я могъ надѣяться отъ начала экспедиціи, наполняя меня радостью и благодарностью къ вамъ. Только вашей энергіи, вашей рѣшимости и вашимъ большимъ военнымъ способностямъ обязаны мы всѣмъ этимъ. Вы имѣете особый талантъ дѣлать всегда больше и лучше, чѣмъ предписано въ данныхъ вамъ инструк-

*) Измѣнившій Шамилю и перешедшій къ намъ наибъ.

щіяхъ. Дай Богъ—и этому позволительно вѣрить—чтобы, какъ вы говорите, мы находились теперь наканунѣ конца борьбы въ Большой Чечнѣ. Вы создали себѣ превосходный стратегическій пунктъ въ Автурѣ, изъ котораго вы, когда захотите, можете войти въ общеніе зимою съ Баклановымъ (въ укр. Куринскомъ), весною и лѣтомъ съ Майделемъ (въ Хасавъ-Юртѣ). Мнѣ нечего говорить, какъ я и жена моя благодарны вамъ за предоставленный нашему сыну случай отличиться и за дѣлаемое объ немъ представленіе. Посылаю Циммермана въ Петербургъ для подробныхъ объясненій, которыя тамъ, конечно, пожелаютъ имѣть. Пришлю вамъ чрезъ князя Вахтанга Орбеліани копію съ письма моего къ князю Чернышову; вы должны знать, что́ я говорю объ васъ, о вашихъ храбрыхъ войскахъ и вашихъ представленіяхъ".

Къ этому письму и княгиня Е. К. Воронцова прибавила собственноручно нѣсколько строкъ самыхъ искреннихъ поздравленій съ необыкновенными успѣхами. „Какіе люди, какія войска, какой геройскій начальникъ ими командуетъ! Мой мужъ, этотъ благородный ветеранъ, въ восхищеніи отъ начала экспедиціи и увѣренъ, что ея конецъ будетъ упроченіемъ вашей славы".

Отъ 14 Января, князь Воронцовъ опять писалъ: „Письмо это вручитъ вамъ Вахтангъ Орбеліани, отправляющійся къ войскамъ вашего славнаго отряда. Рекомендую вамъ этого внука царя Ираклія, славнаго, добраго малаго, котораго я знаю и люблю съ 1845 года; онъ ходатайствуетъ о вашемъ позволеніи принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

„Я получилъ письмо отъ Лорисъ-Меликова, который служитъ намъ такъ усердно при Хаджи-Муратѣ, но за то ужасно скучаетъ, тѣмъ болѣе, что горитъ желаніемъ быть съ вами и продолжать ремесло рубаки, въ которомъ онъ уже много разъ себя выказалъ. Я просилъ его, чтобы онъ еще потерпѣлъ, обнадежа тѣмъ, что вы вызовете его въ отрядъ на нѣсколько дней, гдѣ онъ можетъ быть вамъ полезенъ для доклада подробностей, до Хаджи-Мурата относящихся. Не хочу вамъ повторять, что́ уже говорилъ, о той радости и восхищеніи, какія вы мнѣ доставили вашими благоразумными и энергическими мѣрами, давшими такіе блистательные и,

надѣюсь, полезные результаты. Вы можете себѣ представить нетерпѣніе, съ которымъ я ожидаю подробностей о дальнѣйшихъ вашихъ дѣйствіяхъ и о Шамилѣ и полчищахъ, приведенныхъ изъ Дагестана. Я очень заинтересованъ также узнать, до какой степени ваше превосходное движеніе къ сторонѣ Веденя обезпокоило его обитателей, сосѣдей и самаго Шамиля, и что̀ говорятъ по этому поводу Чеченцы и населеніе Ичкеріи, на которое нужно дѣйствовать обѣщаніями и угрозами; потому что они должны понимать, что наше вторженіе къ нимъ и раззореніе ихъ ауловъ по той самой дорогѣ вдоль Аксая, по которой мы двигались въ 1845 году, не составитъ для насъ никакой трудности, во всякое время, когда мы этого пожелаемъ. Я очень доволенъ тѣмъ, что́ вы мнѣ говорите о вашемъ свиданіи съ Вревскимъ. Я былъ увѣренъ, что вы сойдетесь скорѣе и лучше, чѣмъ это могло случиться между другими военными начальниками въ вашемъ взаимномъ положеніи. Будутъ еще, быть можетъ, нѣкоторыя незначительныя разнорѣчія, судя по тому, что̀ я здѣсь слышу, при разграниченіи Лѣваго фланга, на счетъ укрѣпленія Ачхой, которое тѣсно связано съ Аршта; но мы постараемся урегулировать все это послѣ вашей экспедиціи и, что̀ мнѣ кажется важнѣе всего, осуществить нашу общую съ вами мысль на счетъ раздѣленія, посредствомъ рѣки Фортанги, земель Чеченцевъ и Карабулаковъ.

„Я уже кончалъ письмо, когда получилъ ваше отъ 11-го числа, съ извѣстіемъ объ экспедиціи генерала Меллера *). Вы куете желѣзо, пока оно горячо, и вы совершенно правы; потому что только такимъ образомъ можно достигнуть серьезныхъ результатовъ, устрашить непріятеля и внушить безпокойство всѣмъ этимъ бѣднымъ Чеченцамъ и самому Шамилю. Полагаю, что теперь они должны убѣдиться въ безсиліи имама сопротивляться намъ, и такъ какъ съ другой стороны онъ долженъ безпокоиться за Ведень, то я думаю, что мы наканунѣ серьезнаго возмущенія всей Чечни и Ичкеріи противъ него. Что̀ касается экспедиціи въ Ведень, я полагаю, что это

*) Движеніе къ Мезенинской полянѣ, о чемъ сказано выше, совершалось подъ начальствомъ Меллера.

намъ будетъ стоить слишкомъ большихъ жертвъ, можетъ быть не при наступленіи, но при отступленіи въ лѣсистыхъ ущельяхъ, которыя будутъ заняты большими массами послѣ прохода нашего отряда къ Веденю. Было бы благоразумнѣе, если бы мы имѣли по крайней мѣрѣ еще лишнихъ 4 батальона, которые заняли бы ущелья и близъ лежащія высоты и оставались бы тамъ, пока главныя силы находятся у Веденя. Это средство остается намъ, быть можетъ, для будущаго; а въ ожиданіи возможно,—и это было бы лучше для насъ,—если бы самъ Шамиль разувѣрился въ силѣ своей позиціи въ Веденѣ и удалился въ Карату или въ другое мѣсто Дагестана, совершенно отказавшись отъ Чечни и Ичкеріи.

„Ваше намѣреніе двинуться къ Тепли совершенно въ моихъ видахъ, и вы помните, что я въ этомъ смыслѣ съ вами уже говорилъ. Послѣ славнаго результата, котораго вы достигли въ Автурѣ, доказавъ непріятелю, что въ Чечнѣ нѣтъ пункта, который бы вы не могли занять во всякое время, будетъ очень полезно занять новую позицію, дающую вамъ всѣ преимущества, вслѣдствіе близости большой рѣки (Сунжи) и свободнаго сообщенія съ Грозною. Съ этой позиціи вы можете дѣйствовать съ надеждою на малое сопротивленіе: по всей сѣверной части Большой Чечни вырубить лѣса, которые вамъ мѣшаютъ, разворить аулы, оставшіеся нетронутыми въ этой мѣстности, и броситься на Герменчукъ, Автуръ или къ Мичику въ моментъ, когда васъ менѣе всего тамъ ожидаютъ. Если бы у насъ былъ понтонный мостъ для наводки черезъ Аргунъ близъ Тепли, который можно бы снимать по желанію, позиція ваша была бы еще болѣе удобная и вполнѣ пріятная.

„Государь не соизволилъ на названіе Сунженскаго полка „Слѣпцово-Сунженскій“, но повелѣлъ станицу Сунженскую назвать Слѣпцовскою и поставить въ ней памятникъ нашему герою“.

Въ письмѣ къ военному министру отъ 12 Января, о которомъ упоминалось выше, князь Воронцовъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Отправляю къ вамъ капитана Циммермана съ рапортомъ князя Барятинскаго о блестящемъ подвигѣ, благодаря которому наши храбрыя войска вступили

въ Большую Чечню; мнѣ нечего прибавлять къ простому и вѣрному разсказу объ этомъ движеніи, такъ умно соображенному во всѣхъ подробностяхъ и такъ же доблестно и счастливо исполненному. Остроумному плану и удивительной храбрости нашихъ войскъ мы обязаны счастливымъ обстоятельствомъ такой незначительной потери, хотя имѣли дѣло съ самимъ Шамилемъ и съ центромъ Большой Чечни. Надо отдать справедливость большимъ военнымъ способностямъ князя Барятинскаго и усердію, которое онъ выказываетъ съ тѣхъ поръ, какъ получаетъ отдѣльныя командованія; у него талантъ сдѣлать всегда больше, чѣмъ можно было ожидать и чѣмъ сказано въ инструкціяхъ. Въ послѣднемъ разговорѣ съ нимъ я ему сказалъ, что было бы полезно, если дѣла пойдутъ хорошо, уничтожить Автуръ во время или къ концу экспедиціи, такъ какъ это главный стратегическій и нравственный пунктъ Большой Чечни; вмѣсто этого, онъ нашелъ возможнымъ совершить дѣло самымъ лучшимъ образомъ и на глазахъ Шамиля и всѣхъ его многочисленныхъ сборищъ, въ первый же день выступленія въ походъ. Немного раньше или позже, но участь Большой Чечни будетъ рѣшена. Поведеніе войскъ, въ особенности двухъ полковъ, вашего и моего (т. е. Кабардинскаго и Куринскаго) выше всякой похвалы; это настоящіе львы, которые всегда готовы идти прямо на непріятеля съ одними кулаками, если-бъ они оставили гдѣ нибудь свои ружья и штыки, и я потому очень прошу васъ, дорогой князь, прислать намъ поскорѣе доброе количество солдатскихъ крестовъ; у насъ ихъ совсѣмъ нѣтъ. Какъ вы сами видите, наши люди не пропускаютъ ни одного случая, чтобы ихъ заслужить. Мнѣ кажется, что я смѣло могу просить Георгіевскій крестъ 3-й степени для Барятинскаго: онъ вполнѣ его заслужилъ, и эта награда будетъ оцѣнена всѣмъ Кавказскимъ корпусомъ. Что̀ касается моего сына, который былъ такъ счастливъ принять большое участіе въ этомъ дѣлѣ, я не смѣю выразить своего мнѣнія и подношу представленіе объ немъ къ кресту за храбрость, съ полною покорностью къ рѣшенію нашего Августѣйшаго Государя, надѣясь, что онъ соизволитъ принять оное милостиво. Посылаю храбраго капитана Циммермана, который будетъ въ состо-

яніи объяснить это чудесное дѣло со всѣми подробностями, такъ какъ онъ видѣлъ мѣстность и отличное поведеніе нашихъ войскъ. Циммерманъ былъ и вмѣстѣ со Слѣпцовымъ въ томъ хорошемъ и полезномъ дѣлѣ, гдѣ герой Сунжи окончилъ свою славную карьеру, и никто лучше его не можетъ передать интересный разсказъ обо всемъ, что̀ тогда произошло, и о самомъ храбромъ Слѣпцовѣ".

15 Января князь Барятинскій опять писалъ князю Воронцову:

„Я нахожусь еще у Аргуна, около Воздвиженской, по тѣмъ причинамъ, которыя я вамъ подробно изложилъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ. Я писалъ Вревскому, приглашая его пріѣхать ко мнѣ; можетъ быть, вмѣстѣ мы будемъ въ состояніи сдѣлать что-нибудь въ Малой Чечнѣ. Мое настоящее расположеніе очень удобно для этаго; позже я былъ бы значительно удаленъ. Большая и Малая Чечня морально такъ тѣсно связаны между собою, что удачно нанесенный ударъ въ одной части—отзывается на другой и разстраиваетъ всѣ намѣренія и предположенія Шамиля.

„Пока мы занимаемся рубкою лѣса, который, согласно вашему желанію, долженъ открыть войскамъ изъ Воздвиженской доступъ въ середину Чечни. Черезъ 5 или 6 дней, считая отъ сегодня, я надѣюсь, что съ этой стороны ничего болѣе не будетъ кромѣ обширнаго поля до самого Автура; позднѣе надѣюсь тоже сдѣлать и со стороны Грозной. Рекогносцировки окрестностей и тѣ прекрасныя карты, которыя у меня подъ руками, надѣюсь, избавятъ насъ отъ лишней, безполезной работы и напрасныхъ потерь.

„Семенъ продолжаетъ служить вполнѣ удовлетворительно: прекрасно исполняетъ всѣ военныя порученія, и вообще все что̀ я ему довѣряю. Всѣ отъ него въ восторгѣ.

„Нужно ли говорить, сколько я и мой отрядъ глубоко тронуты той лаской, съ которой вы приняли мой первый рапортъ о началѣ нашей экспедиціи. Я принялъ ваши добрыя

слова, какъ благословеніе нашему будущему и, съ Божьей помощью, надѣюсь быть достойнымъ ихъ".

21-го Января кн. Воронцовъ писалъ кн. Барятинскому: „Я получилъ письмо отъ Лорисъ-Меликова о Хаджи-Муратѣ, и Лорисъ вамъ покажетъ или перешлетъ мой отвѣтъ, такъ какъ все должно дѣлаться чрезъ васъ, съ вашего вѣдома. Если Хаджи-Мурату нечего больше дѣлать въ Грозной, онъ можетъ пріѣхать сюда; но я полагалъ бы полезнымъ, чтобы онъ предварительно провелъ нѣсколько дней въ Ставрополѣ; впрочемъ, все зависитъ отъ вашего соображенія. Чрезвычайно важнымъ нахожу одинъ пунктъ, о которомъ говоритъ Лорисъ, именно, что Хаджи-Муратъ, повидимому съ добрыми намѣреніями, совѣтуетъ не дозволять выходъ къ намъ нѣкоторыхъ почетныхъ Чеченцевъ, а требовать общей покорности всей Чечни. Я, напротивъ, слѣдовалъ всегда системѣ покровительства всякому, желающему выселиться къ намъ, и не могъ отказаться отъ этой системы. Нужно принять соотвѣтствующія мѣры, чтобы всякій желающій передаться намъ былъ принятъ: это всегда ослабляетъ непріятеля, и это, наконецъ, согласно съ тѣмъ, что̀ я всегда говорилъ и обѣщалъ. Главная причина, на которой основываю я подобный образъ дѣйствій, заключается въ томъ, что, не принимая отдѣльныхъ лицъ, а требуя общей покорности, мы требуемъ невозможнаго; потому что населенія, находящіяся въ рукахъ Шамиля, какимъ бы желаніемъ ни пылали, не могутъ покориться, и мы не можемъ отказываться отъ принятія желающихъ, создавая себѣ новыхъ враговъ изъ почетныхъ людей, которымъ затѣмъ больше ничего не останется, какъ отдать себя въ полное распоряженіе Шамиля.

„Все что́ вы мнѣ говорите въ письмѣ отъ 15-го числа, доставляетъ мнѣ большое удовольствіе, и я увѣренъ, что сдѣланное вами будетъ хорошо сдѣлано. Я уже достаточно знаю вашу манеру сдѣлать всегда больше, чѣмъ ожидается, но съ другой стороны надѣюсь, что вы примете благоразумныя мѣры противъ возможной неудачи и большихъ жертвъ храбрыми людьми, находящимися подъ вашей командой.

„Чрезвычайно интересно было бы знать, что̀ будетъ дѣлать Шамиль? Вы его въ самомъ началѣ экспедиціи такъ настойчиво и неожиданно атаковали, что всѣ его предположенія и надежды были разрушены; къ тому же и резиденція его въ Веденѣ поставлена въ критическое положеніе. Его вліяніе въ Дагестанѣ тоже потрясено неумѣстнымъ его обращеніемъ съ Хаджи-Муратомъ, возбудившимъ неудовольствіе многихъ вліятельныхъ людей; отношенія къ нимъ у Шамиля весьма натянутыя, такъ что, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ княземъ Аргутинскимъ, онъ не могъ рѣшиться взять изъ Аваріи и сосѣднихъ обществъ людей для дѣйствій противъ васъ, и долженъ былъ ограничиться сборомъ съ болѣе сѣверной части горъ и съ лѣваго берега Андійскаго Койсу.

„Степь, которую вы создадите отъ Воздвиженской до Автура и которую предполагаете сдѣлать между Тепли и тѣмъ же Автуромъ, есть важнѣйшее условіе нашего успѣха, и, съ Божьей помощью, къ первымъ числамъ Марта, Большая Чечня превратится совсѣмъ въ другую страну и очутится въ совершенно иномъ стратегическомъ и политическомъ положеніи, чѣмъ она когда-либо, и даже три недѣли тому назадъ, была.

„Желательно бы узнать ваше мнѣніе, что̀ слѣдуетъ еще сдѣлать въ этой части Чечни къ сѣверу отъ Герменчука, Гельдыгена и Маюртупа, между Сунжей, Аргуномъ и Мичикомъ? Можете ли вы устроить хоть временный мостъ на козлахъ чрезъ Аргунъ? Я приказалъ устроить такой мостъ чрезъ Бѣлую, когда она была въ разливѣ, и въ два дня онъ былъ готовъ, я прошелъ по немъ съ пѣхотой и орудіями. Можетъ быть, Аргунъ представитъ какія-нибудь особыя затрудненія въ сравненіи съ Бѣлою; но я дѣлаю вамъ это предположеніе въ убѣжденіи, что особую важность имѣетъ мостъ для отряда, при переправѣ пѣхоты, раненыхъ, больныхъ, вообще всякихъ оказій“.

Вмѣстѣ съ княземъ Воронцовымъ, и скупой на похвалы начальникъ штаба, генералъ-адъютантъ Коцебу, выражалъ

князю Барятянскому свое искреннее удовольствіе по случаю его славныхъ дѣлъ. Такъ, въ письмѣ, отъ 12-го Января, онъ, между прочимъ, говоритъ: „Увѣряю васъ, что я рѣдко испытывалъ удовольствіе, столь большое, какъ вчера, когда пріѣхалъ капитанъ Циммерманъ. Успѣхъ нашего оружія блистательный, и дружба, мною къ вамъ питаемая, отъ этого успѣха становится еще болѣе прочною. Главнокомандующій въ восхищеніи отъ вашихъ дѣлъ и весьма польщенъ вашимъ отзывомъ объ его сынѣ. Вашъ рапортъ посылается въ Петербургъ съ просьбой о награжденіи васъ Георгіемъ 3-й степени, и я ничуть не сомнѣваюсь, что вы его получите. Въ Тифлисѣ вчера было цѣлое торжество, вызванное вашими извѣстіями. Ваши друзья, а ихъ немало, вполнѣ раздѣляютъ со мною радость за ваши успѣхи. Ваши предположенія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ превосходны, и я надѣюсь, что скоро будетъ конецъ Большой Чечнѣ. Да сохранитъ васъ Господь! Это искреннее желаніе всѣхъ добрыхъ патріотовъ и мое въ особенности“.

Глава XIV.

Перенесеніе дѣйствій въ Малую Чечню.—Кровавыя дѣла. Смерть генерала Круковскаго.—Письма по этому поводу князя Воронцова и генерала Коцебу.—Возвращеніе отряда на Аргунъ.

Успѣшныя дѣйствія въ Большой Чечнѣ не могли не произвести извѣстнаго впечатлѣнія на туземныя населенія. Князь Барятинскій, желая воспользоваться такимъ положеніемъ дѣлъ, рѣшилъ внезапно перенести дѣйствія въ Малую Чечню, съ цѣлью истребить образовавшіеся тамъ, въ верховьяхъ рѣчекъ Гойты, Рошни и другихъ, аулы, считавшіе себя обезпеченными отъ нашего вторженія лѣсистою мѣстностью, сильно пересѣченною уступами Черныхъ горъ. Населеніе этихъ ауловъ составляли переселенцы съ очутившейся уже въ нашихъ рукахъ Присунженской плоскости, да разные бѣглецы изъ обществъ, давно намъ покорныхъ; они продолжали безпокоить Сунженскую линію своими набѣгами, мелкими хищничествами и безпрерывными тревогами, сильно утомлявшими войска наши.

Для предстоявшаго движенія были сформированы двѣ колонны: одна изъ 4-хъ батальоновъ, при 5-ти сотняхъ казаковъ и нѣсколькихъ орудіяхъ, подъ командою генералъ-маіора барона Вревскаго; другая изъ 5-ти батальоновъ, части артилеріи и значительной массы кавалеріи, подъ начальствомъ самаго князя Барятинскаго. Первая направилась на Рошню, вторая по Гойтѣ.

Баронъ Вревскій встрѣтилъ чрезвычайныя затрудненія въ своемъ движеніи: кромѣ природныхъ препятствій, въ видѣ глубокихъ овраговъ, лѣсной чащи и едва замѣтныхъ тропинокъ, Чеченцы заградили доступы къ своимъ ауламъ завалами изъ срубленныхъ деревъ, рвами и т. п. Все это замедляло маршъ войскъ и указывало, какъ трудно будетъ тутъ отступленіе, когда непріятель соберется, и начнется дѣло. Приходилось, по этому, спѣшить, чтобы по крайней мѣрѣ успѣть совершить обратное движеніе засвѣтло. Такимъ

образомъ, когда казаки успѣли ворваться въ главный аулъ Шуанибъ и захватить тамъ два десятка скота и еще кое-какую добычу, да поджечь нѣсколько сакель, уже приказано было отступать, зажигая, по возможности, разбросанные по сторонамъ, у лѣсной опушки, отдѣльные хутора.

Между тѣмъ перестрѣлка началась, и грохотъ орудій возвѣстилъ окрестностямъ появленіе Русскихъ войскъ. Со всѣхъ сторонъ начали сбѣгаться конные и пѣшіе Чеченцы, торопясь занять на пути отступленія нашего самыя трудныя лѣсистыя и овражистыя мѣста.

Не вдаваясь въ подробности происходившихъ при этомъ эпизодовъ боя, въ которомъ роты Кабардинскаго полка выказали свое всегдашнее, неизмѣнное мужество и умѣніе съ честью выходить изъ самыхъ затруднительныхъ положеній, ограничусь лишь цифрой потери: убито и ранено офицеровъ восемь, нижнихъ чиновъ болѣе 100... Для малой войны, съ результатомъ, говоря откровенно, ничтожнымъ,—это потеря слишкомъ несоразмѣрная. Бывшій здѣсь съ Кабардинскими батальонами полковникъ баронъ Николаи, въ своихъ воспоминаніяхъ, не могъ воздержаться отъ упрека генералу Вревскому, что „такія жертвы слишкомъ дорогая плата за нѣсколько сожженныхъ сакель и захваченныхъ коровъ“... А нужно сказать, что трудно было найти человѣка болѣе воздержнаго и деликатнаго въ своихъ сужденіяхъ, какъ баронъ Николаи *).

Одновременно и князь Барятинскій проникъ въ верховья Гойты. Посланная впередъ съ атаманомъ Кавказскаго казачьяго войска, генералъ-маіоромъ Круковскимъ, кавалерія почти въ расплохъ захватила одинъ изъ ауловъ покрупнѣе, изрубила нѣсколько человѣкъ, неуспѣвшихъ бѣжать въ лѣсъ, и разсыпалась къ саклямъ искать добычи.

Оставшійся назади съ двумя сотнями, генералъ Круковскій, слыша начавшуюся въ аулѣ усиленную перестрѣлку и боясь, чтобы казаки, до прибытія пѣхоты, не понесли значительнаго урона, отправилъ бывшія при немъ сотни впередъ въ подкрѣпленіе; а самъ, со своей свитой и конвоемъ

*) Кавказская старина. Изъ дневника ген.-адъютанта барона Леонтія Павловича Николаи“. Тифлисъ. 1872—1874.

изъ 20-ти человѣкъ казаковъ, остался у входа въ аулъ, въ рѣдколѣсьи, гдѣ было совершенно тихо и, казалось, не было ни души живой. Видя, что казаки слишкомъ разсыпались между саклями, а пѣхота все еще не подходитъ, онъ приказалъ трубить сборъ. Въ эту минуту раздается залпъ нѣсколькихъ винтовокъ, атаманъ и человѣка два изъ конвоя падаютъ мертвыми съ коней, остальные казаки теряются, пораженные такимъ неожиданнымъ ударомъ; человѣкъ 15 Чеченцевъ, скрывавшихся въ ближайшей саклѣ, выскакиваютъ, дѣлаютъ въ упоръ другой залпъ, выхватываютъ шашки, съ гикомъ бросаются на растерявшихся людей, рубятъ командира Волжскаго казачьяго полка Полозова, офицера Дорохова и остальныхъ конвойныхъ казаковъ!...

Пока занятые въ аулѣ захватомъ добычи казаки узнали объ этотъ ужасномъ происшествіи, пока офицерамъ удалось собрать полсотни и прискакать къ мѣсту катастрофы, Чеченцы обобрали съ убитыхъ все до рубахи, исполосовали шашками трупы и безнаказанно скрылись въ лѣсъ....

И здѣсь незначительный набѣгъ стоилъ такихъ жертвъ! Убитъ атаманъ Кавказскихъ казаковъ, прекрасный человѣкъ, заслужившій всеобщее уваженіе за свою честность, безкорыстіе, примѣрную преданность своему долгу, пользовавшійся любовью всѣхъ казаковъ за охрану ихъ интересовъ, человѣкъ трудно замѣнимый; убито и ранено пять офицеровъ и болѣе 50 человѣкъ казаковъ и солдатъ... Это печальное происшествіе не могло не смутить князя Барятинскаго, и онъ отдалъ приказаніе всѣмъ войскамъ отступать.

Хотя несомнѣнно, что: „la critique est aisée, mais l'art est difficile“; но нельзя умолчать, что на Кавказѣ сплошь и рядомъ повторялась таже ошибка: какъ только мы сворачивали съ прямаго пути, уклонялись отъ установленной системы и думали набѣгами, внезапными налетами достигать цѣлей, мы жестоко платились, несли напрасныя крупныя потери и только возвышали духъ непріятеля, давая ему случаи торжествовать. Цѣлые мѣсяцы рубки просѣкъ, возведеніе укрѣпленій, поселеніе станицъ и т. п. дѣйствія, во очію подвигавшія насъ къ искомому результату—покоренію страны, не стоили столькихъ жертвъ, какъ эти нѣсколько-часовые набѣги въ Чечнѣ,

или безплодныя осады и штурмы укрѣпленныхъ ауловъ въ Дагестанѣ. Такъ, въ короткое время, мы потеряли Слѣпцова и Круковскаго, двухъ генераловъ, выдававшихся изъ ряда обыкновенныхъ людей, обѣщавшихъ много въ будущемъ, каждый въ кругу своихъ способностей и талантовъ. Всѣ дрянные аулы Малой Чечни не стоили одной капли крови такихъ людей; не стоили они и жизни даже простыхъ рядовыхъ, не говоря о значительныхъ матеріальныхъ потеряхъ, понесенныхъ при этомъ. Покончивъ прочно съ Большою Чечнею, мы могли тѣмъ же способомъ перенести дѣйствія въМалую и, вырубивъ лѣса, разработавъ дороги, устроивъ опорные пункты, довести до покорности или до совершеннаго изгнанія хищническаго населенія въ глубь безплодныхъ горъ.

Тѣмъ не менѣе, винить князя Барятинскаго въ предпринятомъ имъ движеніи въ Малую Чечню не приходится. Тогда еще не уяснился вполнѣ взглядъ на образъ нашихъ дѣйствій; руководствовались еще отчасти предшествовавшими примѣрами, и люди, болѣе опытные, имѣвшіе возможность болѣе спокойно и хладнокровно, безъ всякихъ увлеченій, обсуждать военныя предпріятія, люди, какъ князь Воронцовъ и генералъ Коцебу, не находили нужнымъ отклонять предположенія о такихъ движеніяхъ и категорически ставить начальникамъ отрядовъ въ обязанность слѣдовать лишь выработанной системѣ дѣйствій. Даже, напротивъ, самыя восторженныя похвалы и одобренія расточались и за подобныя движенія, которымъ, на основаніи реляцій, придавалось вовсе незаслуженное значеніе. Въ такихъ увлеченіяхъ къ внезапнымъ вторженіямъ въ разныя трущобы была немало виновна и система наградъ: чѣмъ больше потерь, чѣмъ больше крови, тѣмъ больше наградъ... Конечно, не князь Барятинскій принадлежалъ къ категоріи людей, предпринимавшихъ что-либо лишь ради наградъ: онъ и безъ того получалъ ихъ много и въ достаточно-быстрой послѣдовательности; но, ради исторической истины, нельзя не упомянуть объ такихъ печальныхъ эпизодахъ вѣковой Кавказской войны.

19-го Января войска, ходившія въ Малую Чечню, возвратились въ лагерь на Аргунѣ и занялись рубкой лѣса за

рѣкою Басъ. Непріятель производилъ каждый день канонаду, но вреда причинялъ намъ мало.

24-го Января былъ внезапно захваченъ и истребленъ аулъ Сати-юртъ, лежавшій не вдалекѣ за р. Басъ; при этомъ казаки, подъ командою Лорисъ-Меликова, нанесли сильное пораженіе пѣшей толпѣ горцевъ, не успѣвшихъ бѣжать съ поляны въ лѣсъ.

Между тѣмъ, самая дѣятельная переписка съ княземъ Воронцовымъ не прекращалась, и, въ виду необыкновеннаго интереса этихъ писемъ, интереса преимущественно для исторіи Кавказской войны, я привожу здѣсь цѣлый рядъ ихъ, а затѣмъ уже возвращусь къ разсказу о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ отряда князя Барятинскаго.

Князю Барятинскому князь Воронцовъ отъ 23-го Января: „Третьяго дня вечеромъ прибылъ къ намъ вашъ курьеръ съ извѣстіемъ о вашей новой побѣдѣ, славной, полезной вполнѣ и даже вдвойнѣ, такъ какъ, благодаря вашимъ прекраснымъ распоряженіямъ, и Вревскій въ тотъ же день съ побѣдой вышелъ изъ дѣла. Но, увы, какъ вы и сами сознаёте, вся эта радость, доставленная вашими успѣхами, отравляется грустною потерею нашего храбраго, уважаемаго атамана. Въ теченіи едва шести недѣль, Слѣпцовъ и Круковскій, эти два человѣка, какихъ трудно найти и которые были вполнѣ на своихъ мѣстахъ, любимые и всѣми уважаемые, съ блестящимъ будущимъ, полезные дѣлу,—оба погибаютъ въ славныхъ дѣлахъ; и не будь этой невознаградимой утраты, наши потери вполнѣ можно было бы считать незначительными, въ сравненіи съ потерями непріятеля и съ важностью тѣхъ результатовъ, которые намъ такъ благопріятны. Грустное впечатлѣніе, которое навѣяло на насъ это несчастіе, ничуть не умаляетъ тотъ восторгъ, которымъ мы обязаны вамъ, дорогой князь, за планъ и исполненіе этого блестящаго дѣла.

„Не имѣя еще никакихъ подробностей, я не могу знать положительно ни мѣстности, ни того впечатлѣнія, которое произведено вашимъ жестокимъ урокомъ на жителей Черныхъ горъ. Сообщите мнѣ, пожалуйста, названія всѣхъ разорен-

ныхъ вами ауловъ. Хаджи-Муратъ мнѣ говорилъ вчера, что въ Большой Чечнѣ вы сожгли 18, не считая хуторовъ.

„Признаюсь, я былъ бы очень доволенъ, если бы вы, согласно вашему же намѣренію, начали теперь ваши дѣйствія со стороны Тепли, гдѣ все то, что̀ вы сдѣлаете для покоренія Большой Чечни, будетъ дѣломъ серьезной важности и, избѣгнувъ такимъ образомъ ущелій, дѣло не будетъ такъ кровопролитно и обойдется съ меньшими потерями. Продолжая, какъ вы и начали, вашу прекрасную экспедицію на Автурѣ, нанеся ударъ въ Черныхъ горахъ Малой Чечнѣ и уничтоживъ средства продовольствія, вы разстроите этимъ вполнѣ непріятеля и облегчите себѣ остальное въ вашей зимней экспедиціи. Я не знаю, писалъ ли я вамъ о томъ, что̀ вчера отъ вашего имени сообщилъ мнѣ Циммерманъ по поводу предпріятія на Ведень; но во всякомъ случаѣ, я повторяю вамъ, что, по моему мнѣнію, минута для рѣшительнаго удара еще не настала. Во первыхъ, вы тамъ найдете Шамиля со всѣми силами, которыя онъ успѣлъ за это время собрать (мы слышали вчера, что изъ Аваріи и центра Дагестана присоединились къ нему еще новыя подкрѣпленія), и вся эта сволочь, которую вы легко перебьете на плоскости, хотя бы и покрытой лѣсною чащею, тамъ причинитъ вамъ потерю громадную, не оправдываемую никакимъ результатомъ; и не столько это опасно при движеніи впередъ, но когда придется отступать и сдѣлать нѣсколько верстъ по тѣсному ущелью, обрамленному по бокамъ густымъ лѣсомъ, тянущимся безъ конца.

„Это дѣло такое, что о немъ нужно подумать и отложить до будущей зимы или до другой, болѣе или менѣе отдаленной эпохи; но во всякомъ случаѣ хорошо и вполнѣ полезно, послѣ того страха, который вы нагнали на Шамиля вашимъ передвиженіемъ 7-го числа по дорогѣ къ Веденю,—заставлять его постоянно бояться вашего движенія на эту столицу; и если вы находите это удобнымъ, вы можете распустить слухъ, что я предложилъ вамъ нанести этотъ ударъ. Къ тому же возможно, что Шамиль въ теченіи года найдетъ благоразумнымъ и даже необходимымъ перемѣнить свою главную квартиру; а Хаджи-Муратъ мнѣ сказалъ вчера, что

по его соображеніямъ возможно, что Шамиль перейдетъ въ деревню, которая находится въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Дарго, въ горахъ, гдѣ онъ будетъ въ большей безопасности чѣмъ въ Веденѣ. Но если и тамъ ему покажется опасно, онъ можетъ уйдти въ Карату, а сына послать въ Хунзахъ [1]).

„Теперь, мой дорогой князь, мнѣ остается поговорить съ вами о той мысли, которую мнѣ подалъ Хаджи-Муратъ и которая мнѣ кажется очень резонною. Онъ полагаетъ, что, если мы сосредоточимъ плѣнныхъ, которыхъ вы взяли въ послѣднихъ дѣлахъ, и въ особенности изъ Гехи, родные ихъ заставятъ Шамиля возвратить семейство Хаджи-Мурата; нашъ же общій планъ, его и мой, заключается въ слѣдующемъ: собрать въ Грозную всѣхъ плѣнныхъ, которыхъ вы найдете у себя и на Кумыкской плоскости, и объявить имъ, что ихъ всѣхъ отправляютъ въ глубь Россіи, и даже въ Сибирь, потому что Шамиль не хочетъ намъ возвратить семейство Хаджи-Мурата. Чрезъ два или три дня, этотъ слухъ распространится въ горахъ и, чтобы болѣе еще увѣрить ихъ въ этомъ, надо приготовить этихъ плѣнныхъ, какъ будто для долгаго пути; но, отправя ихъ, остановить въ Георгіевскѣ и затѣмъ посмотрѣть, какой эффектъ произведетъ все это. Мнѣ кажется, что эта мысль хороша и удобоисполнима. Хаджи-Муратъ расчитываетъ болѣе всего на людей изъ Геха, такъ какъ они храбры и независимы, мало боятся Шамиля и могутъ вполнѣ ставить ему условія, подъ угрозою перейти на нашу сторону. Къ несчастью, какъ видно изъ письма Вревскаго къ Вольфу, въ его дѣлѣ подъ Рошнею не было взято плѣнныхъ, а тамъ должны были участвовать Гехинцы. Но, можетъ быть, ихъ было нѣсколько съ вашей стороны? Ну, да мы увидимъ; но угроза и посылка плѣнныхъ до Георгіевска—мѣра во всякомъ случаѣ хорошая.

„Мы уже послали сегодня утромъ курьера къ князю Аргутинскому, чтобы князь Чавчавадзе [2]) выѣхалъ сейчасъ же

---

[1]) И такъ, князь Барятинскій уже въ началѣ 1852 года собирался идти на Ведень. Велика заслуга старика-главнокомандующаго, не давшаго на это разрѣшенія! Катастрофа была бы неминуема...

[2]) Командиръ Нижегородскаго драгунскаго полка.

къ вамъ для командованія кавалеріею; это храбрый и превосходный офицеръ; къ тому же 4 эскадрона его полка теперь у васъ. Затѣмъ, Сусловъ занятъ теперь въ Дагестанѣ съ отрядомъ, и онъ представленъ, по просьбѣ Аргутинскаго, на должность постояннаго начальника всей кавалеріи въ Прикаспійскомъ краѣ. Хаджи-Муратъ прибылъ сюда третьяго дня съ Лорисъ-Меликовымъ, и я еще ничего съ нимъ не говорилъ, исключая того, что̀ я вамъ написалъ выше; но я буду писать о немъ потомъ. Я думаю написать вамъ еще послѣ завтра, въ Пятницу, чрезъ князя Давида Грузинскаго, который просилъ у меня позволенія представиться вамъ и остаться у васъ на все время остальной экспедиціи.

„Прощайте, дорогой князь, обнимаю васъ и отъ всей глубины моего сердца желаю вамъ всевозможнаго счастья. Наши дамы шлютъ вамъ свои привѣты. Смерть Круковскаго ихъ поразила; еще нѣтъ 3-хъ мѣсяцевъ, какъ мы провели съ нимъ здѣсь болѣе двухъ недѣль. Его смерть и смерть Слѣпцова заставили ихъ дрожать за васъ, за Семена и барона Николаи; я стараюсь ихъ успокоить, повторяя, о чемъ я писалъ вамъ выше, что я вполнѣ надѣюсь, что вы уже не будете имѣть болѣе такихъ кровопролитій. Пока мы благодаримъ васъ отъ всего сердца за все, что̀ вы намъ говорите о нашемъ дорогомъ Семенѣ и объ его храбромъ другѣ Николаи“.

Князь Барятинскій князю Воронцову, отъ 23 Января 1852 года: „Лагерь на Аргунѣ“.

„19-го этого мѣсяца наши войска, возбужденныя еще сраженіемъ, которое имѣли наканунѣ, возвратились въ лагерь, а въ Воскресенье князь Вахтангъ Орбельяни привезъ кресты, которые вы соблаговолили намъ прислать. Это былъ настоящій праздникъ; ибо ничто не можетъ такъ ободрить солдата, какъ подобный знакъ вниманія, оказанный съ вашей стороны. Позвольте мнѣ прибавить ко всеобщей благодарности и мою горячую признательность за все что̀ вы писали и за представленіе, которое сдѣлали обо мнѣ.

„До сегодняшняго дня я ожидалъ рапорта отъ Вревскаго насчетъ дѣла 18-го числа, чтобы присоединить копію къ журналу; но до сихъ поръ я его не получилъ и потому буду имѣть честь сообщить вамъ подробности при посылкѣ слѣ-

дующаго журнала. Его дѣло было очень блестящее. Кабардинцы и баронъ Николаи играли въ немъ выдающуюся роль. Послѣдній вполнѣ заслуживаетъ высокой похвалы и полнаго удивленія. Позвольте мнѣ просить для него Владимира 3-й степени. Дѣло, гдѣ онъ участвовалъ въ колоннѣ барона Мелера, а также дѣло 18-го числа, вполнѣ позволяютъ обратить на него должное вниманіе и поощрить его.

„Если бы вы были такъ добры позволить мнѣ сдѣлать передовое представленіе за всѣ блестящія дѣла, какія мы имѣли, это произвело бы прекрасное впечатлѣніе на нашихъ славныхъ солдатъ и бравыхъ офицеровъ. Достаточно для этого раздѣлить представленія на двѣ части, не увеличивая нормы.

„Къ моему великому облегченію, Хаджи-Муратъ, уѣхалъ отсюда. Я ничего не могу сказать противъ него; но все, что вы мнѣ писали относительно вашего разговора съ Хасаемъ, и затѣмъ всеобщее мнѣніе здѣсь, что онъ убѣжитъ, дѣлали надзоръ Лорисъ-Меликова за нимъ крайне тяжелымъ. Затѣмъ, такъ какъ мой лагерь черезъ нѣсколько дней перенесется въ Тепли, на разстояніи всего лишь 15—16 верстъ отъ Грозной, куда по всей вѣроятности переѣдетъ княгиня Марія Васильевна: то такимъ образомъ Семену и ей приходилось бы постоянно сталкиваться съ Хаджи-Муратомъ, что въ самомъ дѣлѣ было бы неблагоразумно.

„По донесеніямъ моихъ лазутчиковъ, жена Хаджи-Мурата не выходила изъ горъ.

„Позвольте просить у васъ повышенія чиномъ для Бата. Услуги, которыя онъ намъ оказалъ и оказываетъ каждый день, вполнѣ неоцѣнимы, и смѣю васъ увѣрить, что его служба будетъ намъ и въ будущемъ очень полезна“.

Князь Воронцовъ князю Барятинскому, отъ 26-го Января: „Пишу вамъ, дорогой князь, нѣсколько словъ черезъ Давида Грузинскаго; рекомендую вамъ этого молодаго человѣка: это братъ князя Дмитрія Орбеліани *), прекрасная личность. Онъ желаетъ принять участіе въ вашихъ славныхъ трудахъ, и я могу лишь поощрить это доброе намѣреніе.

„Мы получили вчера отъ Вревскаго письмо, отъ 22-го

---

*) Князь Дмитрій Орбеліани—впослѣдствіи тесть князя Барятинскаго.

числа, и копію съ рапорта, который онъ послалъ вамъ о блестящемъ дѣлѣ его 18-го числа. Вашъ рапортъ не получится здѣсь ранѣе, какъ черезъ 4 или 5 дней. Мнѣ очень любопытно знать, что́ могъ бы предпринять Шамиль противъ васъ, послѣ вашего возвращенія на Аргунъ; но пока вы будете дѣйствовать на плоскости, хотя бы болѣе или менѣе лѣсистой, ему будетъ трудно причинять вамъ потери и затрудненія.

„Я вамъ писалъ о Хаджи-Муратѣ и теперь повторяю вамъ свою просьбу собрать въ Грозную всѣхъ плѣнныхъ, которыхъ вы имѣете, и распустить слухъ, что всѣ они будутъ отправлены въ Сибирь, если Шамиль не возвратитъ намъ семейство Хаджи-Мурата; но въ сущности нѣтъ необходимости пересылать ихъ даже въ Георгіевскъ ранѣе, чѣмъ я извѣщу васъ.

„Семенъ мнѣ пишетъ относительно одного проекта, касающагося ущелья Аргуна, который онъ думаетъ представить на ваше усмотрѣніе. Мнѣ хотѣлось бы узнать вашъ взглядъ; но, во всякомъ случаѣ, заняться этимъ въ теченіи зимы невозможно.

„Я посылаю Лорисъ-Меликова къ вамъ и въ Грозную, потому что имѣю многое передать вамъ черезъ него о Хаджи-Муратѣ и обо всемъ, его касающемся. Это облегчаетъ мнѣ возможность оставить Хаджи-Мурата у себя, пока вы сами отсутствуете изъ Грозной“.

Съ этимъ письмомъ разминулось письмо князя Барятинскаго отъ того же 26 Генваря:

„Сегодня утромъ я получилъ ваше письмо отъ 23-го сего мѣсяца и чувствую себя счастливымъ опять донести вамъ о блестящемъ дѣлѣ въ окрестностяхъ Автура, гдѣ казаки особенно отличились. Послѣ смерти ихъ начальника, мнѣ было необходимо ихъ ободрить какимъ нибудь примѣромъ, и вотъ какой представился къ этому случай. 23-го вечеромъ, люди хорошо мнѣ извѣстные предложили провести меня къ Саинъ-Юрту, гдѣ 300 Тавлинцевъ расположились ночевать. Правда, они находились въ центрѣ непріятельской позиціи, но приблизиться къ этой деревнѣ представлялось мало затрудненій. Я взялъ три батальона, всю свою кавалерію, четыре орудія

конной артиллеріи и прибылъ туда до разсвѣта. Я окружилъ аулъ, не бывъ замѣченнымъ, и едва только стало свѣтать,— рѣзня началась. Мое отступленіе было обезпечено 4 другими батальонами съ 10 орудіями, оставленными на Басѣ. Такимъ образомъ, къ полдню мы возвратились съ полною побѣдою въ лагерь, имѣя семь человѣкъ раненыхъ и одного убитаго. Впечатлѣніе получилось большое и благопріятное. Еще разъ я остался доволенъ своими войсками. Три батальона Кабардинцевъ были превосходны, казаки и артилерія особенно отличились. Если бы я могъ располагать бо̀льшимъ временемъ, мы могли бы взять три значка и больше плѣнныхъ. Мы взяли много оружія, нѣсколько лошадей и плѣнныхъ; весь отрядъ находится въ неописанной радости. Сегодня рубятъ лѣсъ у Мезеина. Это продолжится два, быть можетъ, три дня. Эта просѣка представитъ намъ большія и скорыя выгоды.

„Завтра я посылаю колонну въ шесть батальоновъ и всю кавалерію въ распоряженіе барона Меллера, чтобы рубить лѣсъ на Басѣ, гдѣ необходимъ свободный проходъ въ Автуръ. Вотъ что́ остается еще сдѣлать ранѣе чѣмъ перенести мой лагерь въ Тепли.

„Я хочу дать Семену и Николаи небольшой отдыхъ: они прекрасно и мужественно поработали за послѣдніе дни“.

Князь Воронцовъ князю Барятинскому, отъ 27-го Января: „Ваше письмо отъ 23-го, полученное вчера, доставило мнѣ большое удовольствіе; я не въ силахъ достаточно отблагодарить васъ за все, что́ вы мнѣ сообщаете о нашемъ дорогомъ Семенѣ, Николаи и о томъ, какъ наши храбрые солдаты получили Георгіевскіе кресты, которые я вамъ прислалъ. Я ожидаю генерала Коцебу, чтобы устроить вторую отправку этихъ крестовъ черезъ Лорисъ-Меликова, который вамъ доставитъ это письмо. Я предвижу, что его прибытіе въ ваше сосѣдство безъ Хаджи-Мурата доставитъ вамъ большое удовольствіе, которое я вполнѣ раздѣляю. Лорисъ-Меликовъ сообщитъ вамъ много подробностей о Хаджи-Муратѣ и мой на него взглядъ; но я долженъ прибавить, что теперь я лучшаго мнѣнія о немъ, чѣмъ былъ ранѣе, и я убѣжденъ, что его намѣренія относительно настоящаго и будущаго вполнѣ хорошія, вслѣдствіе перемѣны, которая могла произойти въ го-

ловѣ человѣка, столь безпокойнаго и дѣятельнаго. Единственная для насъ гарантія, и мнѣ кажется она достаточная, это та увѣренность, въ которой онъ находится и въ которой онъ долженъ находиться, что Шамиль никогда не проститъ его, и что если въ началѣ имамъ оказалъ бы ему хорошій пріемъ, давая прекрасныя обѣщанія, онъ все таки не преминетъ казнить его со всѣмъ семействомъ. Лорисъ-Меликовъ передастъ вамъ объ этомъ подробности, а также объ тѣхъ разговорахъ, которые я имѣлъ съ нимъ. Я постараюсь удержать здѣсь Хаджи-Мурата по возможности дольше; мое главное желаніе заключается въ томъ, чтобы онъ вернулся въ Грозную не ранѣе окончанія вашей зимней экспедиціи, когда вы воспользовались бы переговорами съ нимъ, настаивая въ особенности на надеждѣ возвращенія его семейства. Онъ полагаетъ, что у васъ достаточно плѣнныхъ, чтобы достигнуть этаго, чего и я весьма желаю; тогда всякое колебаніе прекратится, и мы можемъ употреблять Хаджи-Мурата съ великою пользою у васъ или на Лезгинской линіи. Онъ встрѣтился здѣсь съ княземъ Григоріемъ (Орбеліани), и они будутъ еще вести переговоры. Въ заключеніе повторяю, что я не вижу возможности поступить иначе, какъ я поступаю съ Хаджи-Муратомъ. Многое будетъ зависить отъ того, какой конецъ возъимѣетъ наша зимняя экспедиція, и отъ того эфекта, который произведутъ на Чеченцевъ и на самого Шатиля наши успѣхи къ сѣверу отъ лѣсистой части Чечни, безъ которой Чеченцы почти не могутъ существовать.

„Я доставлю себѣ истинное удовольствіе переслать ваше передовое представленіе, какъ только получу его отъ васъ, и представить храбраго и славнаго Николаи къ Владимиру 3-й степени. Лорисъ-Меликовъ очень радъ случаю доставить вамъ Георгіевскіе кресты; я хотѣлъ бы послать вамъ ихъ болѣе, но въ настоящую минуту это невозможно. Скажите вашимъ храбрецамъ, что то, что́ отложено не потеряно, и что я пришлю ихъ, какъ только получу изъ Петербурга. Можетъ быть этотъ славный молодой человѣкъ (Лорисъ-Меликовъ) найдетъ случай услышать нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, въ то время когда онъ будетъ находиться у васъ, чего ему, разумѣется, очень бы хотѣлось; но въ сущности

настоящій постъ его пока еще въ Грозной, какъ онъ и самъ вамъ объяснитъ это.

„Я въ восхищеніи отъ вашей мысли дать нашей невѣсткѣ возможность пріѣхать въ Грозную, когда вы расположитесь лагеремъ въ Тепли. Это будетъ большое успокоеніе для бѣдной женщины, безпокойства которой по истинѣ должны быть ужасны, особенно если подумать, что при звукѣ каждаго пушечнаго выстрѣла и зная, что ея мужъ находится въ первой линіи, къ ней доходятъ такія извѣстія, какъ о смерти Круковскаго, Полозова и другихъ. Мы сами не можемъ безъ тревоги думать объ этомъ, хотя и не слышимъ пушечныхъ выстрѣловъ. Къ тому же, вѣрьте, что если забота объ участи моихъ дѣтей и заставляетъ меня радоваться расположенію вашего лагеря около Тепли, то во всякомъ случаѣ это не единственная причина: ибо я полагаю, что послѣ тѣхъ ужасныхъ ударовъ, которые вы нанесли непріятелю на Автурѣ и въ Черныхъ горахъ, и послѣ уничтоженія лѣса (что́ вы продолжаете дѣлать и теперь между Воздвиженской и Автуромъ) ничего не можетъ быть дѣйствительнѣе и рѣшительнѣе для успѣха всего нашего предпріятія, какъ дѣйствовать въ равнинахъ и въ перелѣскахъ, которые отдѣляютъ лѣсную часть Чечни отъ рѣкъ; это станетъ еще очевиднѣе и достигнется легче вслѣдствіе тѣхъ просѣкъ, которыя дѣлаетъ теперь со своей стороны Баклановъ.

„Я совершенно согласенъ съ вами, что необходимо вознаградить и ободрить Бату, который былъ вамъ такъ полезенъ; я сдѣлаю о немъ представленіе сейчасъ же по полученіи отъ васъ рапорта, и васъ прошу еще разъ поблагодарить его отъ меня. Прощайте, дорогой князь; обнимаю васъ отъ всего моего сердца и молю Бога, чтобы онъ сохранилъ васъ для блага службы. Всякое несчастіе, которое могло бы случиться съ вами, напримѣръ болѣзнь, помимо нашего горя, было бы страшною бѣдою для дѣла, въ особенности въ это важное время, когда дорогъ каждый день въ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя вы такъ хорошо начали и которыми вы такъ хорошо управляете“.

Кн. Барятинскій кн. Воронцову отъ 30-го Января: „Послѣ дѣла 24-го числа Шамиль приказалъ наибамъ Талгику

и Гихѣ перевезти свои имущества въ Ичкерію. Онъ занимается самъ укрѣпленіемъ Веденскаго ущелья и тѣмъ хочетъ увѣрить, что мы будемъ тамъ проходить. Эта мѣра доказываетъ ясно, что онъ отчаевается удержать Большую Чечню. Онъ старается занять силы и умы защитою мѣстности, которой мы не имѣемъ ни малѣйшаго намѣренія и никакой необходимости занимать. Также ясно, что онъ не хочетъ компрометировать себя, обѣщая болѣе, чѣмъ онъ можетъ сдержать. Затѣмъ онъ не прочь похвастаться тѣмъ, что угадалъ наши намѣренія и помѣшалъ намъ проникнуть въ его резиденцію. Такъ какъ мы достигаемъ нашей цѣли въ Большой Чечнѣ, то я думаю мы можемъ ему оставить это утѣшеніе; ясно, что послѣ всего этого онъ покинетъ скоро Ведень, и мы будемъ въ состояніи начать покореніе Ичкеріи. Каждый день я принимаю депутаціи изъ Большой и Нагорной Чечни, жители которыхъ въ большомъ количествѣ просятъ позволенія перейти на нашу сторону въ началѣ будущей весны, и я испрашиваю у васъ разрѣшенія позволить мнѣ указать имъ земли, которыя я нахожу для этаго удобными. Ихъ покореніе не можетъ произойти массою, но, разъ начавшись, будетъ быстро увеличиваться. 31-го сего мѣсяца рубка, которую мы производимъ, должна окончиться. Меллеръ вырубилъ всѣ кустарники по Басу, которые задерживали проходъ въ Автуръ.

„Большой и Нагорной Чечнѣ нанесенъ жестокій ударъ; всѣ деревни тянущіяся въ горахъ отъ Воздвиженской до Автура потеряли свои прекрасныя поля, а Тавлинцы въ Саинъ-Юртѣ получили хорошій урокъ и почти не имѣютъ уже болѣе силъ драться. Съ этой стороны у меня нѣтъ болѣе заботы. Перваго числа будущаго мѣсяца я перенесу мой лагерь, проложивъ дорогу прямо отъ Шали до Герменчука и до Тепли. Послѣ этаго я сейчасъ же извѣщу васъ обо всемъ.

„Соображаясь съ вашими приказаніями, я построю мостъ черезъ Аргунъ; онъ будетъ крайне полезенъ какъ теперь, такъ, можетъ быть, и впослѣдствіи. Я напишу коменданту Грозной послать всѣхъ плѣнныхъ въ Россію (ихъ остановятъ въ Георгіевскѣ), то есть все такъ, какъ вы мнѣ приказали. Всѣхъ плѣнныхъ 26 человѣкъ. Я возвратилъ четы-

рехъ дѣтей одному отцу, который перешелъ на нашу сторону и поселился въ Воздвиженской. Княгиня Марія Васильевна взяла его пятаго ребенка къ себѣ въ домъ.

„Я очень доволенъ своими войсками: они находятся въ прекрасномъ состояніи. Куринцы каждый день ѣдятъ свѣжій хлѣбъ, и всѣ солдаты въ теченіи недѣли по очереди моются въ баняхъ. Артилерія въ хорошемъ состояніи, стрѣляетъ отлично; она много нанесла вреда непріятелю. Здоровье, воодушевленіе и веселое настроеніе духа царятъ въ моемъ храбромъ отрядѣ“.

Слѣдующее письмо князя Барятинскаго къ князю Воронцову было отъ 4-го Февраля.

„Вчера утромъ я снялъ свой лагерь, очистивъ совершенно Аргунъ отъ лѣса.

„Благодаря этимъ двумъ послѣднимъ рубкамъ, сообщеніе отъ Воздвиженской до Тепли-Кичу сдѣлалось возможнымъ въ два перехода. Это, можетъ быть, самый большой лѣсъ, который оставался еще въ Большой Чечнѣ. Завтра или послѣ завтра всѣ рубки около Грозной, на Нефтянкѣ и около Урусъ-Мартана, на рѣкѣ того же имени и на Гойтѣ, будутъ также окончены. Пятаго числа войска уйдутъ на свои квартиры. Экспедиція счастливо окончена; благодаря Бога, состояніе войскъ и лошадей прекрасное. Князь Орбеліани, который доставитъ это письмо, былъ свидѣтелемъ и участникомъ всего, что мы сдѣлали; онъ можетъ передать вамъ тѣ подробности, которыя могли у меня ускользнуть. Я долженъ еще разъ сказать вамъ, какъ я былъ счастливъ и доволенъ своимъ храбрымъ отрядомъ и превосходными офицерами, которые участвовали во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ. Семенъ въ будущее Воскресенье уѣдетъ въ Тифлисъ, потомъ я думаю послѣдовать за нимъ. Я словесно передамъ вамъ на ваше усмотрѣніе много вопросовъ крайней важности, о которыхъ мы много говорили, по вашему приказанію, съ генераломъ Вольфомъ, и теперь я займусь этими вопросами спеціально и обращу далѣе мое вниманіе на тѣ предметы, которыми съ самаго пріѣзда до сихъ поръ заняться я не имѣлъ времени.

„Недѣли черезъ двѣ мнѣ будетъ нуженъ здѣсь Бата для колонизаціи тѣхъ нашихъ непріятелей, которые захотятъ

выйти на Качкалыковскій хребетъ. Теперь я посылаю его къ вамъ и вмѣстѣ съ этимъ прошу васъ объ одной милости въ его пользу, а именно поступать съ нимъ въ Тифлисѣ также какъ съ Хаджи-Муратомъ.

„Бата оказалъ намъ немало услугъ и окажетъ ихъ много еще; но онъ, какъ всѣ восточные люди, тщеславенъ; польстивъ его самолюбію, можно будетъ смѣло разсчитывать на него въ самыхъ важныхъ случаяхъ. Къ тому же, я думаю, онъ очень заинтересуетъ васъ, такъ какъ онъ благороднѣйшій изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ людей этой расы.

„Нѣсколько дней тому назадъ, одинъ офицеръ, взятый въ прошломъ году въ плѣнъ на большой Астраханской дорогѣ и вышедшій изъ горъ, сообщилъ мнѣ много вещей крайне интересныхъ, относительно страны и нѣкоторыхъ личностей. Объ этомъ я переговорю съ вами лично по моемъ пріѣздѣ въ Тифлисъ“.

Перейдя того же числа въ лагерь у Тепли, князь Барятинскій написалъ князю Воронцову еще слѣдующее письмо:

„Перваго числа этаго мѣсяца, отрядъ раздѣлился на двѣ колонны, и одна изъ нихъ со всѣмъ обозомъ, пройдя Аргунъ, соединилась съ нами черезъ Ханкале. Вся кавалерія и оставшіяся войска помогли мнѣ обозрѣть страну между Герменчукомъ и Грозной. Бата проводилъ меня на большой курганъ Гойтенкортъ, откуда открывается видъ на Большую Чечню съ ея лѣсами, деревнями и лугами; для меня это было крайне важно, потому что отсюда я могъ сообразить, что̀ мнѣ осталось еще сдѣлать. И проходя такимъ образомъ, мы миновали много деревень, откуда не осмѣлились сдѣлать ни одного выстрѣла. Вечеромъ же я принялъ нѣсколько Чеченскихъ депутацій, просящихъ перейти на нашу сторону. Я далъ имъ нѣсколько времени, необходимаго для устройства ихъ хозяйства. Лагерь былъ расположенъ на двухъ берегахъ Аргуна, въ большомъ лѣсу, на три версты выше Тепли. Пѣшеходные мостики были построены въ тотъ же день, повозки и артилерія свободно проходятъ въ бродъ (вода по оси),

такъ что большой мостъ на Аргунѣ становится совершенно безполезенъ. Я дѣлаю изъ лѣса засѣки, окружая лагерь лѣваго берега, что́ уничтожитъ скорѣе деревья, облегчитъ защиту и отдыхъ людей, а также обезпечитъ и движенія войскъ.

„Расположивъ здѣсь лагерь и большую часть обоза съ двумя батальонами и шестью орудіями, я могу предпринять экскурсію, чтобы въ два-три дня очистить тѣ дороги и проходы, которыя вы пожелаете.

„Князь Чавчавадзе пріѣхалъ вчера и принялъ командованіе нашей славной кавалеріею. Стараюсь устроить дѣло Хаджи-Мурата, но боюсь, что это будетъ невозможно: Шамиль ни за что на свѣтѣ не согласится возвратить его семейство, какъ говоритъ Чавчавадзе.

„Плѣнные отправлены (мнимо, разумѣется) въ Россію, какъ вы мнѣ приказали. Позвольте обратиться къ вамъ съ просьбою прислать два креста для Грозненскихъ поселянъ, которые очень хорошо служатъ, и 4 креста для мусульманъ: они много отличались въ этомъ году. Отъ имени всего отряда смѣю передать вамъ нашу благодарность за то дорогое вниманіе, которое убѣждаетъ насъ, что вы нами довольны. При полученіи новой серіи крестовъ, солдаты испытывали невыразимое счастіе“.

Князь Воронцовъ писалъ 30-го Января: „Это письмо, дорогой князь, доставитъ вамъ Мирскій; а кромѣ того я все таки пошлю къ вамъ въ Среду еженедѣльнаго курьера, во первыхъ, чтобы не нарушать разъ заведеннаго порядка, во вторыхъ для того, чтобы у васъ находились подъ рукою всегда люди, съ которыми вы могли бы пересылать намъ все что́ найдете интереснымъ. Надѣюсь, что все у васъ идетъ хорошо; я убѣжденъ въ этомъ, потому что ваше всестороннее знаніе дѣла внушаетъ мнѣ полное довѣріе.

„Съ удовольствіемъ сообщаю вамъ, что 18-го этого мѣсяца, въ день вашихъ двухъ блестящихъ дѣлъ, было еще одно кровавое и славное дѣло въ Кайтахѣ, куда генералъ Сусловъ былъ посланъ княземъ Аргутинскимъ съ 4-мя батальонами, чтобы покончить однимъ сильнымъ ударомъ съ наибомъ Букъ-Магометомъ. Шамиль отправилъ его со всѣмъ, что́ онъ могъ собрать изъ нашихъ абрековъ въ Дагестанѣ,

чтобы попытаться вновь поднять на насъ жителей Кайтаха и Табасарани. Только три деревни рѣшились присоединиться къ этимъ абрекамъ и принять ихъ у себя. Но можно было бояться, что позже, если бы мы потеряли время, другіе, вынужденные силою или просто по убѣжденію, объявили бы себя противъ насъ. Сусловъ выполнилъ порученіе быстро и въ высшей степени энергично. Послѣ того, какъ онъ безъ малѣйшаго затрудненія занялъ и совершенно раззорилъ первыя двѣ деревни изъ тѣхъ трехъ, которыя были у него на дорогѣ, онъ 18-го утромъ прибылъ къ подошвѣ третьей деревни, которая называется Шеляги; это одна изъ сильнѣйшихъ позицій во всемъ Дагестанѣ: здѣсь были сосредоточены всѣ тѣ абреки, которые прибыли съ Букъ-Магометомъ, и всѣ жители трехъ возмутившихся деревень. Сусловъ, совершенно основательно разсудивъ, что всякое колебаніе обусловливаетъ не только потерю времени, но и породитъ значительное возстаніе, вынудилъ князя Аргутинскаго послать отрядъ сильнѣе, чѣмъ онъ могъ бы это сдѣлать, въ особенности теперь, когда два его батальона находятся у васъ на Кумыкской плоскости. Сусловъ быстро рѣшился атаковать. Манюкинъ съ первымъ батальономъ своего полка (Ширванскаго) обошелъ аулъ съ одной стороны, а Ракусса съ однимъ батальономъ Самурскаго полка съ другой. Сопротивленіе было ужасное, такъ какъ непріятель не имѣлъ ни возможности, ни надежды на отступленіе или спасеніе. Наши храбрецы штурмуютъ, врываются въ аулъ; но здѣсь каждый домъ былъ новая крѣпость. Сусловъ отдаетъ приказъ остановиться въ 50 занятыхъ домахъ и понемногу жечь остальные. Сожгли все, сражаясь всю ночь. Утро принесло полный успѣхъ: непріятель былъ совершенно разбитъ, едва 15 человѣкъ успѣли спастись. Самъ Букъ-Магометъ, раненный двумя пулями, былъ взятъ; семь значковъ и одна сѣкира, данная ему Шамилемъ, достались намъ. Наша потеря была значительная; но, какъ я уже сказалъ выше, всякое колебаніе могло намъ стоить дороже. У насъ 120 убитыхъ и болѣе 200 раненыхъ. Манюкинъ раненъ въ плечо, и Ракусса въ руку; но къ счастью оба не опасно *).

*) Это невѣрно: полковникъ Ракусса потерялъ руку, которую пришлось отнять у самаго плеча.

„Какъ только Хаджи-Муратъ узналъ объ этомъ дѣлѣ, онъ пришелъ меня поздравить, и когда я разсказалъ ему, какъ все произошло и что деревня называлась Шеляги, онъ мнѣ сказалъ, что это одна изъ самыхъ сильныхъ позицій, которыя онъ когда-либо видѣлъ, и что наши солдаты должны были быть демонами, чтобы рѣшиться ее атаковать и овладѣть непріятелемъ, столь сильнымъ и отчаяннымъ.

„Въ приказѣ, который, я надѣюсь, будетъ напечатанъ сегодня или завтра, мы прибавимъ и объ этомъ дѣлѣ ко всему что́ тамъ говорится о вашихъ блестящихъ успѣхахъ въ Чечнѣ, и я прошу васъ приказать прочитать приказъ передъ всѣми ротами, чтобы ваши храбрые солдаты могли видѣть не только то, что́ относится лично до нихъ, но также, какъ ихъ товарищи на другихъ частяхъ военнаго театра слѣдуютъ ихъ славному примѣру, разбивая непріятеля, который имъ сопротивляется“.

Отъ 1-го Февраля: „Я только что получилъ ваше письмо, и опять съ доброю новостью: опять одинъ изъ тѣхъ подвиговъ, къ которымъ вы задали себѣ насъ пріучить. Благодарю васъ отъ всего моего сердца и вновь прихожу въ удивленіе отъ вашей дѣятельности, горячаго усердія и знанія дѣла. Я очень счастливъ, что наши храбрые казаки имѣли случай отомстить хотя частью за смерть ихъ любимаго и уважаемаго начальника, котораго они потеряли.

„Семенъ мнѣ пишетъ, что по слухамъ сынъ Шамиля былъ раненъ въ этомъ дѣлѣ; я горю нетерпѣніемъ узнать скорѣе подробности, и мнѣ тѣмъ болѣе все это пріятно, что мы почти не имѣли никакой потери. Все это случилось, благодаря вашему распоряженію сильно занять лѣсъ у Баса, который находился у васъ въ тылу. Я надѣюсь, что съ этою почтою вы получите приказъ о всѣхъ вашихъ послѣднихъ дѣлахъ и о дѣлѣ Суслова въ Кайтахѣ. Я вамъ не пишу сегодня ничего болѣе, такъ какъ очень сильно занятъ“.

Князь Воронцовъ князю Барятинскому отъ 6-го Февраля: „Послѣ моего послѣдняго письма я получилъ ваше отъ 30-го Января и благодарю васъ отъ всего моего сердца за то, что́ вы мнѣ пишете и за то что́ дѣлаете. Для насъ очень выгодно, если Шамиль, отчаявшись въ Большой Чечнѣ, зай-

мется защитою Веденскаго ущелья и Ичкеріи. Идти туда теперь мы не имѣемъ никакой надобности, и вамъ тѣмъ болѣе легко будетъ покончить дѣла въ Большой Чечнѣ. То что́ вы говорите о переселеніи Талгика и Гихи *) въ Ичкерію было бы положительно полезно для нашего дѣла въ Чечнѣ; а когда у насъ явится охота и время вытѣснить ихъ также и изъ Ичкеріи,—это уже будетъ намъ нетрудно, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ для этого двѣ дороги, и я думаю, что демонстрація, болѣе или менѣе сильная, противъ Шалихалъ-Берды, на нашей дорогѣ 1845 года, заставила бы ихъ съ самаго начала крѣпко задуматься. Вы знаете изъ моихъ прежнихъ писемъ, какъ я стою за то, чтобы вы усвоили себѣ мысль о принятіи индивидуальной покорности отдѣльныхъ семействъ въ Большой Чечнѣ и въ нагорной части Малой Чечни, такъ какъ ожидать теперь же покоренія массами почти невозможно, да и безполезно; но совершая это мало-помалу, въ релультатѣ можетъ оправдаться сравненіе съ „комомъ снѣга“. Много семействъ должны быть расположены перейти на нашу сторону, такъ какъ вслѣдствіе вашихъ прекрасныхъ дѣйствій въ Большой Чечнѣ и того ужаса, который вы распространили въ ущельяхъ Черныхъ горъ Малой Чечни, пребываніе ихъ тамъ должно быть крайне тяжелое и непріятное. Затѣмъ, вамъ извѣстны болѣе чѣмъ кому либо другому лучшія мѣстности, находящіяся въ нашихъ рукахъ для безопаснаго поселенія покоряющихся семействъ; а число ихъ въ недалекомъ будущемъ, конечно, значительно увеличится. Затрудненія, которыя представлялись издавна при подобныхъ переселеніяхъ, теперь болѣе не существуютъ, или въ высшей степени уменьшились; тотъ разгромъ, который вы имъ нанесли и тотъ, который Вревскій еще произведетъ въ Мартѣ, доставятъ имъ легкій къ намъ доступъ; а нашимъ отрядамъ, посланнымъ къ нимъ на встрѣчу, не будетъ нужды драться и терять людей.

„Здѣсь я вамъ скажу нѣсколько словъ объ нашемъ Русскомъ взглядѣ на количество земли, которымъ должны быть надѣлены вышедшія семейства и вообще покоренные Чеченцы.

*) Наибы Шамиля.

Примѣняя систему мѣры, которую предлагали Слѣпцовъ и Вревскій, количество выходитъ такимъ громаднымъ, что мы никогда не будемъ въ состояніи его имѣть, и для этого необходимы цѣлыя степи, какъ въ Сибири. Я имѣю два возраженія, достаточно сильныя противъ подобной системы на дѣла: 1) невозможность ее выполнить, и 2) долгій опытъ всесторонней практики въ моихъ собственныхъ земляхъ. Въ имѣніи Херсонской губерніи, которое я купилъ 30 лѣтъ тому назадъ, на 40,000 десятинахъ поселено 3,000 крестьянъ; затѣмъ у меня тамъ отъ 15 до 20,000 барановъ, табунъ отъ 3 до 4 тысячъ лошадей и, несмотря на все это, у меня много земли необработанной, и каждый разъ когда я тамъ бываю, мнѣ кажется, что я въ пустынѣ. Если принять во вниманіе разсчетъ этихъ господъ, то обѣ Чечни окажутся недостаточными для теперешняго населенія, несмотря на 12 лѣтъ войны и разоренія; между тѣмъ, до возстанія Чечни въ 1840 г., населеніе ея было, можетъ быть, вдвое болѣе; но и тогда они не жаловались на недостатокъ земли, хотя мы уже владѣли Грозной и частью линіи Сунжи. Въ нашей богатой Кіевской губерніи мы считаемъ отъ 4 до 5 десятинъ на душу, включая и занятую подъ многія постройки и заведенія, и все-таки крестьяне далеко не жалуются на недостатокъ земли, приноравливаясь къ старинной системѣ счета трехпольнаго хозяйства. Я глубоко убѣжденъ, что, считая отъ 4 до 5 десятинъ на душу, т.-е. на каждаго Чеченца, это будетъ для нихъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы жить хорошо, тѣмъ болѣе, что земли, которыми мы ихъ теперь надѣлимъ, превосходны, вполнѣ производительны и орошены или удобны къ орошенію; а количество земли, которое намъ нужно для нашихъ маленькихъ крѣпостей и для Сунженскихъ казаковъ, едва ли превышаетъ то, которое требовалось для несуществующаго уже теперь Чеченскаго населенія. Наконецъ, самое вѣрное—это не говорить Чеченцамъ о количествѣ тѣхъ десятинъ, которыя имъ дадутъ; мы можемъ думать объ этомъ для нашихъ соображеній, но они тутъ ничего бы не поняли, и все это могло бы привести въ будущемъ къ большимъ и безконечнымъ затрудненіямъ. Имъ нужно показать ту свободную землю, которую вы разсчитываете имъ дать, и они тамъ раз-

мѣстятся какъ могутъ и, безъ сомнѣнія, хорошо; да, впрочемъ, противъ невозможности и не пойдешь: мы не можемъ имъ дать болѣе того, что́ имѣемъ для нихъ; но, впрочемъ, можно быть увѣреннымъ, что видя, какъ заботятся объ ихъ теперешнемъ состояніи они останутся довольными тѣмъ, что́ имъ дадутъ. Все, что́ мы должны и можемъ сдѣлать, наконецъ, это распредѣлить со справедливостью, что́ изъ земель мы назначаемъ казакамъ и для крѣпостей, и вотъ еще одна изъ причинъ, почему я всегда буду противъ устройства полковаго штаба въ Ачхоѣ или въ окрестностяхъ: надобности полка, дѣйствительныя и преувеличенныя прихотливостью, отнимутъ у насъ всякую возможность дать необходимое туземцамъ, которые покорятся. Вотъ, что́ я хотѣлъ вамъ сказать по поводу земель необходимыхъ для Чеченцевъ. Прослѣдите это хорошенько, не довѣряйтесь легко всему, что́ будутъ вамъ говорить генералы, начальники участковъ и землемѣры; прослѣдите все сами съ отличающимъ васъ умомъ и съ свойственнымъ вамъ знаніемъ страны и людей, съ которыми имѣете сношенія, и я увѣренъ, что вы найдете дѣло колонизаціи легче, чѣмъ думаютъ. Ларчикъ просто откроется.

„Три-четыре дня тому назадъ мы получили длинный рапортъ генерала Вревскаго, преимущественно на счетъ тѣхъ границъ, которыя должны быть опредѣлены между вашимъ и его раіонами, на счетъ колонизаціи Карабулаковъ, объ укрѣпленіи одной мѣстности въ Гехѣ, Бумутѣ и Алгузали, наконецъ на счетъ довольно важной просѣки къ югу отъ нашей „Русской дороги“, для чего не позже Марта ему понадобится довольно сильный отрядъ, не для сраженій, а для работъ и обезпеченія сообщеній. Я приказалъ извѣстить его, что мы ему пошлемъ подробный отвѣтъ на слѣдующей недѣлѣ, и вы получите копію съ этого отвѣта. Первое наше слово будетъ, что онъ долженъ войти съ вами въ соглашеніе и устроить встрѣчу съ вами сейчасъ же послѣ окончанія зимней экспедиціи. Сегодня я вамъ болѣе ничего къ этому не прибавлю; скажу только что я болѣе всего стою за укрѣпленіе Гехи; а затѣмъ мысли Вревскаго насчетъ Карабулаковъ главнымъ образомъ грѣшатъ противъ вышесказаннаго взгляда относительно земель, которыми онъ хочетъ

ихъ надѣлить. Онъ расчитываетъ для однихъ Карабулаковъ земли болѣе чѣмъ есть во всей Малой Чечнѣ; это доказываетъ только полную неопытность Вревскаго въ дѣлахъ администраціи и необходимость, чтобы онъ ничего не предпринималъ до свиданія и соглашенія съ вами. Относительно рубки лѣса въ Мартѣ мѣсяцѣ, то и это не можетъ совершиться безъ полнаго соглашенія съ вами, такъ какъ для этого онъ будетъ просить у васъ батальонъ, а можетъ и болѣе, Куринцевъ.

„Что̀ касается до вашихъ настоящихъ дѣлъ, я могу лишь повторить, что нахожусь подъ самымъ радостнымъ впечатлѣніемъ отъ вашихъ успѣховъ и намѣреній. Шамиль долженъ быть въ крайне стѣсненномъ положеніи; но, съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать: чѣмъ болѣе онъ стѣсненъ, тѣмъ болѣе постарается избѣгнуть своей участи и одобрить своихъ партизановъ проявленіями мужества, не смотря на то, что съ 1846 года ни одна изъ его попытокъ не имѣла успѣха. Ваши лазутчики вамъ хорошо служатъ, и я не сомнѣваюсь, вы всегда будете знать, когда вамъ слѣдуетъ брать предосторожности противъ всего, что̀ могло бы быть направлено прямо противъ васъ, или противъ другихъ раіоновъ.

„Письмо вышло длиннымъ, пора его окончить; прибавлю только, что Хаджи-Муратъ уѣхалъ сегодня утромъ на Лезгинскую линію въ распоряженіе князя Григорія Орбеліани. Эта поѣздка служитъ мнѣ къ исполненію намѣренія не допускать его пріѣзда въ Грозную, ранѣе чѣмъ вы сами тамъ не будете. Къ тому же я вамъ скажу: чѣмъ болѣе его я узнаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ его вѣрности и той громадной пользѣ, которую онъ можетъ намъ принести“.

Князь Воронцовъ отъ 11-го Февраля: „Примите мои самыя искреннія поздравленія съ чиномъ генералъ-лейтенанта, которымъ награждаетъ васъ Императоръ за ваши блестящія дѣла 6-го и 7-го Января. Вы знаете, что я представилъ васъ къ 3-й степени Георгія, въ той надеждѣ, что чинъ все равно черезъ годъ не уйдетъ отъ васъ; но Государь рѣшилъ иначе, и мнѣ ничего не остается какъ поздравить васъ отъ всей души; это большой шагъ, который даетъ широкій просторъ

всѣмъ, кто имѣетъ случай служить съ вами, или подъ вашимъ начальствомъ, и это есть ясное доказательство передъ всей арміей и предъ всей Россіей, какъ Государь умѣетъ цѣнить ваши заслуги и желаетъ подвинуть васъ по пути той славной карьеры, которую вы такъ хорошо начали. Я съ своей стороны очень радъ и увѣренъ, что вашъ чинъ генералъ-лейтенанта будетъ намъ при всѣхъ случаяхъ очень полезенъ.

„Что касается до Георгіевскаго креста для Семена, то кажется еще нѣтъ ничего рѣшительнаго. Софія Бобринская написала 25-го числа моей женѣ, поздравляя ее; а Васильчиковъ писалъ Дондукову, что дѣло рѣшено; но прибывшая вчера почта, помѣченная 28-мъ, ничего объ этомъ не говоритъ. Можетъ быть дума или Государь нашли какія-нибудь затрудненія, что̀ случается часто, когда не имѣется добраго желанья... Но Семенъ все-таки можетъ себя поздравить, во-первыхъ съ тѣмъ, что онъ былъ представленъ прямо вами, своимъ непосредственнымъ начальникомъ, который могъ судить вполнѣ справедливо, и что это раздѣляли его товарищи и всѣ кто былъ съ нимъ въ дѣлѣ.

„Вслѣдъ за моимъ послѣднимъ письмомъ, я получилъ ваше отъ 4-го, изъ лагеря подъ Тепли. Я не могу достаточно благодарить васъ за все, что̀ вы мнѣ говорите и за все что̀ сдѣлали. Вашъ переходъ изъ стараго лагеря въ новый есть замѣчательное доказательство того состоянія дѣлъ, которое находится подъ вашимъ энергичнымъ управленіемъ и прекрасныхъ распоряженій съ самаго начала кампаніи въ обѣихъ Чечняхъ. Мнѣ очень бы хотѣлось знать, на что рѣшится Шамиль въ своемъ настоящемъ скверномъ положеніи; я не сомнѣваюсь, что, не смотря на свою энергію и умѣлость, онъ ничего существеннаго не сдѣлаетъ, чтобы выйдти изъ него. Можно смѣло сказать, что Шамиль 1852 г. далеко уже не тотъ, какимъ мы видѣли его въ 1845 г.: со всѣхъ сторонъ къ нему теперь идутъ невеселыя новости. Блестящее дѣло Суслова въ Дагестанѣ должно быть для него чувствительнымъ ударомъ.

„Два или три дня тому назадъ мы получили превосходныя извѣстія съ Праваго фланга и изъ Черноморіи. Генералы

Евдокимовъ, Рашпиль и очень дѣятельный адмиралъ Серебряковъ сдѣлали одновременно нападенія, первый на Абазеховъ, а два остальные на Натухайцевъ и Шапсуговъ. Въ теченіи трехъ дней по пути нашихъ отрядовъ, все, что̀ не было покорено, было уничтожено, съ весьма малою потерею съ нашей стороны, и ужасъ разнесся повсюду. Въ первый разъ войска Черноморіи могли сойдтись съ войсками Восточнаго берега со стороны Новороссійска и дѣйствовать вмѣстѣ. Я давно желалъ этого; но Будбергъ, не смотря на то, что онъ отличный человѣкъ, никогда не могъ достигнуть этого и согласиться со своими сосѣдями, начальниками. Серебряковъ же выполнилъ это прекрасно, предложивъ генералу Рашпилю встрѣтиться въ крѣпости Абинѣ. Отсюда они дѣйствовали вмѣстѣ, съ тою рѣшимостью, какой тамъ не запомнятъ со временъ генерала Вельяминова.

„Я былъ очень радъ, увидя изъ вашего письма, что вы надѣетесь привести въ исполненіе колонизацію жителей Большой Чечни, начиная съ тѣхъ, которые пришли просить васъ объ этомъ во время вашего перехода въ Тепли. Вы знаете, что я всегда считалъ полезнымъ принимать Чеченцевъ, по мѣрѣ того, какъ они будутъ являться; въ такомъ случаѣ, продолжая ваши дѣйствія въ сѣверныхъ долинахъ Большой Чечни, вы найдете въ аулахъ менѣе наличныхъ враговъ, и вамъ будетъ легче подчинить намъ всю эту страну въ будущемъ.

„Я очень желаю, чтобы Чавчавадзе прибылъ къ вамъ, потому что, въ случаѣ если Шамиль будетъ тревожить васъ внѣ долинъ и густыхъ лѣсовъ, ваша прекрасная кавалерія будетъ имѣть случай дать ему еще урокъ.

„Посылаю вамъ шесть Георгіевскихъ крестовъ, которые вы желали имѣть; надѣюсь, вы поздравили отъ меня Бату, и прошу прислать мнѣ какъ можно скорѣе подробное представленіе о немъ, которое будетъ справедливою наградою за услуги, намъ оказываемыя. Не могу васъ достаточно отблагодарить за вашу безконечную доброту къ Семену и Николаи. Напишу вамъ въ Среду, если у васъ будетъ все благополучно, что̀ можно будетъ сдѣлать для укрѣпленія здоровья Семена, а въ особенности его жены. Если не встрѣтится ему препят-

ствій по службѣ, то желательно было бы, чтобы онъ пріѣхалъ на праздники сюда, передавъ командованіе полкомъ Ляшенкѣ. Семенъ самъ передастъ вамъ причины, почему ему необходимо пробыть съ нами часть Апрѣля".

13-го Февраля князь Барятинскій писалъ князю Воронцову, изъ лагеря у Тепли:

„Начинаю это письмо выраженіемъ глубокой благодарности за пожалованіе мнѣ чина генералъ-лейтенанта, который я получилъ вслѣдъ за вашимъ письмомъ къ военному министру. Боюсь, что я никогда не съумѣю вамъ отплатить за все то вниманіе, доброту и довѣріе, которыя вы доказываете мнѣ.

„Со времени моего послѣдняго письма, мы успѣли уничтожить много лѣса, такъ что теперь пространство отъ Грозной до р. Джалки представляетъ собою обширное поле. Вчера Веревкинъ, который управлялъ рубкою лѣса, имѣлъ блестящее дѣло, героемъ котораго былъ Лорисъ-Меликовъ. Вотъ уже второй разъ, какъ казаки достойно мстятъ за потерю своего атамана. Все идетъ, слава Богу, счастливо и гораздо скорѣе, чѣмъ я могъ надѣяться. Очень досадно, что я не могу продолжить кампанію до Апрѣля: тогда покореніе Большой Чечни было бы неминуемымъ дѣломъ. Каждый день я принимаю депутацію за депутаціей, которыя мнѣ обѣщаютъ покореніе сейчасъ же вслѣдъ за началомъ постройки укрѣпленія въ Автурѣ или въ Шали. Шамиль ожидаетъ моего отъѣзда, чтобы взять заложниковъ и продержать у себя лишь до той минуты, когда поля будутъ засѣяны; но очень возможно, что онъ оставитъ ихъ у себя и послѣ еще нѣкоторое время. Я бы очень хотѣлъ, чтобы вы позволили мнѣ, по окончаніи экспедиціи, пріѣхать въ Тифлисъ, гдѣ я могъ бы словесно передать на ваше усмотрѣніе нѣсколько крайне важныхъ вопросовъ, относящихся до той и другой Чечни".

Въ письмѣ отъ 13-го Февраля, князь Воронцовъ, повторяя просьбу объ отпускѣ его сына на три мѣсяца для лѣченія въ Боржомѣ, между прочимъ добавилъ: „Вы вѣроятно получаете газеты и могли видѣть, что Луи-Наполеонъ, совершившій, хотя и незаконно, нѣсколько хорошихъ дѣлъ, далъ слишкомъ большую волю своимъ деспотическимъ наклонностямъ

и допустилъ чрезвычайную, несправедливую вѣру—конфискацію имѣній Орлеанскихъ принцевъ. Эта мѣра произвела весьма дурное впечатлѣніе и, Богъ знаетъ, не придется ли ему раскаяться въ ней".

Отъ 15-го Февраля: „Наконецъ, мы получили офиціальное извѣстіе о наградѣ Георгіевскимъ крестомъ Семена,—отличіе столь дорогое для всѣхъ нашихъ воиновъ и за которое прежде всего онъ долженъ благодарить васъ, своего славнаго начальника, въ распоряженіи котораго ему представился случай выказать себя: вашему благосклонному представленію онъ обязанъ этой наградой. Моя первая обязанность также благодарить васъ и отъ имени моей жены за всю ту братскую дружбу, которую вы оказываете нашему сыну. Вы поймете, съ какою радостью я ему посылаю крестъ, который я самъ получилъ въ этой же странѣ 48 лѣтъ тому назадъ.

„Быть можетъ Семенъ уже получилъ крестъ вчера вечеромъ или сегодня отъ нашего обожаемаго Наслѣдника Цесаревича, такъ какъ фельдъегерь мнѣ сказалъ, что онъ оставилъ во Владикавказѣ письмо съ ящикомъ отъ Его Высочества къ Семену.

„Чернышовъ пишетъ мнѣ, что онъ хотѣлъ предоставить крестъ Семену болѣе почетнымъ образомъ, т.-е. постановленіемъ орденской думы, въ которой онъ и былъ единогласно удостоенъ этого отличія, о чемъ мнѣ сообщаетъ, въ полученномъ сегодня письмѣ, мой старый товарищъ, генералъ Левенштернъ, засѣдавшій въ думѣ".

1852 годъ.

Изъ записокъ сенатора К. Н. Лебедева [1]).

I. Смерть А. В. Абазы. Сегодня 21-го Марта, скончался боярин Аггѣй Васильевичъ Абаза, замѣчательный человѣкъ Русскій. Не имѣя почти никакого состоянія, онъ нажилъ откупами милліоны. Никогда не видалъ я его унылымъ и разсерженнымъ; всегда здоровый, веселый, онъ велъ роскошную жизнь. Его любовь къ дѣтямъ доходила до слабости. Особенно любилъ онъ дочь свою Прасковью, вышедшую за мужъ за Львова (музыканта) и сына Александра, женившагося на дочери богатаго откупщика Бенардаки. И дочь и сынъ оправдываютъ любовь его. Миръ праху твоему, добрый человѣкъ! Радостно ты встрѣтишься со своею доброю истинно-христіанской женой [2]). Семейство его (кромѣ Прасковьи и Александра), кажется, не устроено. Дай Богъ имъ устроиться за добродѣтели матери и за любовь, которой пользовался отецъ. Аггѣю Васильевичу было около 70 лѣтъ; онъ былъ весьма тученъ. У него былъ обѣдъ; послѣ обѣда онъ игралъ въ карты и отдалъ выигрышъ дочери Вѣрѣ для бѣдныхъ. Въ десять часовъ съ нимъ случился ударъ, и пять дней онъ былъ безъ языка и безъ памяти. Мы отъ души жалѣли объ этомъ добромъ человѣкѣ.

II. Князь Суворовъ. Вотъ уже два раза видѣлся и говорилъ съ генералъ-губернаторомъ княземъ Александромъ Аркадіевичемъ Суворовымъ. Много разсмотрѣлъ дѣлъ Остзейскаго края и странное получилъ впечатлѣніе. Князь человѣкъ общественный, дѣломъ не занимается, законовъ не знаетъ, подчиняется вліянію перваго докладчика и готовъ дѣлать все, опираясь на любовь Государя и на то, что онъ

---

[1]) См. выше, стр. 481.

[2]) А. В. Абаза, потомокъ Молдавскаго боярина, род. въ 1782 г. Женатъ былъ на Прасковьѣ Логиновнѣ урожд. Манзей (Происхожденія Шотландскаго). П. Б.

свѣтлѣйшій князь. Онъ въ открытой борьбѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ; онъ поддерживаетъ мѣстныя права, вовсе не имѣя о нихъ точнаго понятія. Къ тому же и правители канцеляріи его люди очень неопытные. Кромѣ того, и въ краѣ начались какія-то ябедничества, жалобы, извѣты и сутяжничество. Прежняя отдѣльность края очевидно ослабляется; въ него вторгнулись православіе, чиновничество и кодификація. При Е. А. Головинѣ шли дѣла плохо; а теперь, не смотря на отстаиваніе князя, дѣла идутъ еще хуже: ибо три означенныя измѣненія такъ запутываютъ отношенія, что неловкимъ Нѣмцамъ трудно выбираться въ мутныхъ, устарѣлыхъ privilegia и singularia.

Желательно, чтобы скорѣе вышли остальныя части свода (III, IV и V) и чтобъ потомъ, не опуская рукъ, умно ввели ихъ въ столбцы общаго свода.

III. Министръ ст. секр. Ѳедоръ Павловичъ Вронченко умеръ 6 Апрѣля. Природа предназначила его для среды средней руки. Это былъ человѣкъ малообразованный, неглупый и добрый, старый волокита и забавный угодникъ Катерины Захаровны Канкриной. Въ молодости онъ былъ хорошій работникъ; въ старости, когда онъ выведенъ былъ на государственное поприще, никто съ нимъ изъ великихъ міра не говорилъ иначе, какъ шутя, особенно покойный Великій Князь Михаилъ. Два начальника отдѣленія, докладывавшіе ему, сообщили мнѣ, что онъ, кромѣ кредитной канцеляріи, рѣшительно ничего не понималъ и слишкомъ поздно назначенъ, чтобъ научиться. Ничтожный этотъ человѣкъ достигъ всего, что только можно заслужить: титула, министра и графа, чина д. т. совѣтника и ордена Андрея. Со времени его назначенія финансами завѣдывалъ Государь, и этимъ только и можно объяснить его назначеніе. Три важныхъ мѣры приняты въ это время: отдѣленіе 30 милліоновъ для покупки публичныхъ фондовъ, новый тарифъ (работа Тенгоборскаго) и земскія повинности. Ни въ одной изъ сихъ мѣръ покойный министръ не участвовалъ нисколько. Онъ въ обществѣ былъ извѣстенъ болѣе по смѣшнымъ анекдотамъ и постояннымъ прогулкамъ съ граціями по Невскому. Товарища его П. Ѳ. Брока назначилъ ему Государь. Впрочемъ, добрый по душѣ, покойный никому не сдѣлалъ зла. Общее мнѣніе назначаетъ ему въ преемники М. Н. Муравьева, сенатора генерала Чевкина и Дм. Гавр. Бибикова. Это люди съ отличными головами. Едва ли, однако, кто нибудь изъ сихъ лицъ будетъ назначенъ; управлять министерствомъ будетъ Брокъ.

IV. Необыкновенныя награды товарищу министра П. Ѳ. Броку вызвали и необыкновенные толки. Брокъ исходатайствовалъ большую денежную награду барону Гревеницу (директору министра). Гревеницъ сочинилъ письмо о наградѣ Броку отъ имени умирающаго старика

Вронченки, которое старикъ подписалъ. Государь утвердилъ. Деньги 15 тысячъ, мѣсто товарища министра финансовъ и сенаторство. Слухи говорятъ, что письмо писано Гревеницемъ и Брокомъ и ими же подписано за Вронченку. Правда въ этомъ дѣлѣ лишь только та, что старикъ не зналъ, что́ подписывалъ, и что мысль о письмѣ пришла не умирающему, а утвержденіе ходатайства сдѣлано для умирающаго. Старики острятъ: «хорошъ Брокъ, да будетъ ли отъ него прокъ!» Выборъ осуждаютъ; но изъ кого выбрать Государю? Хорошо еще, что выборъ палъ на Брока, а не на другаго Вронченку?

V. Нашъ министръ пришелъ къ дуализму. Съ Высочайшаго соизволенія онъ раздѣлилъ свои занятія съ товарищемъ; оставилъ при себѣ Топильскаго и всѣ важнѣйшія дѣла по Совѣту, Комитету и Консультаціи, а также опредѣленіе чиновниковъ до 6-го класса; остальныя дѣла онъ отдалъ товарищу, при которомъ уголовными дѣлами завѣдуетъ вице-директоръ Бутковскій. Толкуютъ въ департаментѣ, что это сдѣлано для устраненія товарища министра Илличевскаго въ случаѣ отъѣзда министра, въ Маѣ, въ чужіе края. Но чего боится графъ Панинъ? Илличевскаго? Больно и грустно смотрѣть. Эти Илличевскіе, Топильскіе, Путиловы губятъ вѣдомство. Министръ безпрестанно сердится; даже съ Консультаціей разговариваетъ жестко, грубо; въ Совѣтѣ и Комитетѣ вездѣ встрѣчаетъ порицанія и отраженія. Но знаетъ ли онъ, въ какомъ положеніи дѣла въ губерніяхъ? Знаетъ ли, что въ самомъ Сенатѣ половина дѣлъ потеряна? Что управленіе на шагъ отъ того, чтобъ навлечь на себя всю тяжесть отвѣтственности? Ну, если Государь назначитъ ревизію по всему вѣдомству? Ну, если вступитъ въ должность другой министръ и вздумаетъ угостить ревизіей своего предшественника? Окружающіе графа любятъ его милости, но они вовсе не дорожатъ его честью и достоинствомъ. Они безусловно исполняютъ его приказанія, но имъ въ голову не придетъ доложить о послѣдствіяхъ его приказаній; они разсылаютъ подтвердительные циркуляры о точномъ исполненіи закона и порядка, но имъ дѣла нѣтъ до того, что они первые нарушители этого порядка. Исключительное поощреніе молодежи изъ правовѣдовъ, безпрестанныя перемѣщенія чиновниковъ, назначеніе дѣлопроизводителей мимо и даже противъ желанія непосредственныхъ начальниковъ, страшная медленность въ разрѣшеніи представленій, оставленіе дѣлопроизводства и суда въ настоящемъ, очевидно обветшаломъ видѣ, занятія мелочами, вѣдомостями и таблицами, мелкія придирки, игра каприза, зависти и самолюбія, выборъ подъ вліяніемъ этихъ чувствъ своихъ ближайшихъ помощниковъ—да чего же можно ожидать при такомъ управленіи? Шереметеву, Данзасу,

Мартынову это нравится, баронъ Корфъ, князь Гагаринъ и Муравьевъ этому радуются; но сердцу преданному это прискорбно и больно.

VI. Вотъ вышло повелѣніе о раздѣленіи власти министра и товарища его. Не знаю, кто тутъ найдетъ смыслъ. Можетъ быть, впрочемъ, съ этимъ раздѣленіемъ властей улучшится наше положеніе. Власть наша такъ унижена, замѣщеніе свободныхъ мѣстъ такъ произвольно и временно, что подчиненные внемлятъ болѣе просьбѣ, нежели дѣлу и приказанію. Имѣя связи съ канцеляріею министерства и директорами, они перемѣщаются помимо оберъ-прокуроровъ. За то хороши и плоды. Огромная письменность допускаетъ небрежность; дѣла рѣшаются и пишутся кое-какъ; перемѣщеніе оберъ-прокуроровъ и вообще чиновниковъ, частое, безпрерывное, имѣетъ послѣдствіемъ то, что они нисколько не дорожатъ своими департаментами; а меньшіе чиновники, особенно правовѣды, считаютъ ничтожнымъ дѣломъ завѣдывать столомъ. Отъ этого дѣла въ безпорядкѣ, значительная часть бумагъ и дѣлъ растеряны. У меня во 2-мъ отдѣленіи 5-го департамента оберъ-секретарь (Романовскій) болѣе года въ командировкѣ; другой (Гауеръ) боленъ 4 мѣсяца и отправился въ чужіе края. Итакъ, изъ 3-хъ нѣтъ 2-хъ. Въ Декабрѣ прошлаго года я представилъ о замѣщеніи секретаря, и шестой мѣсяцъ нѣтъ утвержденія; четырехъ помощниковъ до сихъ поръ не назначаютъ, ожидая выпуска изъ школы правовѣдѣнія, какъ будто не школьники для канцеляріи, а Сенатъ для школьниковъ. Грустно это, и при большей независимости я давно бы оставилъ этотъ постъ.

VII. Замѣчателенъ указъ объ учрежденіи Сибирскаго комитета въ томъ же видѣ какъ и Кавказскій. Зачѣмъ же уничтожили прежній? Потому ли, что не было Анисимова? Былъ Сперанскій. Или потому, что хотятъ преобразовать край, преобразованный вчера во всемъ составѣ? Или, наконецъ, потому, что нашелся человѣкъ, завѣдующій всѣми комитетами—Бутковъ? Быстро идетъ этотъ дѣятельный и даровитый молодой человѣкъ; но, исполняя все для князя Воронцова по Кавказу, будетъ ли онъ также исполнителенъ для гг. Гасферта и Муравьева?

VIII. Н. Н. Анненковъ прекрасный и благородный человѣкъ; но вотъ три мѣсяца какъ онъ завѣдуетъ высшею цензурою, и вотъ три случая мнѣ извѣстные: 1) въ Москвѣ профессоръ Рулье, въ напечатанной лекціи, объяснялъ происхожденіе растеній изъ земли посредствомъ химическаго процесса. Въ Петербургѣ нашли это противнымъ Книгѣ Бытія 2). Въ полицейской газетѣ на дняхъ напечатано было, что ***, прибывъ въ Мюнхенъ, были въ театрѣ, гдѣ давали оперу «Блудный Сынъ». Это сближеніе нашли неприличнымъ. 3) Молодой че-

ловѣкъ И. С. Тургеневъ помѣстилъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ статью о Гоголѣ. Тургенева посадили подъ арестъ! Какая во всемъ поспѣшность, непослѣдовательность; а между тѣмъ какіе все важные вопросы разрѣшаются и какое важное время для сихъ вопросовъ!

IX. Указъ 2-го Апрѣля о *высылкѣ* молодыхъ дворянъ изъ семействъ помѣщиковъ Западнаго края, съ 16 до 25 лѣтъ, въ гражданскую службу принятъ съ большимъ ропотомъ. Этотъ указъ написанъ жестко. Желательно бы знать, кто его присовѣтовалъ? Говорятъ, Бибиковы, но не Паскевичъ; указъ былъ приготовленъ еще въ Петербургѣ.

X. Графъ Панинъ говорилъ мнѣ о частыхъ разноглосіяхъ и недостаткѣ единства въ воззрѣніяхъ по дѣламъ въ Сенатѣ, особенно въ общихъ собраніяхъ и на Консультаціи. Графъ замѣчаетъ справедливо; но что же тутъ дѣлать оберъ-прокурору? Развѣ онъ не знаетъ этихъ гг. сенаторовъ: генерала Че—шова, Ба—рина, Лип—каго, Г—на, Тру—кова, Бух—а? По составу Сената единства воззрѣній быть не можетъ. Могъ бы быть авторитетъ, могли бы поддержать это единство первоприсутствующіе; но поддержатъ-ли ихъ гг. Дур—ъ, Полуд—ій, Гор—ли, чающіе движенія воды, или г. Ч—въ, ничего не понимающій, или г. Кочубей, понимающій, но лѣнивый. Грустное время!

XI. Дѣла идутъ кое-какъ. Я описалъ это министру подробно въ донесеніи отъ 31 Августа 1851 года. Десять лѣтъ знаю я Консультацію, учрежденіе по составу своему и по началу полезное и прекрасное; но что изъ него сдѣлали? Когда тамъ сидѣли Пинскій, Данзазъ, даже Капгеръ—былъ авторитетъ, было достоинство и довѣріе. Пинскій со своею отличною памятью и логикой и какъ директоръ, которому извѣстны случайныя дѣла и общія толкованія, былъ для насъ очень поучителенъ. Данзазъ, при всѣхъ этихъ качествахъ, съ умомъ болѣе многостороннимъ, не первенствовалъ единственно потому, что, увлекаясь игрою въ карты, рѣдко читалъ бумаги. Теперь же что? Плисовъ, Салтыковъ, Цеймернъ—ихъ никто не послушаетъ. Быковъ? Да, но отсутствіе теоретическихъ познаній мѣшаетъ ему быть многостороннимъ. Г-ну Топильскому некогда, такъ какъ онъ заваленъ порученіями. Остаются Матюнинъ и я; но Матюнинъ слишкомъ остороженъ, а я неостороженъ и слишкомъ давно въ загонѣ. Еще есть Подчаскій, графъ Зубовъ и князь Кочубей, которые не умѣютъ ни работать, ни понимать дѣло. Зубковъ, Карцовъ и Торнау такъ не смѣлы, что на нихъ никто не положится. А между тѣмъ, отъ предсѣдательствующихъ зависитъ многое, и они могли бы быть существенно полезны. Дайте хорошаго первоприсутствующаго, и вы установите порядокъ.

XII. Иванъ Кирѣевскій (издатель «Европейца») помѣстилъ въ Аксаковскомъ «Московскомъ Сборникѣ» любопытную статью о просвѣщеніи Европы по отношенію къ Россіи. Я съ большимъ вниманіемъ читалъ эту статью Славянофила, написанную не тяжело и довольно послѣдовательно. Попадаются странныя выраженія въ родѣ «цѣльность духа», не совсѣмъ понятныя для читателя. Статья говоритъ, что образованіе Запада хуже нашего, религія Римская хуже Византійской и что мышленіе, связанное силлогизмомъ, даже въ окончательномъ выраженіи, въ сочиненіяхъ Гегеля, далеко не удовлетворяетъ требованіямъ всесторонняго ума. Хорошо; но высшее развитіе старой Россіи есть государство Алексѣя Михайловича. Можно-ли его сравнить съ эпохой Людовика XIV-го? Посмотрите, какъ сильныя эти Русскія стихіи и при царяхъ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ проникаются чужеземнымъ вліяніемъ и какъ мало разумной оппозиціи представили они въ эпоху Петра, порывисто и поспѣшно принявшагося за реформы.

XIII. Вотъ не стало и Жуковскаго! Онъ скончался вскорѣ послѣ Гоголя. Много пишутъ теперь о томъ и о другомъ, называя обоихъ великими: въ Москвѣ Гоголя, здѣсь Жуковскаго. Великими ихъ назвать не за что. Униженная, пишущая братія даетъ имъ это названіе, чтобы подразнить великихъ міра сего. Я выразилъ свои мысли о Гоголѣ въ письмѣ къ графу А. П. Толстому. Гоголь былъ геніальный художникъ, по творчеству выше Жуковскаго и даже Пушкина. Несчастіе его, что онъ явился въ эпоху неблагопріятную, выработался недостаточно и созрѣлъ ранѣе, нежели развился. Онъ навсегда удержитъ громкую извѣстность; но вліяніе его на литературу, вліяніе на образованіе народа, на жизнь, не только не равносильно его генію, но, пожалуй, вредно. Онъ хотѣлъ искупить вредъ, который могъ принести, «Отрывками изъ переписки съ друзьями», поставилъ себя въ ложное положеніе, зачахъ, заглохъ и умеръ. Иное дѣло Жуковскій. Поэтъ, Эолова арфа, онъ оглашалъ свои чувствованія, рѣдко не заимствованныя, постоянно почти не самостоятельныя. Съ творчествомъ второстепеннымъ, безъ знанія людей и практической стороны жизни, онъ чувствовалъ сильно, но не глубоко, искупая все благородствомъ, свѣтлыми небесными видѣніями, выражаясь съ тою прелестью и чистотою, которыя возможны только для живущаго въ идеальномъ созерцаніи. И для Жуковскаго было время ложнаго положенія: это, когда онъ сдѣлался воспитателемъ Цесаревича *). Поэтъ, предназначенный играть на

*) Воззрѣніе очень распространенное, не не точное: В. А. Жуковскій никогда не былъ воспитателемъ Александра Николаевича, а только инспекторомъ его классовъ. Воспитателемъ былъ человѣкъ добрый, но слащавый и весьма тѣснаго кругозора, К. К. Мер-

золотыхъ струнахъ благозвучныя пѣсни, руководитъ воспитаніемъ Наслѣдника, предназначеннаго для дѣйствій, въ которыхъ должна проявляться желѣзная воля, направленіемъ и настроеніемъ. Оставайся онъ Бардомъ у престола Русскаго, воспѣвая величіе, передавая намъ Шиллера и Байрона—и вліяніе его на воспитаніе націи въ преданности царскому дому, въ любви къ благородству, въ стремленіи къ истинѣ было бы сильнѣе и благотворнѣе. Переселенію его въ Германію мы обязаны тѣмъ, что свѣтлый потокъ опять обрѣлъ свое ложе, и поэтъ на старости лѣтъ своихъ подарилъ насъ прекрасными, лучшими дарами своей поэзіи. Изъ всѣхъ статей о Гоголѣ и Жуковскомъ мнѣ нравятся стихи графини Ростопчиной, помѣщенные въ 59 № «Московскихъ Вѣдомостей».

XIV. Пріятно Русскому сердцу, когда слышишь, какъ чествуютъ Государя въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Нашъ великій Государь—глава Европы въ полномъ смыслѣ слова. Съ 1830 года можно признать въ Исторіи «Вѣкъ Николая I-го». Отмѣна Польскаго учрежденія и покореніе Польши, а затѣмъ постоянное стремленіе къ учрежденію въ Европѣ чистаго монархическаго начала характеризуютъ и опредѣляютъ этотъ вѣкъ, ознаменованный упадкомъ парламентскихъ правительствъ. Долго-ли продолжится это направленіе? Дай Богъ, чтобы подолѣе: Европѣ нуженъ отдыхъ.

XV. Обѣдали мы у Данзаса, и много было толковъ обо всемъ и обо всѣхъ. Графъ Віельгорскій, между прочимъ, разсказывалъ о поэтѣ Державинѣ. Получивъ стихи перевода графа Віельгорскаго, маститый поэтъ издалъ ихъ, по разсѣянности, подъ своимъ именемъ. Графъ Віельгорскій похожъ на маркиза стараго Французскаго двора, очень словоохотливъ и много знаетъ.

XVI. Сидѣлъ у меня сенаторъ В. А. Обручевъ и много толковалъ о Польшѣ, изъ которой только что пріѣхалъ. Говорилъ о послѣдствіяхъ указа 2-го Апрѣля о высылкѣ Польской молодежи на службу, о томъ, какъ губернаторъ графъ Езерскій умѣлъ польстить Царю, представивъ 90 молодцовъ, добровольно вызвавшихся вступить на службу. Говорилъ онъ и вообще о нерасположеніи Поляковъ къ намъ. При этомъ онъ разсказалъ, что, желая улучшить свой маіоратъ, онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи сосѣднимъ панамъ. Паны отвѣчали: «Вла-

---

деръ, изъ дневника котораго видно, какъ рѣдко приходилось Жуковскому участвовать и въ самомъ обученіи Великаго Князя. Жуковскій былъ умнѣе, образованнѣе и безмѣрно даровитѣе всѣхъ окружавшихъ Наслѣдника Престола, и вліяніе имѣлъ лишь благодаря обаянію прекрасной души своей. Онъ предлагалъ руководителемъ воспитанія графа Каподистрію! П. Б.

димиръ Аѳанасьевичъ, позвольте посовѣтовать вамъ откровенно; не кладите капитала на имѣніе, съ которымъ Богъ знаетъ что можетъ случиться. Посмотрите на Европу! Какія превратности невѣроятны?» Если паны говорятъ такъ съ Русскимъ генераломъ, стало-быть вліяніе Русскихъ на Поляковъ слабо, и противодѣйствіе Польскому духу неосновательно.

XVII. Въ то время какъ я убиваюсь мыслью о дурномъ состояніи моей канцеляріи, составъ которой дѣйствительно очень плохъ и недостаточенъ, графъ Панинъ поручаетъ мнѣ (9-го Іюля, № 3227) объявить признательность за примѣрную дѣятельность канцеляріи! А у меня билеты воруетъ Баш—ій, бумаги растеряли Депрерадовичъ, Катакази и Розингъ; дѣла растрепали и потеряли Трузсонъ, Лихардовъ и Шахматовъ. Въ экспедиціяхъ связки бумагъ, которыхъ приложить некуда.

XVIII. Сегодня, 12-го Іюля, похоронили мы сенатора Павла Ивановича Севастьянова. Миръ праху твоему, добрый человѣкъ! Мы сошлись съ нимъ и любили другъ друга. Это былъ благодарный, сердобольный къ солдатамъ начальникъ, прямой слуга Царя и вѣрный пріятель. Послѣ него остались три дочери и два сына. Двѣ дочери въ институтѣ. Сыновья въ Пажескомъ корпусѣ.

XIX. Когда Дибичъ, какъ начальникъ Главнаго Штаба, находился при Государѣ, а князь Волконскій при Государынѣ, Дибичъ получилъ подробныя свѣдѣнія о заговорщикахъ; но положеніе Государя не позволяло говорить ему о столь важныхъ дѣлахъ. Дибичъ обратился къ князю Волконскому и требовалъ, чтобы онъ узналъ отъ Императрицы, кто наслѣдникъ престола. Императрица сказала, что, сколько ей извѣстно, особыхъ распоряженій нѣтъ и что наслѣдникомъ должно считать Константина. Тогда Дибичъ, опасаясь сумасбродной тревоги, призываетъ г.-адъютанта Чернышова и именемъ Его Величества приказываетъ ему немедленно отправиться въ Тульчинъ и арестовать Пестеля и др. По кончинѣ Императора, Дибичъ послалъ два рапорта въ Петербургъ и Варшаву, оба съ надписью: «Его Императорскому Величеству».

XX. Государь думаетъ объ отмѣнѣ вакантнаго времени. Замѣтя по вѣдомостямъ Сената накопленіе недоложенныхъ дѣлъ, онъ приказалъ министру сообразить, какъ это лучше устроить, не раздражая стариковъ. Графъ большой охотникъ до ограниченій и теперь обсуждаетъ этотъ вопросъ. Мнѣ кажется, это можно было бы сдѣлать такъ: 1) сенаторы, вновь назначенные, вакантомъ не пользуются въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ, 2) предоставляется пользоваться вакантомъ сенаторамъ, прослужившимъ болѣе трехъ лѣтъ, съ условіемъ, однако, чтобы

въ каждомъ департаментѣ оставалось не менѣе трехъ, 3) сенаторы, болѣе десяти лѣтъ присутствующіе, пользуются вакантомъ по очереди. Въ самомъ дѣлѣ, эти ваканты въ наше требовательное время противорѣчатъ значенію правительства и правосудію. Человѣкъ подъ судомъ, имѣніе въ тяжбѣ, а дѣло стой, потому что судьи набираются воздухомъ. Поразитъ это преобразованіе особенно Московскихъ сенаторовъ.

XXI. Сего 26 Августа кончилъ министерское поприще князь Чернышовъ, на которомъ онъ продержался 25 лѣтъ. Я не въ состояніи судить, въ какой мѣрѣ въ военномъ отношеніи заслужилъ Чернышовъ похвалы, высказанныя въ рескриптахъ. Довольно близко видѣлъ я хозяйственную часть военнаго министерства и могу сказать, что всѣ многочисленныя измѣненія, касающіяся этой части, клонились исключительно къ одному: скорости исполненія. Воровство дѣлопроизводителей, извороты и обманы поставщиковъ устранены весьма недостаточно, и выгоды казны ограждены немного болѣе выгодъ солдата, которыя нерѣдко совершенно предоставлены произволу. Впрочемъ, внѣшнее улучшеніе въ управленіи военнаго вѣдомства ощутительно и замѣтно болѣе, чѣмъ въ другихъ вѣдомствахъ. Къ чести князя Чернышова можно сказать, что онъ вывелъ многихъ въ люди, что онъ искренне преданъ Государю и что, имѣя полную возможность, никогда не былъ временщикомъ. Ни армія, ни Петербургъ, ни Великіе Князья его не любили; но онъ держался крѣпко и съ достоинствомъ. Рѣдкіе могутъ имѣть такое блестящее поприще; еще менѣе кто можетъ имъ такъ пользоваться.

XXII. Назначеніе графа Адлерберга министромъ двора и графа Перовскаго министромъ удѣловъ было давно ожидаемо. Не ожидали, что Д. Г. Бибиковъ былъ бы назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Бибиковъ человѣкъ умный, всегда отличавшійся порядкомъ и выразительностью мѣръ, принимаемыхъ для поддержанія порядка. Можетъ быть, онъ измѣнитъ систему, дѣйствовавшую при Перовскомъ. Перовскій человѣкъ весьма умный, образованный и дѣятельный; но онъ, кажется, не совсѣмъ правильно признавалъ все и всѣхъ (какъ-то начальниковъ губерній, даже сословія, особенно дворянское) за подчиненныхъ канцелярскихъ чиновниковъ и въ этомъ тонѣ обращался къ нимъ. Нѣкоторыя мѣры его, напримѣръ торговая полиція, городское хозяйство, заслуживаютъ полной признательности; но онѣ введены плохо и исполняются еще хуже. Очень рѣзки были вмѣшательства графа Перовскаго въ веденіе слѣдствій, въ судебное вѣдомство, напримѣръ по золотопромышленнымъ дѣламъ сестры его графини Толстой. Особенно рѣзки его мѣры противъ Евреевъ и раскольниковъ. Униженіе всякой мѣстной власти и дерзость въ сношеніяхъ со всѣми

тѣми, кто стоитъ ниже, заставляетъ забывать лучшія качества бывшаго министра. Графъ Перовскій министромъ съ 1841 года; онъ облѣнился и усталъ; онъ же не здоровъ.

XXIII. Тяготитъ меня положеніе моего департамента: разстроены сильно и личный составъ, и порядокъ. Во второй экспедиціи обнаружены разные безпорядки и растрачены дѣла. Я хотѣлъ объясниться съ министромъ по поводу этого о чиновникѣ Гауерѣ весьма способномъ, но поверхностномъ; вдругъ получаю приказъ о назначеніи Гауера, какъ достойнѣйшаго, оберъ-секретаремъ. Разъ четырнадцать, по крайней мѣрѣ, Виленская палата просила о присылкѣ дѣла и не получала отвѣта, а бумаги валялись безъ доклада. Когда я замѣтилъ секретарю Трузсону, что это важный безпорядокъ и предложилъ ему перейдти на службу въ провинцію, мальчикъ обидѣлся и отвѣчалъ мнѣ: „Я постараюсь освободить васъ отъ себя и самъ попрошу о назначеніи меня товарищемъ предсѣдателя!» Хороша подчиненность и хороша власть начальника. Министерство парализуетъ всякую власть непосредственныхъ начальниковъ, которымъ ужъ и такъ трудно рѣшаться на строгія мѣры, ибо въ настоящую минуту министерства хотятъ отличиться милосердіемъ. Писецъ Дубило, постоянно отсутствуя, предался пьянству; я уволилъ его безъ прошенія и представилъ для помѣщенія въ приказахъ. Дубило отъ имени Топильскаго просилъ, чтобъ его уволили по прошенію. Не смотря ни на какія замѣчанія съ моей стороны, я ничего не могъ сдѣлать, и пьяницу уволили по прошенію.

Октябрь. XXIV. Сегодня Государь вернулся изъ поѣздки предпринятой для обозрѣнія войскъ и состоянія южнаго края. Наградъ роздано много, но были и строгости. Государь очень хвалитъ Малороссію. За *смотръ* Лидерсъ получилъ Андрея; внучки графа Никитина назначены фрейлинами; Данненбергъ за 5-й корпусъ удостоился Александра. Вотъ и Лейхтенбергскій скончался сегодня, 20-го Октября въ ночь. Мало участія высказывается къ этому залетѣвшему орлу; немногіе понимали прекрасныя качества души его. Старикъ король Прусскій, можетъ быть, былъ правъ, порицая бракъ великой княжны съ этимъ выходцемъ. Миръ праху твоему, усопшій!

XXV. Обнародованы измѣненія пенсіоннаго устава. Эти измѣненія сводятся лишь къ уменьшенію пенсій въ суммахъ и срокахъ. Впечатлѣніе произвели эти измѣненія самое непріятное. За то легче будетъ казначейству. Странное дѣло! У насъ почти никакого обезпеченія прямой и вѣрной службы. Произволъ совершенный. Въ Государственномъ Совѣтѣ законодательною частію завѣдуетъ нашъ бывшій об.-прок. Норовъ, никогда законодательствомъ не занимавшійся.

XXVI. Генералъ В. А. Обручевъ разсказывалъ мнѣ интересные факты о Польской компаніи 1830 г. и о Хивинской экспедиціи 1839 г. Паскевичъ, по прибытіи въ Пултускъ, потребовалъ отъ начальника штаба отвѣтовъ на нѣкоторые важные вопросы о количествѣ, положеніи, способахъ арміи, сношеніи съ мятежниками и т. п. Вопросы эти подписаны фельдмаршаломъ и въ подлинникахъ находятся у Обручева. Отвѣты писалъ графъ Толь, переписывалъ Обручевъ. Дѣло въ томъ, что вопросы эти были ранѣе уже представлены Паскевичу, который забылъ объ этомъ. Толь, воспользовавшись этимъ и, на зло Паскевичу, противъ каждаго вопроснаго пункта написалъ: представлено, представлено и т. д. На вопросъ о партіяхъ въ Варшавѣ упомянуто о Лелевелѣ и князѣ Чарторижскомъ и сказано, что главнокомандующій Скрженецкій. О партіи Русской не сообщено точнаго ничего. Вообще всѣ отвѣты были неудовлетворительны, и поведеніе Толя, какъ можно заключить изъ разсказа, было вѣтреное, нетерпѣливое. Будучи окontуженъ въ руку, Паскевичъ слегъ въ постель, поручивъ осаду Варшавы Толю. По взятіи Варшавы, вытребовавъ къ себѣ штабъ, побѣдитель приказалъ дежурному генералу (Обручеву) отдать приказъ, что фельдмаршалъ выздоровѣлъ и вступаетъ въ должность. Приказъ тотчасъ былъ написанъ, подписанъ и напечатанъ. Конечно Паскевичу, не объявившему о своей болѣзни, не слѣдовало объявлять и о выздоровленіи и, такимъ образомъ, отдавать часть славы Толю, который дѣйствовалъ лишь по предписанію фельдмаршала. «Этого», прибавляетъ Владимиръ Аѳанасьевичъ, «Паскевичъ мнѣ не могъ простить!» Зачѣмъ же, впрочемъ, Обручевъ (дежурный генералъ) не доложилъ своихъ соображеній? Это однако дало Толю право изобразить на портретѣ своемъ взятіе Варшавы. На вопросъ Государя, спросившаго умышленно: «А что́ тамъ сзади за пожаръ?» Толь отвѣчалъ: „Это Варшава, Ваше Императорское Величество, въ ту минуту, какъ я взялъ ее.» Государь отворотился съ неудовольствіемъ.

Дѣло Хивинское—это собственноручное неправильное донесеніе В. А. Перовскаго о совершеніи экспедиціи. Любопытно то, что Перовскій чрезвычайно затруднялся объяснить: что́ мы будемъ дѣлать взявъ Хиву и, покоривъ ее, какъ прокормить армію и какъ возвратиться?

XXVII. Сегодня, 29-го Ноября, разсматривали мы на Консультаціи дѣло объ имѣніи и дѣтяхъ князя Петра Алексѣевича Голицына и жены его княгини Елисаветы, рожденной Злотницкой. Дѣти: князь Антонъ, женатый на графинѣ Моранжье, князь Августинъ, женатый на графинѣ де-ла-Рошъ-Эймо̀нъ, князь Петръ, женатый на Русской. Въ дѣлѣ участвовали и дочери: графиня Бертье и графиня Мощинская.

Дѣло заключается въ томъ что, князь Петръ Голицынъ, въ Мартѣ 1837 года, оставилъ Россію, продавъ Гжатское имѣніе свое (4 тыс. душъ и 17 тыс. десятинъ) шурину своему Злотницкому очевидно безденежно (что̀ подтверждается показаніями), для перевода стоимости его во Францію т.-е. въ видѣ fidei commissi. Тамъ князь Петръ купилъ замокъ, паркъ, землю Фретильи за 400 франковъ, уплаченныхъ 22-го Іюня 1838 г., и отель въ улицѣ Барбе въ Парижѣ за 150 тыс. франковъ. Здѣсь онъ женилъ старшаго сына и умеръ въ 1842 году. Между тѣмъ обстоятельства разстроились, земля Фретильи и домъ проданы, и семья осталась безъ средствъ и внѣ возможности удовлетворить требованія контрактовъ, по которымъ такъ много обѣщано и сыновьямъ, и зятьямъ, и дочерямъ, и невѣсткамъ. Тогда въ 1843 году князь Антонъ пріѣхалъ въ Россію и купилъ Гжатское имѣніе Столбово у Злотницкаго, совершилъ купчую на свое имя и вступилъ во владѣніе. Братъ Августинъ, зятья и сестры принесли жалобу, объясняя, что имѣніе не куплено, а возвращено по обязательствамъ, выданнымъ 1837 г., и что имѣніе должно принадлежать всему семейству. Это повело къ спору. Государь приказалъ разобраться посредничествомъ, а потомъ, по новому докладу, приказалъ разобрать дворянству, съѣхавшемуся на выборахъ въ Смоленскѣ. Дворяне, 345 противъ 22, рѣшили, что имѣніе должно быть признано родовымъ. На это княгиня Елисавета, князья Антонъ и Петръ принесли жалобу, прося передать дѣло министру юстиціи. По докладу П. Д. Илличевскаго приказано разобрать это дѣло, на правахъ Верховнаго Совѣстнаго Суда, первому общему собранію, изъ котораго, по разногласію сенаторовъ, дѣло перешло на Консультацію.

*

Вотъ прошелъ и 1852 годъ. Едва ли это не самый дѣятельный годъ реакціи, выразившейся въ возстановленіи Имперіи. Какъ бы то ни было, но спокойствіе Европы нѣкоторое время зависитъ отъ Наполеона; онъ это знаетъ и этого не скрываетъ. Онъ сказалъ: «Quand la France est satisfaite, le monde est tranquille!»*) Войны въ 1851 и 1852 году не было; но наградъ военнымъ роздано несмѣтное число, какъ на Западѣ такъ и у насъ, даже до пресыщенія.

*) Когда Франція удовлетворена, міръ спокоенъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ А. Н. ОСТРОВСКОМЪ *).

Кончина его и похороны.—Замѣтки о его дѣятельности и выписки изъ посмертныхъ бумагъ.

Утромъ, въ день кончины, одѣвшись при помощи своей супруги Маріи Васильевны, Александръ Николаевичъ твердою поступью и безъ поддержки перешелъ изъ спальни въ кабинетъ, не смотря на то, что при обуваніи ноги его сгибались какъ плети. Не слѣдуетъ-ли изъ этого, что обладая силой воли, онъ не падалъ духомъ и смѣло шелъ на встрѣчу смерти, гдѣ бы она ни накрыла его? Почувствовавъ приближающійся конецъ своей жизненной драмы, онъ не желалъ, чтобы горячо любимая имъ жена присутствовала при этомъ „послѣднемъ актѣ“, и настоялъ, чтобы она немедленно отправилась къ обѣднѣ по случаю праздника Св. Духа. По ея отъѣздѣ, Александръ Николаевичъ занялся чтеніемъ „Русской Мысли“ и, между прочимъ, разговаривалъ со старшею дочерью, Маріею Александровною; потомъ вдругъ сказалъ: „Мнѣ дурно.... воды....“

Не успѣла дочь выбѣжать изъ кабинета за водой, какъ Александръ Николаевичъ, желая по своему обыкновенію подняться и быть на ногахъ во время припадка, упалъ со стула и правою стороною лица ударился, вѣроятно, о край стола; ибо мы видѣли потомъ на выпуклыхъ частяхъ виска и щеки два подтека по одному, съ небольшимъ перерывомъ, направленію. На зовъ испуганной дочери сбѣжались всѣ бывшіе въ домѣ молодые люди, сыновья Александръ и Михаилъ Александровичи и студентъ Шанинъ; они посадили его въ кресло. Умирающій прохрипѣлъ раза три, всхлипывалъ нѣсколько секундъ и затихъ....

Такъ отошелъ въ вѣчность на 64-мъ году жизни нашъ знаменитый драматургъ 2 Іюня 1886 года, въ день Св. Духа. Родился онъ въ Москвѣ, 31 Марта 1823 года.

Дали знать, скрывая горькую дѣйствительность, въ церковь Св. Николая села Погоста-Бережки, гдѣ находилась Марья Васильевна. Несчастная въ безпамятствѣ прибыла домой и съ пронзительнымъ крикомъ упала безъ чувствъ на теплый трупъ усопшаго....

---

*) См. выше, стр. 491.

Въ № 159 „Русскихъ Вѣдомостей“ отъ 13 Іюня 1887 года профессоръ Остроумовъ, по своимъ неоднократнымъ наблюденіямъ Александра Николаевича, опредѣляетъ болѣзнь его такъ: „Хроническое пораженіе кровеносныхъ сосудовъ (атероматозное перерожденіе) и увеличеніе сердца. Въ связи съ этимъ онъ страдалъ уже нѣсколько лѣтъ припадками удушья (asthma cordiacum); особенно усилились эти припадки въ послѣднее время и вѣроятно были причиной его смерти“.

—

На одномъ со мною поѣздѣ ѣхали изъ Москвы И. И. Шанинъ, младшій сынъ покойнаго и родственники Марьи Васильевны, которые сопровождали *домовище* для усопшаго—изящной работы металическій гробъ и богатый, шитый золотомъ покровъ. На томъ же поѣздѣ, пересѣвъ въ Новкахъ съ Нижегородской на Шуйско-Ивановскую дорогу, изъ Петербурга по прямому сообщенію ѣхалъ братъ покойнаго министръ Государственныхъ имуществъ статсъ секретарь Островскій.

По пріѣздѣ въ Кинешму, 4 Іюня въ 11 часовъ утра, я закупилъ матеріалу для подушки подъ привезенный мною вѣнокъ, чего не успѣлъ сдѣлать въ Москвѣ, и въ наемномъ тарантасѣ, мы съ И. И. Шанинымъ, переправясь на паромѣ, выѣхали изъ Кинешмы въ Щелыково, находящееся на противоположной сторонѣ Волги, въ 20 верстахъ отъ берега. Знакомая уже намъ, испорченная дождями, грунтовая дорога казалась невыносимою, не смотря на то, что, благодаря проѣзду г. министра, болѣе или менѣе постарались ее облагообразить. Воображаю, какую муку испытывалъ на ней нашъ многострадальный больной Александръ Николаевичъ!... Наконецъ, мы миновали безконечные дремучіе лѣса, которые вплоть до Щелыкова, за рѣдкимъ исключеніемъ, гдѣ проглянетъ поляна или деревушка, окаймляютъ дорогу. Вотъ, влѣво отъ дороги, по которой мы подымались вверхъ, выглянула изъ-за деревьевъ дорогая намъ усадьба съ жилыми и хозяйственными постройками. Она гнѣздится на площади высокаго холма, господствующаго надъ утопающимъ подъ нимъ, на его же скатѣ, обширнымъ садомъ, верхняя часть котораго, передъ террасой и вообще съ лицевой стороны дома, испещрена небольшими цвѣтниками и газонами; есть и бесѣдки, закутанныя въ зелень. Внизу у подножья холма протекаетъ рѣка Сендича, впадающая въ Меру или Меричку; а эта послѣдняя въ свою очередь впадаетъ въ Волгу. За садомъ тонетъ лѣсъ. Куда ни глянешь, прелестныя панорамы!... Кабинетъ, въ которомъ скончался нашъ знаменитый драматургъ, выходилъ окнами на эту картинную мѣстность....

„Гдѣ столъ былъ яствъ—тамъ гробъ стоитъ“... Въ столовой, самой обширной изъ комнатъ большаго деревенскаго дома, гдѣ когда-то мы благодушно проводили время, лежалъ усопшій во временномъ тесовомъ гробу, тщательно укрытый полотнянымъ саваномъ и засыпанный живыми цвѣтами. Благодаря наглухо закрытымъ окнамъ, отчего воздухъ не могъ проникнуть въ комнату, а также подложенному подъ столомъ льду, прахъ сохранился безъ малѣйшаго разложенія и запаха, не смотря на то, что шли

уже третьи сутки. Въ сторонѣ, на почтенномъ разстояніи, влѣво отъ изголовья, облаченный въ стихарь псаломщикъ уныло читалъ Псалтирь. По разсказу покойнаго, я узналъ въ немъ Ивана Ивановича, руководителя рыболовствомъ на рѣкѣ Меричкѣ. Я поинтересовался взглянуть на лицо покойнаго и осторожно развернулъ саванъ. Лицо показалось мнѣ нѣсколько полнѣе, свѣжѣе и, понятно, спокойнѣе, нежели въ послѣдніе дни его страданій. Легкая, торжествующая улыбка на устахъ какъ бы подтверждала такъ еще недавно сказанное имъ: „Нѣтъ, лучше смерть, чѣмъ такая жизнь“. Я напечатлѣлъ послѣдній поцѣлуй на открытомъ холодномъ челѣ...

На отслуженной около 6 часовъ вечера мѣстнымъ духовенствомъ панихидѣ присутствовали всѣ родные, близкіе и знакомые, бывшіе на лицо, за исключеніемъ убитой горемъ супруги покойнаго. Послѣ панихиды мы, бывшіе на панихидѣ мущины, переложили покойника изъ тесоваго въ металическій гробъ. Тутъ случилось небольшое недоразумѣніе, тотчасъ, однако, устраненное: гробъ оказался нѣсколько короче тѣла, такъ что пришлось выбросить изъ-подъ тафтяной настилки часть стружекъ, и тѣло уложено было какъ слѣдуетъ. Къ выносу въ церковь ввели Марью Васильевну *проститься* съ дорогимъ прахомъ. Для тѣхъ, кто зналъ ее близко, осунувшаяся, да еще въ траурѣ, она была неузнаваема. На ней, что́ говорится, лица не было; за короткое время она успѣла посѣдѣть и, видимо, ничего не сознавала. Всхлипывая чуть слышно, она взяла руку усопшаго, потрясла ее и, впавъ въ сильный обморокъ, повалилась. Но ее успѣли подхватить и вынести въ безчувственномъ состояніи.

При разгулявшейся погодѣ, выносъ тѣла въ церковь Св. Николая что̀ въ селѣ Бережкахъ, почти въ двухъ верстахъ отъ Щелыкова, происходилъ слѣдующимъ порядкомъ: впереди несли образа и крестъ съ изображеннымъ на немъ Распятіемъ; потомъ шли пѣвчіе и духовенство; за ними, съ металическимъ вѣнкомъ съ фарфоровыми цвѣтами и надписью на лентахъ: „Незабвенному Александру Николаевичу Островскому отъ друзей-дворянъ Кинешемскаго уѣзда“, слѣдовалъ предводитель дворянства П. Ѳ. Хомутовъ и съ серебрянымъ вызолоченнымъ, въ видѣ лавровыхъ вѣтвей, вѣнкомъ отъ Общества Русскихъ драматическихъ писателей шелъ я; а за мною родные и знакомые покойнаго, также и мѣстные крестьяне чередуясь несли подъ роскошнымъ покровомъ открытый гробъ, въ сопровожденіи родныхъ и знакомыхъ, частью пѣшихъ, частью въ экипажахъ, и огромной толпы крестьянъ обоего пола.

Снятое со льда и обвѣтренное воздухомъ тѣло начало быстро разлагаться въ церкви, такъ что послѣ службы по приказанію Михаила Николаевича гробъ былъ захрытъ.

На другой день, 5 Іюня, погода была ясная, играло на небѣ солнышко; обѣдня началась въ 12 часу, такъ какъ ожидали прибытія родныхъ и знакомыхъ, желавшихъ личнымъ присутствіемъ на похоронахъ почтить память усопшаго. Между прочимъ, прибыли изъ Москвы: Марья Н—вна и П. Н—чъ Островскіе (сестра и братъ покойнаго отъ втораго брака его

отца) и А. А. Майковъ, возложившій на гробъ роскошный вѣнокъ отъ управленія Императорскихъ Московскихъ театровъ; изъ Костромы—представитель мѣстнаго губернатора г. Арцимовичъ, Костромской губернскій предводитель дворянства А. И. Шиповъ, управляющій государственными имуществами Костромской и Ярославской губерній г. Герке и представители Костромскаго окружнаго суда; изъ Иванова-Вознесенска управляющій мѣстнымъ отдѣленіемъ государственнаго банка Д. П. Яковлевъ; изъ Кинешмы мировые судьи (въ числѣ которыхъ состоялъ нѣкогда три трехлѣтія почетнымъ судьею и покойный Александръ Николаевичъ) и многіе другіе, а также кореспонденты газетъ.

Вѣнки отъ драматическихъ писателей, отъ друзей-дворянъ Кинешемскаго уѣзда и отъ чиновъ судебнаго вѣдомства и Костромскаго окружнаго суда, возложенный судебнымъ слѣдователемъ г. Беркштамомъ, лежали на покрытомъ чернымъ бархатомъ табуретѣ, стоявшемъ у подножія гроба. Послѣ погребенія еще были доставлены вѣнки металическіе съ фарфоровыми цвѣтами отъ Кинешемскаго съѣзда мировыхъ судей и отъ артистовъ Императорской Московской оперной труппы, присланный почтеннымъ представителемъ ея, главнымъ режиссеромъ А. И. Барцаломъ, сдѣлавшимъ свой заказъ въ Москвѣ чрезъ телеграмму изъ Остзейскаго края, гдѣ въ то время находился самъ г. Барцалъ. Литургію и панихиду совершали: Кинешемскій соборный протоіерей о. А. Горлицкій, протоіерей села Вепри, находящагося по желѣзной дорогѣ подъ Кинешмой, о. В. Горицкій и мѣстный священникъ о. А. Херсонскій. Хоръ пѣвчихъ былъ изъ Кинешемскаго собора. Во время запричастнаго стиха протоіерей А. Горицкій произнесъ приличное случаю слово на тему: „Сначала смерть, а потомъ судъ“.... Послѣ отпѣванія, сопровождаемый плачемъ и рыданіемъ родныхъ и близкихъ, гробъ вынесенъ былъ въ церковную ограду вслѣдъ за ассистентами, несшими вѣнки, впереди которыхъ шли пѣвчіе и духовенство. Саженяхъ въ восьми влѣво отъ алтаря, если стать къ нему лицемъ, на площадкѣ, обнесенной чугунною рѣшеткою, рядомъ съ могилою отца покойнаго Николая Ѳедоровича, приготовленъ былъ выложенный изъ кирпича склепъ. Гробъ поставили на лежавшіе поперекъ ямы подмостки; духовенство отслужило литію, и при звонѣ колоколовъ гробъ съ вѣнкомъ на немъ отъ управленія Императорскихъ Московскихъ театровъ опустили въ склепъ. Затѣмъ, бросивъ горсть земли, духовенство удалилось. Еще могила оставалась открытою, когда по мановенію чьей-то руки звонъ на колокольнѣ смолкъ, и я сказалъ рѣчь *).

Послѣ моей рѣчи, среди глубокой тишины, при зарываніи могилы зашумѣли земля и заступы; притаенныя до сихъ поръ рыданія, безмолвный плачъ и всхлипываніе снова вырвались наружу. Окружавшіе свѣжую

*) Она напечатана въ № 157, отъ 10 Іюня 1886-го года, газеты „Новости“, гдѣ сказано, что рѣчь эта прервана была кратковременнымъ обморокомъ г. Кропачева, который затѣмъ очнувшись докончилъ ее. П. Б.

могилу долго еще стояли надъ нею молча и задумчиво, съ обнаженными и поникшими головами. Могилу забросали живыми садовыми и полевыми цвѣтами и на время водрузили на ней деревянный крестъ съ надписью: „Александръ Николаевичъ Островскій“.

Рѣчь моя была составлена наскоро и потому только, что никто не привезъ съ собою рѣчи; да не мнѣ бы и говорить-то было рѣчь.

Смерть застала Александра Николаевича въ такое время, когда, по окончаніи спектаклей, лучшіе артисты всѣхъ труппъ, пользуясь вакаціями, разъѣхались въ разные концы Имперіи: кто лѣчиться въ Крымъ (покойный М. А. Рѣшимовъ) или на Кавказъ (В. А. Макшеевъ), кто на гастроли (Ѳ. П. Горевъ). Также лучшая половина драматической труппы уѣхала, по приглашенію мѣстнаго генералъ-губернатора, въ Варшаву. Въ гастролировавшей въ Варшавѣ труппѣ находились: Н. А. Никулина, Г. Н. Ѳедотова, Н. В. Рыкалова, Е. Н. Самойлова, С. В. Яблочкина, Н. И. Музиль, М. П. Садовскій, А. М. Кондратьевъ (помощникъ режиссера), О. А. Правдинъ, К. Н. Рыбаковъ, И. Н. Грековъ и другіе. Остальные артистки и артисты разъѣхались по дачамъ, а въ общемъ всѣ ожидали, что прахъ покойнаго прибудетъ въ Москву. Изъ нихъ мы назовемъ М. Н. Ермолову, Н. М. Медвѣдеву, С. П. Акимову, А. П. Ленскаго, Н. А. Вильде, С. А. Черневскаго (режиссеръ) и др. Мы потому исключительно указываемъ на драматическую труппу, что она ближе другихъ была къ сердцу Александра Николаевича.

Говорить нечего, что по поводу кончины Александра Николаевича вдовою его было получено множество телеграммъ съ выраженіемъ соболѣзнованія отъ разныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій.

По распоряженію управляющаго Императорскими Московскими театрами А. А. Майкова, въ дни погребенія и девятый по кончинѣ Александра Николаевича, въ домовой церкви Театральнаго Училища были отслужены панихиды, на которыхъ присутствовали всѣ находившіяся въ отпуску въ предѣлахъ Москвы и ея окрестностяхъ воспитанницы, числомъ 17. Ихъ собралъ пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ покойнаго, исправлявшій по его назначенію должность инспектора Училища, дѣловитый чиновникъ Театральной Конторы И. С. Розовъ (невѣдомо почему оставленный въ послѣдствіи за штатомъ). Изъ свѣтилъ драматической труппы также присутствовала на панихидѣ Марья Николаевна Ермолова. Говорятъ, она горько оплакивала пользовавшагося симпатіями и глубокимъ уваженіемъ истинныхъ дѣльцовъ сцены знаменитаго драматурга. Тѣ изъ воспитанницъ, которыя понимали значеніе ихъ новаго начальника для школы, тоже горько оплакивали его. Онѣ не иначе его называли, какъ „добрымъ“ за простое, ласковое, отеческое обхожденіе съ ними.

Теперь заглянемъ, въ посмертныя записки Александра Николаевича касающіяся театровъ.

„Такъ какъ своимъ недавнимъ процвѣтаніемъ Императорскій Московскій театръ обязанъ былъ преимущественно своему Училищу, ибо строй-

ный ансамбль, живость и изящество исполненія только и возможны были при той богатой сценической техникѣ, которой обладаютъ бывшіе ученики Театральнаго Училища", то Александръ Николаевичъ хотѣлъ возобновить уничтоженные въ послѣдствіи, „по экономическимъ соображеніямъ", драматическіе классы, послѣ которыхъ оставленъ былъ обязательнымъ только танцовальный классъ, и Училище было приспособлено спеціально для балета. „Неудобство этой мѣры, — писалъ Александръ Николаевичъ въ своей запискѣ,—оказалось скоро. Когда открылась надобность пополнить драматическую труппу молодыми силами, то, за неимѣніемъ артистовъ обладающихъ сценической дѣятельностью и подготовленныхъ правильнымъ обученіемъ, пришлось довольствоваться неловкими и неумѣлыми, но имѣющими уже нѣкоторую извѣстность актерами съ провинціальныхъ, клубныхъ или любительскихъ сценъ, сразу требовавшими maximum вознагражденія по тѣмъ или другимъ амплуа, на которыя ихъ принимали и на которыя они считали себя уже готовыми артистами, завершившими свое сценическое образованіе. Изъ этого, конечно, слѣдуетъ, что экономическія соображенія не оправдались и, за неимѣніемъ запаса артистовъ, дирекція вынуждена была принимать тяжелыя условія актеровъ частныхъ сценъ и платить имъ очень большое жалованье; тогда какъ прежде талантливые и хорошо подготовленные ученики Училища обязаны были, за даровое обученіе, служить на жалованьѣ, обыкновенно, очень небольшомъ. Такимъ образомъ *неумѣлые* и *мало полезные* театру актеры обходятся теперь дирекціи во много разъ дороже, чѣмъ обходились прежніе *талантливые* и *отлично подготовленные* артисты. Прежде изъ Училища выпускали учениковъ, всѣхъ одинаково, на самый низшій окладъ, и это была очень умная мѣра. Училище не поставляло готовыхъ, дорогихъ актеровъ; оно выпускало изъ своихъ стѣнъ только *талантливыхъ* учениковъ, *вполнѣ подготовленныхъ* къ сценѣ, которыми вся техника сценическаго искусства была усвоена въ совершествѣ; актерами эти ученики дѣлались уже на сценѣ. Они, наперерывъ другъ передъ другомъ, старались постоянно совершенствоваться. Къ этому побуждало ихъ желаніе выбиться поскорѣе изъ необезпеченнаго и приниженнаго положенія артистовъ послѣдняго разряда, получать постоянно прибавки къ жалованью и занять соотвѣтствующее ихъ способностямъ видное мѣсто между извѣстными уже артистами труппы. Такимъ образомъ на Московской сценѣ былъ постоянный прогрессъ исполненія пьесъ, происходилъ ростъ талантовъ. Эстетическое наслажденіе, доставляемое сценой не ослабѣвало, а усиливалось. *Молодые талантливые школьники*, выпущенные на 300 р. жалованья, выростали на глазахъ публики въ *великихъ артистовъ*. Публика привязывалась къ нимъ, гордилась ими и горячо имъ сочувствовала. Слѣдя все съ бо́льшимъ наслажденіемъ за возрастающими успѣхами своихъ актеровъ, публика связывалась и съ театромъ узами прочной симпатіи. Актеры, вступившіе съ воли, ни интересовать, ни привлекать публику въ такой степени не могутъ. Они сначала производятъ даже своей неловкостью и однообразіемъ непріятное

дѣйствіе. Прогресса, за всѣми малыми исключеніями, въ ихъ исполненіи нѣтъ. Въ послѣдствіи публика привыкаетъ къ нимъ и только,—сочувствія они не вызываютъ. *Равнодушіе къ актерамъ порождаетъ равнодушіе и къ театру*".

Вотъ главные мотивы, которые побудили компетентнаго въ театральномъ дѣлѣ Александра Николаевича серьозно заняться преобразованіемъ Училища. „Драматическіе классы должны служить для развитія въ ученикахъ техники сценическаго искусства. Техническая подготовка артиста состоитъ во всестороннемъ развитіи жеста и произношенія. А такъ какъ произношеніе и жестъ, прежде всего, должны быть правильными, потомъ выразительными и, наконецъ, естественными, правдивыми для даннаго лица (характерными), то и требованіе, само собою, распадается на три курса". Перечислять здѣсь преподаваніе предметовъ по курсамъ я считаю излишнимъ. Довольно сказать, что въ драматическіе классы, по проэкту Александра Николаевича, должны были приниматься ученики, экстерны, обоего пола, имѣющіе достаточное общее образованіе, въ возрастѣ отъ 14 до 20 лѣтъ. Обученіе безплатное. Успѣшно окончившимъ курсъ предоставлялось званіе свободнаго художника. Зачисленные изъ нихъ, по распоряженію дирекціи, въ драматическую труппу Императорскихъ театровъ обязывались за даровое обученіе прослужить *пять лѣтъ* безъ контракта, съ жалованьемъ по усмотрѣнію начальства.

Независимо отъ учрежденія драматическаго отдѣленія, при Училищѣ должны были сохраниться нынѣ существующіе классы, подъ названіемъ *приготовительнаго отдѣленія*, какъ балетная школа, необходимая Императорскимъ театрамъ: 1) для пополненія балетной труппы; 2) на удовлетвореніе потребности въ малолѣтнихъ исполнителяхъ для сценъ балетной, оперной и частію драматической; 3) для болѣе солидной подготовки учениковъ для драматическихъ классовъ, такъ какъ изъ числа воспитанницъ, живущихъ въ школѣ съ малолѣтства, предполагалось дѣлать выборъ для классовъ драматическихъ. „Воспитанницы, прошедшія балетную школу и уже освоившіяся со сценою, гораздо способнѣе принимаемыхъ съ воли. Почти всѣ наши лучшія актрисы, бывшія и настоящія, вышли изъ балета".

Теперь объ оперѣ. Александръ Николаевичъ замѣтилъ, что *равнодушіе публики къ оперѣ происходило отъ однообразія репертуара и отъ состава персонала*; поэтому и средній сборъ съ оперныхъ спектаклей былъ не высокъ. Новое управленіе (А. А. Майковъ и А. Н. Островскій), вступивъ въ завѣдываніе театрами среди сезона, было стѣснено въ своихъ дѣйствіяхъ. А начинать постановку новыхъ оперъ съ лучшимъ подборомъ исполнителей къ концу сезона было неудобно и невыгодно.

Вообще же Александръ Николаевичъ задался цѣлью поднять оперу, постепенно обновлять составъ исполнителей и ненужныхъ, непріятныхъ для зрителей и спавшихъ съ голоса артистовъ замѣнять свѣжими, молодыми силами.

„Дознано опытомъ,—писалъ онъ,—что молодые таланты очень вы-

годны для театра: ничто такъ прочно не связываетъ публику съ театромъ, ничто не вызываетъ теплыхъ симпатій ея, какъ молодые таланты, которые на глазахъ зрителей развиваются, дѣлаютъ успѣхи и становятся первоклассными. Кромѣ того, молодые артисты охотно идутъ на небольшое жалованье, такъ какъ Императорскій театръ есть для нихъ продолженіе школы. Изъ Консерваторіи они поступаютъ только пѣвцами, а артистами дѣлаются уже въ театрѣ. Принятіе молодыхъ талантовъ для театра вдвойнѣ выгодно: въ одно время и завоевываются симпатіи публики, и хорошими *дешевыми* артистами замѣняются *дорогіе плохіе*. Императорскій театръ, уже по самому своему титулу, имѣетъ благодѣтельное значеніе и потому охотно открываетъ свои двери молодымъ талантамъ, чтобы дать возможность усовершенствоваться и спасти ихъ отъ гибели на провинціальныхъ сценахъ, гдѣ они, не имѣя руководителей и ради барышей антрепренера, безъ отдыха и надлежащей подготовки исполняя, одну за другою, разныя подходящія и неподходящія партіи, рано разбиваютъ свой голосъ и теряютъ правильную манеру пѣнія".

Новое управленіе (А. А. Майковъ и А. Н. Островскій), нынѣ упраздненное, нашло, что по Императорскимъ Московскимъ театрамъ, во многихъ случаяхъ, непроизводительно затрачивались деньги. Такъ, съ своей стороны, Александръ Николаевичъ, обративъ вниманіе на оркестръ Большаго театра, нашелъ возможнымъ сократить расходъ по оркестру, на первыхъ порахъ, до 7,200 р.; конечно, въ данномъ случаѣ, ему много содѣйствовалъ г. Альтанъ (по театральному псевдо-итальянизированный Альтани). Но, съ уменьшеніемъ расхода, оркестровый персоналъ оставался неприкосновеннымъ въ своемъ составѣ.

Упавшій въ послѣднее время *балетъ* особенно озабочивалъ Александра Николаевича, тѣмъ болѣе, что, при ничтожныхъ сборахъ, содержаніе одного режиссерскаго управленія (два лица) обходилось Императорской казнѣ ежегодно до 8,000 р. безъ бенефисовъ! Александръ Николаевичъ *во что бы ни стало* хотѣлъ поднять балетъ, надѣясь возвратить ему прежнюю славу, и придумывалъ средства какъ сдѣлать это. Между прочимъ, однимъ изъ главныхъ мотивовъ для поднятія балета должны были служить *фееріи*, не говоря уже о классическихъ танцахъ. Слѣдовательно, лица, распускавшія еще при жизни его сенсаціонныйслухъ, что онъ рѣшилъ уничтожить балетъ, суть его *недоброжелатели*. Истину сказаннаго я подтверждаю его же объяснительной къ проэкту преобразованія Училища запиской, въ которой, между прочимъ, говорится, что нынѣ существующіе классы должны сохраниться подъ названіемъ „*приготовительнаго отдѣленія, какъ балетная школа, необходимая Императорскимъ театрамъ, для пополненія балетной труппой*" и проч. Если было намѣреніе уничтожить балетъ, на что тогда упоминать въ запискѣ о *балетной школѣ* и о *балетной труппѣ*?

Драматической труппой и ея режиссерскимъ управленіемъ „опытнымъ и энергическимъ" (его выраженіе), Александръ Николаевичъ всегда былъ доволенъ. Тамъ, если и была интрига, но такъ рѣзко не била въ глаза

и никогда не доходила она до ябедъ, въ видѣ анонимныхъ писемъ на режиссерское управленіе и на сослуживцевъ, что̀ *безцѣльно* практиковалось въ другихъ труппахъ. Будучи противникомъ интриги, Александръ Николаевичъ всякое письмо безъ подписи предавалъ сожженію въ каминѣ; поэтому ябеды не достигали *цѣли*. Выбрасывались также меморіи рекламировавшихся артистовъ, или ихъ *обожателей*, такого, напримѣръ, содержанія, которое списываю съ сохранившагося у меня подлинника: „Пріѣзжая публика (?) всепокорнѣйше проситъ поставить въ Б. театрѣ, на той недѣлѣ, „Фауста“, до Воскресенья, съ участіемъ г-жи *** и г-на ***, чѣмъ много обяжутъ публику, такъ какъ приходится бывать въ Москвѣ очень рѣдко для слышанія знаменитости (?)“. Подписано: „Публика“. И откуда сразу набиралось столько *пріѣзжихъ*, чтобы они могли назваться *публикой?* Ничего подобнаго по драматической труппѣ не случалось, хотя въ средѣ ея есть дѣйствительно выдающіеся крупные таланты. Эту послѣднюю Александръ Николаевичъ желалъ расширить и обезпечить службу и матеріальное положеніе артистовъ, чего въ первый годъ своего завѣдыванія труппою онъ не могъ исполнить, не рискуя выдти изъ бюджета. Раздѣливъ артистовъ на разряды, согласно съ ихъ талантомъ и личными заслугами, онъ задумывалъ установить maximum и minimum, т.-е. предѣлъ постояннаго вознагражденія вообще, а служба предполагалась быть безконтрактною, коронною или государственною. Увеличеніе труппы вызывалось необходимостью устроить способныхъ дублёровъ къ артистамъ, исполняющимъ главныя и вообще отвѣтственныя роли. Въ экстренныхъ случаяхъ, напр. по внезапной болѣзни послѣднихъ, дублёры обязаны замѣнять ихъ, дабы отмѣной спектакля въ день исполненія и въ послѣдующіе дни не ломать разъ намѣченнаго репертуара и тѣмъ не портить театральные сборы.

Такъ какъ при двухъ лицахъ режиссерскаго персонала (режиссеръ и его помощникъ) некому было исполнять должность режиссера-сценаріуса, а это недостатокъ весьма важный и много вредящій ходу представленій: то Александръ Николаевичъ проэктировалъ учредить должность втораго режиссера, но только не подобно тому, какъ въ оперѣ и балетѣ со степенями главнаго и просто режиссера, а на равныхъ правахъ, потому что строгаго разграниченія обязанностей между ними нѣтъ: и режиссеру приходится исполнять должность помощника, и помощнику—должность режиссера. Должность сценаріуса полагалось возложить или на одного изъ режиссеровъ, или на обоихъ поочередно (это показалъ бы опытъ). Въ помощь режиссерамъ предполагалось назначить двухъ помощниковъ; впрочемъ, въ пьесахъ сложныхъ для исправленія должности одного изъ нихъ намѣчалось приглашать кого-нибудь изъ болѣе опытныхъ и расторопныхъ выходныхъ актеровъ, за небольшую поспектакельную плату.

Для той же цѣли, для которой основанъ въ Петербургѣ театрально-литературный комитетъ, Александръ Николаевичъ добивался учредить особый для Московскихъ Императорскихъ сценъ репертуарный совѣтъ и опер-

ный комитетъ. Въ совѣтъ, по его приглашенію, изъявили согласіе вступить профессора Московскаго университета Н. С. Тихонравовъ и Н. И. Стороженко, хранитель Оружейной Палаты и извѣстный знатокъ старинаго Русскаго быта Н. А. Чаевъ, извѣстный переводчикъ Шекспира и Испанскихъ классиковъ Лопе-де-Вега и Кальдерона С. А. Юрьевъ и театральный рецензентъ „Моск. Вѣдомостей“ С. В. Флеровъ. Оперный комитетъ ограничивался составомъ изъ двухъ членовъ совмѣстно съ главнымъ режиссеромъ оперной труппы, капельмейстеромъ и хормейстеромъ.

Къ несчастію, благимъ цѣлямъ и стремленіямъ Александра Николаевича служить на пользу роднаго искусства не суждено было осуществиться...

Государь Императоръ Высочайше соизволилъ пожаловать изъ суммъ Своего Кабинета вдовѣ покойнаго драматурга на погребеніе его тѣла 3,000 р. Кромѣ того, по Высочайшему повелѣнію, назначена вдовѣ нераздѣльно съ дочерьми Маріею и Любовію Александровнами пенсія—3,000 р. и, на воспитаніе сыновей покойнаго, Михаила и Сергѣя Александровичей по 600 р., малолѣтнаго Николая—1,200 р. и дочери Любови Александровны—600 р.

Н. А. Кропачевъ.

Москва, Мартъ 1888 г.

*

Въ № 4316 газеты „Новое Время“, 4-го Марта текущаго года, въ отдѣлѣ „Среди газетъ и журналовъ“, между прочимъ, говорится, что въ Мартовской книжкѣ „Русскаго Архива“ помѣщенъ мой разсказъ о послѣднихъ дняхъ жизни А. Н. Островскаго, причемъ авторъ замѣтки, приводя мѣсто изъ моихъ воспоминаній, заключаетъ ее слѣдующими словами:

„Такимъ образомъ, смерть его (Александра Николаевича) не была неожиданностью для лицъ, близко стоявшихъ къ нему; а медики, пользовавшіе его, прямо считали его часы сочтенными. Напрасно тогда эти лица не посовѣтовали покойному А. Н. бросить театральныя дѣла, которыя, какъ они знали отлично, подрывали (вслѣдствіе разныхъ непріятностей) и безъ того плохое здоровье драматурга“.

Упрекъ хотя и основательный, но онъ разбивается самимъ же Александромъ Николаевичемъ. Еще 29 Августа 1885 года, сообщая мнѣ о предстоящемъ занятіи имъ должности начальника художественной части при Московскихъ театрахъ и называя это *счастьемъ*, онъ закончилъ письмо свое изъ Щелыкова такъ: „Ко мнѣ оно (счастье) приходитъ только подъ конецъ моей трудовой жизни, и я его жду терпѣливо“.

Изъ этого можно видѣть, какъ душевно онъ былъ преданъ принятому на себя дѣлу, если называлъ его *счастьемъ*. Едва ли нашелся бы такой мудрый и доброжелательный въ интересахъ его личнаго здоровья совѣт-

чикъ, который могъ бы отговорить энергичнаго и сильнаго волей Александра Николаевича *отказаться отъ счастья*. Мнѣ извѣстно, что приглашенный мною съ согласія Александра Николаевича артистъ М. И. М—ъ, для занятій въ его рабочемъ кабинетѣ при Театральномъ Училищѣ, хотя и не могъ назваться близко стоявшимъ къ покойному великому драматургу, имѣлъ, конечно, при случаѣ возможность высказывать ему откровенно свои мысли. Какъ-то разъ, послѣ бесѣды съ бывшимъ балетнымъ режиссеромъ А. Ѳ. Смирновымъ, котораго Александръ Николаевичъ вызывалъ для необходимыхъ объясненій балетнаго дѣла, послѣдній съ своею завѣтной улыбкою обратился къ г. М—ну:

— Вотъ тутъ и разбирай, какъ знаешь...

— Вы, Александръ Николаевичъ, ужъ очень глубоко спускаетесь въ эту пропасть; въ ней такъ душно и мрачно, что позволитъ-ли ваше здоровье такъ усердно изучать ее? возразилъ г. М—ъ.

— Что жъ дѣлать, надо! сказалъ Александръ Николаевичъ и по обыкновенію опять углубился въ разсматриваніе безконечныхъ просьбъ и заявленій.

Изъ одного этого можно уже заключить, что если лица не особенно близкія къ покойному Александру Николаевичу позволяли себѣ намекать ему о неблагопріятномъ вліяніи запутанныхъ театральныхъ дѣлъ на его здоровье, то, во всякомъ случаѣ, болѣе близкія безъ сомнѣнія говорили ему тоже самое. Дѣлать дѣло спустя рукава и какъ-нибудь было не въ характерѣ покойнаго Александра Николаевича. Самъ онъ сознавалъ всю трудность принятаго имъ возстановленія Императорскихъ Московскихъ театровъ и нерѣдко высказывалъ это. Сознательно жертвуя своимъ здоровьемъ, онъ стремился поставить названные театры на принадлежащую имъ по праву степень порядка и славы; ибо, по его словамъ „порядокъ не роскошь, дорого стоющая; напротивъ онъ очень дешевъ, и Императорскій театръ, въ силу своего высокаго титула, воспитательнаго значенія и огромныхъ затратъ, долженъ быть учрежденіемъ образцовымъ, т.-е. такимъ, въ которомъ прежде всего обязателенъ порядокъ". И Александръ Николаевичъ такъ безстрашно предался благородной мысли оправдать, при энергичномъ содѣйствіи А. А. Майкова, возложенное свыше на нихъ обоихъ довѣріе, что не пропускалъ ни малѣйшаго случая или явленія въ жизни театра, чтобы не принять въ немъ самаго горячаго участія, даже и тогда, когда явленія эти не входили въ кругъ его прямыхъ обязанностей. Такъ, напр., однажды въ Маломъ театрѣ во время спектакля, Александръ Николаевичъ находился между аристами въ такъ называемой курильной комнатѣ, гдѣ возникъ разговоръ о какихъ-то деньгахъ, невыданныхъ будто бы портнымъ прежнимъ управленіемъ за неурочныя работы по ночамъ. Александръ Николаевичъ тотчасъ приказалъ позвать 7 человѣкъ портныхъ и портнихъ, которыя и объяснили ему подробно все дѣло. Онъ приказалъ имъ составить бумагу и вскорѣ препроводилъ ее къ А. А. Майкову. Вѣроятно, изъ желанія развлечь Александра Николаевича во время его объясненій съ

портными, одинъ изъ артистовъ сказалъ по адресу конторы очень незавидный эпитетъ изъ „Воеводы“ (ибо въ тотъ вечеръ какъ разъ давалась эта пьеса). Въ тоже время ставили для бенефиса М. Н. Ермоловой Шиллеровскую трагедію „Марія Стюартъ“ и, вслѣдъ за портными, пришелъ къ Александру Николаевичу начальникъ бутафорскаго склада г. Т., еще неопытный молодой человѣкъ, и представилъ ему „благонадежнаго“, обтершагося между *опытными*, подрядчика, для постройки кресла для трона королевы Елисаветы. Подрядчикъ объявилъ цѣну 150 р. Александръ Николаевичъ отклонилъ благонадежнаго подрядчика и по уходѣ его сказалъ:

— Мой подрядчикъ сдѣлаетъ это за 15 рублей.

Съ этимъ согласились всѣ присутствовавшіе тамъ артисты.

Избѣгая усложнять веденіе дѣла тормозящею сплошь и рядомъ перепискою, съ соблюденіемъ разнаго рода формальностей, Александръ Николаевичъ съ А. А. Майковымъ часто рѣшали дѣла успѣшно, скоро и споро.

Все это ясно доказываетъ, съ какою любовью покойный Александръ Николаевичъ относился ко всему что̀ касалось театра, въ чемъ, конечно, были убѣждены и всѣ близко стоявшія къ нему лица. Развѣ только докторъ могъ-бы высказать ему грозящую для его здоровья опасность отъ занятія театральными дѣлами. Другіе-же хотя и искренно желали сказать ему о томъ, но, въ виду вышеизложеннаго, не у всякаго стало бы охоты заявлять о своей опекѣ надъ здоровьемъ, въ родѣ, примѣрно, той, какую приподнесъ ему артистъ предложеніемъ особаго вагона съ койкою.

Н. А. Кропачевъ.

Воскресенскъ, Мартъ 1888.

КНЯГИНЯ Е. П. КОЧУБЕЙ.

15-го Февраля 1887 года скончалась княгиня Елена Павловна Кочубей, гофмейстерина Высочайшаго Двора.

Въ некрологѣ ея, помѣщенномъ въ газетахъ, вкрались нѣкоторыя ошибки; такъ напримѣръ сказано, что она „дочь генерала Бибикова, принимавшаго участіе въ Бородинской битвѣ".

Павлу Гавриловичу Бибикову было въ то время 26 лѣтъ, онъ былъ поручикъ и не участвовалъ въ Бородинской битвѣ, гдѣ родной братъ его, Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ лишился руки. Красавецъ собою, пылкій, восторженный, Павелъ Гавриловичъ дѣлалъ Турецкую кампанію волонтеромъ, увлекался военными дѣйствіями, бросался на встрѣчу опасностей и былъ взятъ въ плѣнъ Турками, но отбитъ солдатами, которые очень его любили. Онъ нѣсколько разъ отличался необыкновенною храбростью, но, бывши волонтеромъ, не имѣлъ права на награду. При окончаніи войны полкъ, къ которому онъ причислялся, поднесъ ему Георгіевскій крестъ, съ позволенія начальства. Павелъ Гавриловичъ очень дорожилъ этимъ крестомъ и всегда носилъ его. Когда князь Кутузовъ, его родственникъ, былъ отозванъ изъ Турціи, чтобы спасать Россію, Павелъ Гавриловичъ поступилъ на строевую службу и былъ убитъ подъ Вильною въ 1812 году. Никто не зналъ гдѣ его могила. Родной братъ его, Илья Гавриловичъ Бибиковъ, случайно нашелъ ее, въ бытность свою генералъ-губернаторомъ въ Вильнѣ, уже въ 1848 году. Илья Гавриловичъ очень любилъ садоводство и много занимался устройствомъ сада при генералъ-губернаторскомъ домѣ. Однажды рабочіе, копая землю въ саду, наткнулись на гробъ. Одинъ изъ старыхъ садовниковъ, отставной солдатъ, доложилъ Ильѣ Гавриловичу, что это вѣроятно гробъ Павла Гавриловича, при которомъ онъ былъ деньщикомъ въ 1812-мъ году, и помнилъ, что въ этой мѣстности былъ наскоро похороненъ молодой поручикъ. Гробъ от-

крыли, и по уцѣлѣвшему воротнику мундира и солдатскому Георгіевскому кресту узнали, что это точно тѣло безвременно погибшаго Павла Гавриловича. Илья Гавриловичъ перенесъ и похоронилъ на болѣе почетное мѣсто тѣло своего брата.

Княгиня Кочубей родилась шесть недѣль послѣ смерти отца. Мать ея, Елисавета Андреевна, ур. Донецъ-Захаржевская, скоро вышла замужъ за Александра Христофоровича Бенкендорфа.

Когда императоръ Александръ Павловичъ былъ первый разъ въ Москвѣ послѣ 1812-го года, императрица Марія Ѳеодоровна пожелала видѣть вдову и двухъ дочерей Павла Гавриловича, и въ то время, какъ онѣ были у Ея Величества, вошелъ Государь, взялъ на колѣни маленькую Елену, которая, унаслѣдовавъ красоту отца, поражала всѣхъ своимъ прелестнымъ личикомъ. Государь ласкалъ ее, говорилъ съ нею, и между прочимъ спросилъ: умѣетъ-ли она пѣть. «О, да!» отвѣчала маленькая красавица, и беззастѣнчиво запѣла нѣжнымъ голоскомъ: «Vive Alexandre! Vive le bien-aimé!» романсъ, который былъ тогда въ большой модѣ. Государь и Императрица улыбнулись и обласкали прелестную дѣвочку.

Съ тѣхъ поръ Елена Павловна не переставала пользоваться ласками Высочайшаго Двора. Она всегда была глубоко предана Императорской Фамиліи, и въ послѣднюю тяжкую свою болѣзнь, ей доставляло большое утѣшеніе милостивое вниманіе Ея Величества Государыни Императрицы, которая часто изволила посѣщать ее.

Бибикова.

Изъ Тульской деревни.

КЪ АРЕСТУ ГЕРЦОГА БИРОНА. РАСПОРЯЖЕНІЕ РИЖСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА ЛАССИ.

Иструкція господину полковнику Ильину.

По полученіи сей инструкціи извольте ѣхать во имѣющуюся здѣсь въ Лифляндіи собственную герцога Курляндскаго мызу Голмгофъ и съ пріѣздомъ туда накрѣпко изыскать: имѣются ли въ той мызѣ реченнаго герцога собственные пожитки, то-есть деньги и прочія драгоцѣнныя вещи, и буде имѣются, то оное запечатать и съ добрымъ конвоемъ прислать сюда. А потомъ имѣете состоящіе въ той же мызѣ недрагоцѣнные его же герцогскіе припасы, то-есть лошадей, скоть, хлѣбъ и прочее тому подробное, описать со изъясненіемъ достовѣрно и отдать подъ охраненіе той мызы управителю и накрѣпко ему подтвердить, чтобы онъ содержалъ во всякой сохранности. И потомъ изволите возвратиться паки сюды; а что́ чего именно описано будетъ, вѣдомость подать ко мнѣ.

Въ прочемъ во всемъ поступать вамъ, какъ честному и вѣрному офицеру надлежитъ, а за оплошность подъ опасеніемъ немалаго штрафа.

Comte de Lacy.

Ноября 15-го дня 1740 году.
Рига.

(*Съ подлинника*).

Острое слово Тютчева.

Нѣкогда одинъ высокопоставленный престарѣлый сановникъ влюбился въ красавицу и, подъ тѣмъ предлогомъ, что мужъ ея былъ ему родственникомъ, поселилъ ее съ маленькими дѣтьми въ своихъ великолѣпныхъ казенныхъ палатахъ. Пріѣзжаетъ изъ губерніи мужъ и останавливается въ гостинницѣ. Сановитый старецъ, чтобы склонить его на уступчивость, вздумалъ выхлопотать ему камергерскій ключъ и для переговоровъ о томъ однажды утромъ пригласилъ его къ себѣ. На роскошной лѣстницѣ снуютъ чиновники; въ пріемной шушукаются приближенные, передавая другъ другу, что на время этого свиданія велѣно отказывать обычнымъ посѣтителямъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ и Тютчевъ. Спускаясь съ лѣстницы, встрѣчаетъ онъ новопріѣзжаго посѣтителя, который спрашиваетъ его, правда ли, что князя нельзя видѣть. Точно такъ, отвѣчаетъ Тютчевъ, князь очень занятъ: подобно жрецамъ классической древности золотитъ онъ рога своей жертвѣ передъ ея закланіемъ (il lui dore les cornes avant de l'immoler). Для людей близкихъ сравненіе со жрецомъ выходило очень мѣтко.

НОВООТКРЫТАЯ БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ РѢДКОСТЬ.

Все дѣло, какъ читатель увидитъ ниже, идетъ только объ одномъ печатномъ листѣ, появившемся при большой книгѣ, 172 года тому назадъ, но такъ основательно затерявшемся, что до сихъ поръ его не было извѣстно ни одного экземпляра.

П. П. Пекарскій въ своемъ прекрасномъ трудѣ: „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“ (Спб. 1862 г.) указываетъ между прочими изданіями Петровскаго времени: *Алкоранъ о Магометѣ*, и говоритъ:

„Экземпляры Публичной Библіотеки и Каратаева *не имѣютъ особыхъ заглавныхъ листовъ*, въ листъ, 350 нум. страницъ; на первыхъ двухъ страницахъ: „О вѣрѣ Турецкой“, съ 3-ей текстъ съ выписаннымъ выше заглавіемъ. Въ первый разъ книга эта показана подъ „1716 г. въ Спб.“ въ „Росписи Ак. Наукъ“ (составленной около 1742—1747 годовъ) между книгами гражданской печати въ десть № 4. Сопиковъ (II, № 1926), повторяя тоже о годѣ и мѣстѣ печатанія книги, прибавилъ, что она переведена съ Французскаго княземъ *Дмитріемъ Кантемиромъ*. Послѣднее извѣстіе не подтверждено ни одною біографіею этого лица, а въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ (№ 148) есть рукописный переводъ Алкорана, и тамъ на послѣднемъ листѣ находимъ указаніе: „переводилъ сію книгу *Петръ Постниковъ*“... Этотъ переводъ Постникова, съ нѣкоторыми поправками и измѣненіями, и напечатанъ при Петрѣ Великомъ“. (Пек., т. II, стр. 370).

Затѣмъ *А. Ѳ. Бычковъ* въ своемъ „Каталогѣ хранящимся въ Имп. Публ. Библ. изданіямъ, напечатаннымъ гражданскимъ шрифтомъ при Петрѣ Великомъ“ (Спб. 1867), основанномъ исключительно на трудѣ Пекарскаго, повторяетъ его указанія только въ нѣсколько сокращенномъ видѣ: „*Алкоранъ о Магометѣ*. Въ л. 350 стр. Заглавнаго листа нѣтъ; двѣ первыя страницы заняты статьею: о вѣрѣ Турецкой; съ 3-й стр. идетъ Алкоранъ о Магометѣ“ и т. д. (стр. 134).

Такимъ образомъ оказывается, что въ Публ. Библіотекѣ, куда поступили богатѣйшія собранія нашихъ собирателей книгъ, Алкоранъ *безъ заглавнаго листа*, и полнаго экземпляра съ этимъ листомъ П. П. Пекарскій не могъ найти ни въ одномъ изъ частныхъ или общественныхъ книгохранилищъ нашихъ, которыя онъ обозрѣвалъ для своего почтеннаго труда. Въ теченіи 26 лѣтъ послѣ изданія его книги и 21 года, истекшаго съ появленія въ печати „Каталога“ г. Бычкова, мы не встрѣтили ни одного печатнаго указанія на существованіе заглавнаго листа при „Алкоранѣ“, и только слышали отъ извѣстнаго нашего любителя и собирателя книгъ Я. Ѳ. Березина-Ширяева, обладающаго обширной библіотекой, что онъ видѣлъ, лѣтъ семь тому назадъ, полный экземпляръ Алкорана, но не могъ пріобрѣсти этой рѣдкости, потому что владѣлецъ оцѣнивалъ ее въ 300 р.

Недавно мнѣ удалось пріобрѣсти такой экземпляръ Алкорана и притомъ по гораздо болѣе дешевой цѣнѣ. Оказалось, что на оборотѣ заглавнаго листа помѣщено предисловіе, также до сихъ поръ никому непзвѣстное за ненахожденіемъ самого заглавнаго листа.

Въ виду крайней рѣдкости попавшейся мнѣ находки, сообщаю подлинный текстъ всего листа.

На передней его сторонѣ напечатано:

Алкоранъ
о
Магометѣ
или
законъ турецкіи.
Переведенныи съ французского языка на россійскіи.
Напечатася повелѣніемъ
Царскаго
Величества.

(Въ самомъ низу листа послѣ большаго пробѣла):

Въ Санктъпітеръбургскои Тіпографіи, 1716 Году, въ Мѣсяцѣ Декемвріи.

На оборотной сторонѣ въ самомъ верху поставленъ крестъ между двумя типографскими украшеніями, какихъ уже нѣтъ на прочихъ страницахъ книги, и непосредственно за этимъ напечатано:

Къ чітателю.

Сія книга разумѣется отъ турковъ, Божіи со Ангелами и съ Магометомъ долгіи совѣтъ, его же сеи лжівыи пророкъ вымыслилъ весма просто, ибо въ разныхъ мѣстахъ сеи книги проізводітъ яко бы Богъ съ німъ говорілъ и показывалъ ему свои законъ. А по томъ яко бы Ангели и пророцы: чемъ чрезъвычаінѣ не правое учреждаютъ реченіе. По томъ вопіетъ противу ідолопоклонніковъ, а особліво противу жителеи Мекки, и Кореановъ,

которые были въ тѣ времена ему непріятели. И нарече сію книгу Алкоранъ, то есть собраніе закона, а индѣ именуетъ Елкоранъ, то есть раздѣленіе добра отъ зла. И раздѣлилъ ю на многіе главы, которымъ положилъ имена, какъ ему на разумъ нашло. По тому что многіе главы нареклъ, непрілічные къ матеріи, о неиже имѣлъ говоріть. И тѣ главы раздѣлилъ на стіхи, которые содержатъ порядокъ такъ фабулнои, и простои, что без всякаго охраненія, и должнаго сложенія. Сего ради благіи чітателю въ сеи книгѣ обрящеши многіе нескладности, и частое повтореніе о еділныхъ тѣхже вѣщахъ. Толкована была сія кніга отъ многіхъ учітелеи магометанскіхъ, и толкованіе ихъ такъ смѣху достоіное, какъ и реченіе лжівое. Ибо оные подлінствуютъ, яко бы орігіналнои Алкоранъ напісанъ на дскѣ, которая сохраняется на небеси, и яко бы Ангелъ Гавріилъ съ неи снесши списокъ отдалъ Магомету, которыи не умѣлъ ни чітать ни пісать. А наріцаютъ его Пророкомъ и Апостоломъ почтенія ради. Обрящеши въ сей книгѣ нѣкое, такъ безумное поученіе, не вѣмъ, удівленія ли, или паче слезнаго сожалѣнія достойное, какъ въ наілучшую часть свѣта за прегрѣшенія, такая мерзость проізыде! и какъ такіи мерзостныи законъ воспріятъ бысть отъ слѣпоты человѣческія!

*

Этимъ оканчівается предисловіе, а въ самомъ низу страницы, вправо, крупно напечатано первое слово, которымъ начинается слѣдующая страница, 1-я по счету нумераціи, именно: *О вѣрѣ*, что̀ и показываетъ, что между новооткрытымъ заглавнымъ листомъ и между извѣстнымъ введеніемъ къ книгѣ: „*о вѣрѣ турецкой*“, никакихъ печатныхъ страницъ болѣе не было.

П. Ефремовъ.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

ГРАФА

П. Х. ГРАББЕ.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова. Лентьевскій переулокъ, домъ Лаврова.
1888.

*

Павелъ Христофоровичъ Граббе (окончившій долголѣтнюю и славную службу свою наказнымъ атаманомъ Донскаго войска и при выходѣ въ отставку пожалованный графскимъ титуломъ) родился 21 Декабря 1789 года, скончался 14 Іюля 1875 года. Воинъ почти съ дѣскихъ лѣтъ, онъ считалъ въ формулярѣ своемъ 28 кампаній. Десятки лѣтъ сряду велъ онъ подробныя записки всему, что̀ съ нимъ было. Въ исходѣ 1825 года, когда подвергся онъ кратковременному заточенію по поводу знакомствъ своихъ съ Декабристами, его домашніе истребили эти дневники. Позднѣе онъ возстановилъ съ памяти главнѣйшія событія своей жизни и написалъ Записки, напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 года. Читателямъ памятна высокая занимательность ихъ содержанія. Въ Турецкую войну 1828 года, снова начавъ дѣятельную службу, онъ по прежнему началъ вести дневникъ или записную книжку, нынѣ сообщенную въ наше изданіе его наслѣдниками. Въ этой книжкѣ отразились не только историческія событія, но и все, что̀ въ умственномъ отношеніи занимало достопамятнаго человѣка, котораго извѣстный Нѣмецкій писатель Варнгагенъ-фонъ-Энзе (служившій съ нимъ вмѣстѣ въ 1813 году въ ополченіи Тетенборна) въ Запискахъ своихъ по справедливости называетъ „вполнѣ героическою натурою“ (eine echt-heroische Natur). Еще не настало время для полной оцѣнки военной и государственной дѣятельности графа П. Х. Граббе; но Россія должна быть признательна ему уже за то, что онъ воспиталъ для нея подобныхъ себѣ сыновей, изъ которыхъ одинъ славно погибъ подъ Сендзіовицами, въ боевой схваткѣ съ Поляками, а другой (черезъ 14 лѣтъ потомъ) кончилъ краткій вѣкъ свой геройскою смертью на приступѣ Карса.

П. Б.

*

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

1828.

Les nations courent au plus pressé. Ainsi, tandis que l'égalité s'établissait et jetait de profondes racines, la liberté, qui est une passion seulement pour les âmes généreuses, ne devient un besoin universel qu'après une longue et triste expérience.

———

Les peuples ne veulent jamais qu'une chose à la fois. Rien de si imprévoyant que la voix publique; elle se rapporte toujours au présent, jamais à l'avenir. On demandait l'ordre, sans songer à la liberté.

———

Washington en Amérique avait montré à quelle condition on est le premier dans la guerre, le premier dans la paix et le premier dans les affections sociales. Bonaparte prit une autre voie, et ce fut une preuve de plus que les génies brillants et les âmes naturellement prédominantes ne sont pas toujours les plus heureux présents que le Ciel puisse faire aux nations.

———

Les hommes étrangers au métier des armes ne sauraient concevoir cette inquiétude turbulante qui conduisait Alexandre aux bords du Gange et Charles XII à Poltava. La guerre est une passion jusque dans les derniers ordres de la milice; pour ceux qui commandent elle est la plus impérieuse et la plus énivrante des passions. Où trouverez-vous un champ plus vaste à l'énergie du caractère, aux calculs de l'esprit, aux éclairs du génie? A celui que la gloire enflamme, la faim, la soif, les blessures, la mort même, sans cesse menaçante, pro-

duisent une sorte d'énivrement; la combinaison soudaine des causes indéterminées avec les chances prévues jette dans ce jeu d'exaltation un intérêt de tous les moments, égal à l'émotion que font naître à longs intervalles les situations les plus terribles de la vie. Quelle puissance dans le présent que cette volonté du chef qui enchaîne et déchaîne à son gré la colère de tant de milliers d'hommes! Quelle suprématie sur l'avenir, que ce talent dont les inspirations vont règler le sort de plusieurs générations! Quand le Dieu d'Israël veut écraser Ses adorateurs par le poids de Sa toute-puissance, Il leur dit: Je suis le Dieu des armées.

1828-го года 18-го Апрѣля, въ с. Трехтемировѣ. 2-го Апрѣля Новороссійскій драгунскій полкъ выступилъ въ походъ противъ Турокъ изъ Гадяча.

14-го догналъ я его въ Андрушовѣ на переправѣ черезъ Днѣпръ. Нашли всего два парома, подымающихъ по 43 лошади каждый, два малыхъ по 12-ти, всего 110 лошадей вдругъ; одинъ для тяжестей, равно какъ и два связныхъ дуба, все въ большомъ безпорядкѣ. Днѣпръ въ весьма большомъ разливѣ. Наступившіе съ 15-го въ ночи вѣтры много затрудняли и останавливали даже переправу. 16-го я оставленъ для переправы остальнаго моего дивизіона и эскадрона и продолжалъ ее въ бурное время медленно и не безъ опасности.

17-го буря до того усилилась, что вовсе остановила переправу. Пріѣздъ корпуснаго командира генералъ-адъютанта Бороздина.

18-го, въ два часа пополуночи, поставивъ послѣднія 30 лошадей на паромъ, самъ на маломъ дубѣ переправился благополучно на правый берегъ и пѣшкомъ дошелъ до с. Трахтемирова. Вѣтеръ продолжается. Способы переправы для слѣдующихъ полковъ увеличены. Извѣстіе о направленіи дивизіи на Измаилъ. Прогулка по возвышенностямъ праваго берега, взглядъ на разливъ Днѣпра и на красивую холмистую окружность. Обѣдъ и вечеръ у г-ла Квитницкаго, ѣдущаго въ походъ съ семействомъ, въ которомъ двое больныхъ дѣтей. Gellert. Götz. Lallemand.

20-го Апрѣля. Пятница. Переходъ до Зеленки 27 верстъ. До Потокъ пріятныя холмистыя мѣста; помѣстья Янковскаго и Течевскаго. Потокъ — Тернавскаго, богатаго моего сосѣда по имѣнію въ Малороссіи. Отсюда степью до Зеленки графини Бра-

ницкой — селеніе очень рѣдко растянуто по обоимъ берегамъ свѣтлаго пруда. Мало видно садовъ. Выступилъ въ 8, пришелъ въ 3 часа. Одинъ часъ привалу. На походѣ письмо отъ сестры и старшаго брата безъ числа.

22-го Дневка. Письма къ брату Карлу и къ сестрѣ. Къ Н. Н. Шереметевой (1) къ Пульхеріи Ивановнѣ, къ Андрею Ивановичу (2), къ П. Г. Галагану, къ Н. И. Пассекъ. Ходилъ въ католическую церковь весьма скромную. Покупки цѣлымъ обществомъ, подъ предводительствомъ Софіи Карл. Квитницкой. Обѣдъ у полковника Кельнера. Вступленіе Кинбурнскаго драгунскаго полка. Прогулка на усѣянный гранитными скалами берегъ Роси. Нѣсколько страницъ изъ Коллина.

Solchen Mann erkennest du leicht an folgenden Zeichen;
Niemmer trügen sie dich, darum bewahre sie wohl:
Schweigend wandelt er gern in des Volkes buntem Gewühle,
Still, ein Beschauer; und mengt er sich nicht in die Welt,
Schreckt, einsilbig und stolz, den lustigen Frager von sich weg,
Unzugänglich und schroff, wie auf den Wagen ein Fels,
Kalt wohl möchten dir scheinen und stumpf, ein Hasser der Menscheit.
Aber ein anderes zeigt bald der gesunkene Blick,
Welchem die Thräne entstürzt, die Thräne des heiligen Mitleids...

23-го. Понедѣльникъ. Село *Медвинъ*, графини Браницкой, все въ долинахъ, оврагахъ и садахъ; 20 верстъ отъ Богуслава. Пріѣхалъ одинъ и рано, прежде своей коляски и полка, на свою квартиру у добраго и умнаго крестьянина, въ теплую и чистую избу, лучшую во весь походъ. Одинокій обѣдъ. Вечеромъ прогулка пѣшкомъ по фруктовымъ садамъ. Видные собою жители обоего пола. Притѣснительное управленіе здѣшней экономіи, всеобщую жалобу крестьянъ возбуждающее.

24-го. Вторникъ. Переходъ до Звенигородки 35 верстъ. Прекрасный край; слегка холмистыя мѣста, то хорошо обработанныя поля, то красивыя рощи изъ клена, грабины, березы, ивы, липъ, дубовъ огромныхъ. Въ виду часто селенія. На поло-

(1) Достопамятная женщина, тетка Ѳ. И. Тютчева, тёща графа М. Н. Муравьева Виленскаго и декабриста Якушкина, другъ Гоголя. П. Б.

(2) Гудовичу? П. Б.

винѣ дороги *с. Лысенково*, княгини Яблоновской, отмѣнно обстроенное. Крестьянскія избы на равныхъ одна отъ другой разстоніяхъ, отступя немного отъ широкой улицы, двумя правильными окнами на нее; трубы каменныя, плетень единообразный, вездѣ молодые сады фруктовые. Хотя большой переходъ, но показался мнѣ прогулкой; прекрасное время и зеленѣющая природа наиболѣе тому способствовали. Маршрутъ до Измаила.

25-го Середа. Дневка. Первые часы утра прекрасные провелъ въ саду; теплый день, но съ вѣтромъ. Необыкновенное разстройство духа. Обѣдъ у Ксен. Θед. Квитницкаго и вечеръ. Непріятное воспоминаніе давно забытыхъ происшествій, послѣдствія которыхъ еще продолжаются. Позднее возвращеніе домой. Звенигородка—небольшое и небогатое Жидовское мѣстечко.

26-го Четвергъ. Переходъ до Тальнаго. Мѣстечко Льва Александровича Нарышкина, 30 верстъ, Уманскаго уѣзда. Прекрасное время, хотя съ вѣтромъ. Вечеръ у генерала Квитницкаго.

27-го Пятница. Маіоръ Сергучевскій. Переходъ до Легезина 18 верстъ, графа Александра Потоцкаго. Прекрасный день. Квартира у посессора.

28-го Суббота. Дневка скучная; непреодолимое разсѣяніе духа. Крайнее раззореніе жителей отъ утѣсненій посессоровъ. Нѣсколько страницъ изъ Гейнзе и Кернера настроили меня нѣсколько получше.

29-го Воскресенье. И я былъ въ Софіевкѣ. Еще однимъ изящнымъ впечатлѣніемъ въ жизни болѣе. Рано по утру оставилъ я Легезинъ и своего скучнаго ипохондрика-хозяина; пріѣхалъ въ Умань и прямо къ городничему, въ которомъ нашелъ почтеннаго, гостепріимнаго старика; онъ удержалъ меня обѣдать и поѣхалъ со мною показать Софіевскій садъ, котораго первое дерево при немъ посажено и первыя работы при немъ начались. Водометъ былъ для меня пущенъ, и въ брызгахъ его чудно играли радуги отъ заходящаго солнца. Гидравликомъ былъ здѣсь Мецель. Весь садъ сталъ графу Потоцкому три милліона злотыхъ; въ оранжереѣ два прекрасныхъ кипариса. Шлегель архитекторъ и смотритель сада.

30-го Понедѣльникъ. Въ 6 часовъ утра былъ я уже въ саду. Время пасмурное, но теплое. Два часа провелъ совершенно одинъ очень пріятно. Соловьи, иволги своимъ пѣніемъ и

журчаніе падающихъ водъ одни пріятнымъ образомъ нарушали общую тишину.

1-е Мая. Первая гроза. Проскакавшій фельдъегерь извѣстилъ о проѣздѣ Государя Императора сегодня ночью или завтра по утру чрезъ Умань въ Елисаветградъ. Увидитъ ли онъ вступающую завтра нашу бригаду? Въ 4-мъ часу послѣ обѣда съ семействомъ Квитницкихъ, не смотря на дождь, поѣхали въ Софіевку. Не только фонтанъ и каскады были пущены, но мы въ лодкѣ проѣхали по подземному каналу. Дождь къ счастію пересталъ, и погода, хотя пасмурная, позволила намъ пріятно окончить нашу прогулку. Вчера вечеромъ бѣшеный быкъ убилъ на улицѣ нѣсколько человѣкъ.

2-го Мая. Въ 7 часовъ утра выѣхалъ за девять верстъ на встрѣчу бригадѣ. Дивизіонный генералъ Петръ Петр. Загряжскій заѣхалъ ко мнѣ. Бригада собралась въ три часа. Сильный дождь нѣсколько разъ промочилъ насъ. Въ половинѣ шестаго колокола въ Умани возвѣстили о пріѣздѣ Государя Императора. При выѣздѣ, не выходя изъ коляски, Государь смотрѣлъ проходящую по три бригаду. Новороссійскимъ полкомъ былъ чрезвычайно доволенъ; былъ блѣденъ и казался утомленнымъ отъ дороги.—Въ шесть часовъ обѣдалъ дома съ Петерсомъ. Первый разъ съ начала похода проснулся въ 7 ч. утра.

3-го. Погода пасмурная; холодный вѣтеръ. Письмо въ Секирницы (*). Листокъ Е. В. Галаганъ въ альбомъ:

Не сѣтуй, что въ твоемъ альбомѣ
Я медлилъ память оставлять:
Я не хотѣлъ въ приветномъ домѣ
Минутъ послѣднихъ возмущать
Словами грусти и прощанья.
Когда настанетъ часъ свиданья?
И приведетъ ли онъ съ собой
Прошедшихъ дней минувшу радость?
Найду ли вмѣстѣ кругъ родной
И въ немъ привычной дружбы сладость?
Кто знаетъ—смерть или покой
Пожну я въ годъ въ сей роковой!

(*) Великолѣпное имѣніе Прилуцкаго уѣзда по сосѣдству съ имѣніемъ графа Граббе. Супруга владѣльца Екатерина Васильевна Галаганъ, урожд. графиня Гудовичъ. П. Б.

Посѣщеніе дивизіонному генералу. Разговоръ о предстоящей войнѣ. Обѣдъ у бригаднаго г-ла. Неправда, ни для кого нимало невредная, унижаетъ однако въ собственныхъ глазахъ сказавшаго ее. Хотѣлъ подъ вечеръ съѣздить въ Софіевскій садъ, чтобы въ послѣдній, можетъ быть, разъ имъ насладиться; но на дверяхъ столкнулся съ вошедшимъ полковникомъ Глазенапомъ и просидѣлъ съ нимъ до вечера пріятно.

4-го Мая Пятница. Въ 7 ч. выступилъ со штабомъ до с. *Колодистаго*, 31 верста. Очень холодный и порывистый вѣтеръ. Мѣста вообще пріятныя; земли принадлежатъ наиболѣе Александру Потоцкому и графу Мощинскому. Послѣдній въ с. Ризовкѣ, въ пяти верстахъ отсюда, заводитъ сахарную фабрику изъ свеклы, которою засѣялъ огромныя поля. Здѣсь граница Кіевской губ. съ Каменецъ-Подольскою. Гиршфельда о сельской жизни прелестные отрывки успокоили и освѣжили разстроенное и омраченное мое воображеніе. Солнце опять сѣло въ тучи. Гр. Мощинскій самъ находится въ Варшавѣ подъ уголовнымъ судомъ за участіе въ тайномъ Польскомъ обществѣ.

5-го Суббота. Переходъ до Габщевата на Бугѣ 23 версты. Проницательный вѣтеръ. Выѣхалъ одинъ въ 7 ч. Пріятныя и разнообразныя мѣста, прекрасныя рощи и богатую жатву обѣщающія поля. По дорогѣ имѣніе Ярослава Потоцкаго. Здѣсь корчмы лучше выстроены и чаще. Въ два часа спустился къ Бугу. Одинъ штабъ здѣсь остается, и я съ нимъ. Эскадроны сегодня же всѣ переправляются на правый берегъ.

6-го Воскресенье. Въ 6 ч. утра переправился на паромѣ чрезъ Бугъ. Переходъ до Пещана 23 версты. Время холодное и пасмурное. Мѣста становятся уже степныя. Штабъ полковой одинъ здѣсь съ бригаднымъ.

Dans les profils de terrains il faut remarquer les parties où l'on peut cacher de l'infanterie, de la cavalerie et de l'artillerie; cette mesure procure souvent de grands avantages et déconcerte l'assaillant, qui ne prévoit pas toujours ce genre d'embuscade.

Il importe beaucoup de savoir juger dans la manière de disposer les troupes sur le terrain, de l'effet de perspective qu'elles peuvent produire, vues du côté de l'ennemi; on doit sentir tout l'avantage qu'on peut tirer de ces effets, particulièrement dans les pays de montagnes et même dans les terrains ondulés, en présentant à son adversaire des illusions pour des réalités.

En général, toute disposition de troupes doit être considérée comme une fortification mobile et règlée d'après les principes de la fortification permanente: ces principes prescrivent de dominer toujours, autant qu'on le peut, et d'éviter de l'être; de se procurer des flancs, des rentrants et des revers, que le tracé des différentes parties des ouvrages soit fait de manière que ces parties se défendent et se protègent réciproquement, sans qu'elles puissent être tournées ou débordées que très difficilement.

En général ce n'est pas avec des corps détachés à de grandes distances, mais avec des manoeuvres sur le champ de bataille qu'on tourne efficacement son adversaire, qu'on le retient ou qu'on l'oblige' d'abandonner sa position, et enfin qu'on le force de combattre jusqu à ce qu'il succombe.

Quant aux simples détachements que l'on jette sur les flancs et sur les derrières de l'ennemi, afin de lui donner de l'inquiètude pour ses communications, c'est l'affaire des partisans et des troupes légères, dont les retards, et même la perte, n'influent pas essentiellement sur les opérations, et qui d'ailleurs par la mobilité dont ils jouissent sont propres à ces sortes d'expéditions.

7-го Мая Понедѣльникъ. Дневка. Прогулка пѣшкомъ на противоположный возвышенный берегъ протекающей здѣсь рѣчки Чечельника; обширный видъ съ онаго. Ставъ спиною къ Балтѣ, видны по лѣвую руку с. Демовка помѣщика Липинскаго, въ дали Чечѣльники графа Андрея Гудовича.

8-го Мая Вторникъ. Переходъ до Балты 23 версты. Въ с. Казацкомъ, не доходя пять верстъ, молебенъ цѣлой бригадой. Прогулка по городу. Нѣсколько пригожихъ Евреекъ и одна красавица, опрятнѣе нежели привыкъ ихъ видѣть. Вечеромъ театръ, лучше чѣмъ ожидать было можно. Эстафеты отправилъ къ брату Карлу въ Могилевъ на Днѣстрѣ. Балта на рѣчкѣ Кодимѣ.

9-го Среда. Переходъ до Бирзу 23 версты. Прекрасное время. Имѣніе графа Нессельроде. Уже Молдаване и ихъ обычаи начались. Нѣтъ болѣе пріюту для лошадей; онѣ на чистомъ воздухѣ у прикольевъ. Мы въ Херсонской губерніи: за рѣчкой Каменецъ-Подольская. Характеръ мѣстоположенія; холмы и овраги безлѣсные и безводные. Здѣсь вершина рѣчки Ягорлыка, прямо на Югъ до впаденія подъ м. Ягорлыкомъ въ Днѣстръ текущей. Избы чистыя и всюду войлоки и ковры. Скотъ зимою

въ открытыхъ загонахъ. Къ этому имѣнію принадлежитъ часть извѣстныхъ высокой породою своею Шпанскихъ овецъ, но подалѣе въ степи, потому не видалъ ихъ. Графа Нессельроде сюда ожидаютъ; Императрицу также на ночь въ Балту. Выходцы изъ Молдавіи, здѣсь живущіе, должны послѣ жатвы оставить это имѣніе, и на ихъ мѣста переселены изъ Каменецъ-Подольской губерніи крѣпостные крестьяне. Первые хотятъ селиться на казенныхъ земляхъ около Одессы съ платежемъ въ казну по 3 р. съ десятины.

10-го Мая Четвергъ. Переходъ до Флоры, имѣніе полковника Толмачева; все по берегу Егорлыка 22 версты. Душистая степь съ холма на холмъ. Сначала сильный дождь, потомъ пріятная погода. Первое пузырное окно на моей квартирѣ у Молдаванина. Съ проводникомъ я не безъ труда уже говорилъ и понималъ его ломаный Русскій языкъ.

On se prémunit contre les démonstrations et les fausses attaques de l'ennemi en se rendant compte des opérations qu'il peut tenter et de celles qui lui sont les plus avantageuses: car ou l'ennemi se conduira d'après les meilleurs principes, ou il s'en écartera. Dans l'une ou l'autre hypothèse la prudence commande: 1) de ne jamais abandonner les points stratégiques de sa position, ni de s'y affaiblir pour prévenir son adversaire sur d'autres points moins importants, quand bien même cet adversaire s'y porterait avec une partie de ses forces; 2) de ne prendre aucune résolution sans avoir préalablement obtenu des renseignements certains tant sur la marche que sur la force de l'ennemi, dût-on perdre quelque temps, parce que cette perte peut facilement se réparer, et d'ailleurs parce que ses conséquences seraient toujours moins dangereuses que l'abandon total d'une position importante.

Les démonstrations et les fausses attaques présentent souvent aux officiers chargés de les diriger l'occasion de déployer toute l'étendue de leur capacité et celle de contribuer efficacement au succès des opérations les plus majeures.

En général, un corps qui observe une place située dans un pays de plaine doit être composé de deux tiers en cavalerie et d'un tiers en infanterie, et sa force correspondante plus d'un tiers à la force totale de celle de la garnison; si, au contraire la place est située dans un terrain coupé et que ses environs soient fortement accidentés, ce corps d'observation doit alors dans ce cas être composé d'un tiers en

cavalerie et de deux tiers en infanterie et sa force correspondante plus de la moitié à celle de la force totale de la garnison.

Un corps, chargé du blocus d'une place, doit être composé d'infanterie en totalité et d'une force correspondante à celle de la garnison. (Quelque cavalerie n'y est jamais de trop).

Toutes les fois qu'un officier qui commande un corps d'observation reçoit avis qu'un corps ennemi s'approche de la place et qu'il remarque que la garnison fait en même temps des préparatifs qui indiquent qu'elle se prépare à faire une sortie, il doit aller au devant du corps ennemi qui s'approche et l'attaquer sans balancer et dans l'hypothèse où ce corps serait trop supérieur au sien, il doit se retirer de suite pour ne pas se mettre dans le cas d'être attaqué simultanément et par la garnison et par le secours.

11-го Мая. Пятница. Переходъ до с. Дубова 25 верстъ по лѣвому берегу Егорлыка, здѣсь уже многоводнаго. Оба берега гористые и крутые, почвы каменистой, изъ которой жители складываютъ ограды и на другія постройки употребляютъ. Почти на всякой избѣ видишь аистовъ, по здѣшнему бачановъ. Камыши, кромѣ собственнаго безпрерывнаго при малѣйшемъ движеніи воздуха шелеста, оживлены множествомъ дичи. Изобиліе рогатаго скота и лошадей хорошихъ; пасутся и украшаютъ зеленыя и цвѣтами пестрѣющія отлогости горъ. Множество душистыхъ травъ, такъ что каждый разъ, что поѣдешь стороною, то помятыя лошадью травы издаютъ пріятный запахъ. Нѣсколько селеній, мѣстечко Окны, с. Малаешты братьевъ Катаржи, дер. Илія, Салунское, нѣсколько водяныхъ мельницъ, фруктовыхъ по берегу садовъ и зеленые теперь камыши оживляютъ сцену и, впрочемъ, совсѣмъ голыя степныя горы. Погода теплая съ прохладнымъ на открытыхъ мѣстахъ вѣтромъ. Пріятный переходъ.

12-го Суббота. Переходъ до Дубосаръ 20 верстъ. На лѣвомъ берегу Днѣстра роща, особенно послѣ степныхъ видовъ, пріятная. Горизонтъ ограниченъ противоположнымъ берегомъ холмистымъ и мѣстами рощами одѣтымъ. Полевой макъ показался между множествомъ цвѣтовъ на степи. Ни одного селенія, ниже избы на переходѣ. Вчера проѣхала Императрица. Обманутыя отчасти ожиданія. Письмо отъ тещи. Получилъ серебро. Брата, котораго ожидаю, не засталъ. Не подъѣдетъ-ли? Письмо

отъ него изъ Могилева отъ 3-го, коимъ извѣщаетъ, что онъ болѣнъ и пріѣхать не можетъ. Посылка изъ Петербурга вѣроятно съ картами театра войны, къ нему ошибкой отправленная. Письма отъ Шереметевой. Цѣлый журналъ и весьма пріятный изъ Туровки и Секирницъ.

13-го Мая Воскресенье. Вчера поздно вечеромъ пріѣздъ брата очень больнаго и сестры. Съ ними день. Письма отъ тещи о чрезвычайной опасности, въ которой былъ мой сынъ и едва ли еще не продолжающейся. Отъ Андрея Ивановича, которымъ извѣщаетъ о неожиданной кончинѣ графа Василья Васильевича Гудовича въ Секирницахъ по осмидневной болѣзни. Письма къ тещѣ и Шереметевой. Полкъ ночуетъ въ Оницканахъ.

14-го Понедѣльникъ. Въ 12-мъ часу дня разстался со своими и поѣхалъ прямо въ Кишиневъ 40 верстъ, гдѣ нашелъ уже полкъ на квартирахъ. Прекрасныя мѣста по берегу Днѣстра; виноградные сады. Здѣсь бѣлая акація видна даже на улицахъ и своимъ пріятнымъ запахомъ перебиваетъ дурной отъ нечистотъ города. Кишинева, не смотря на дневку, почти не видалъ по причинѣ встрѣчи съ старымъ знакомымъ своимъ В. Ѳ. Тимковскимъ (*), съ которымъ провелъ и всю дневку. Обѣдъ и ужинъ вмѣстѣ у правящаго должностью вице-губернатора Редкина.

15-го Вторникъ. Письмо къ Лизѣ Маркевичъ въ Секирницы. Любопытныя подробности на счетъ края и его достопамятностей. С. Варница подъ Бендерами. Смерть Кара-Георгія отъ секретаря его, у котораго стоялъ на квартирѣ. Валконешти подъ Кагуломъ.

16-го Середа. Переходъ до Гуры-Галбина 40 верстъ. С. Камерци Бальша, хорошо обстроенное. Странный его домъ съ галлереею вокругъ. Заводъ конскій не значущій. Свадебная пляска. Азіатская мититика.

17-го Мая Четвергъ. Переходъ до Казанчика 35 верстъ цѣлымъ полкомъ. Степь становится все душистѣе. Привалъ въ с. Сарацинѣ. Нѣсколько курьеровъ встрѣтилось.

19-го Мая Суббота. Переходъ до Фальчи, перваго города въ Турецкой Молдавіи 30 верстъ. На рѣкѣ Прутѣ, по берегу коего шли нѣсколько верстъ, сел. Лекъ. Переправа по хорошему мосту подъ городомъ. Воды Прута мутныя и бѣловатыя; берега

(*) Дядя М. А. Максимовича. П. Б.

глинистые. Корыто рѣки узко, но крутые берега по обѣ стороны раздались для широкаго разлива. На этомъ переходѣ видѣлъ первыхъ орловъ, надъ нами паривших. Стадо аистовъ ходило безъ боязни подлѣ дороги. Слухъ о сдачѣ Браилова. Мошка начинаетъ безпокоить лошадей; наступаютъ жары. Узнавъ, что при занятіи Фальчи захватили трехъ Турецкихъ купцовъ, я послалъ ихъ звать къ себѣ. Одинъ изъ нихъ настоящій Гуннъ войска Аттилы: короткій, широкоплечій, скулистый; другіе два довольно благообразны. Отъ вина и рому отказались, хотя отъ перваго издали понесло запахомъ вина. Они здѣсь свободны и сами выпросили себѣ для охраненія двухъ пѣхотныхъ солдатъ. Въ Браиловѣ начальствуетъ Сулейманъ-паша трехбунчужный; въ Силистріи—кіая. Турки выпили чаю и по своему обычаю раскланялись, приложивъ руку ко груди.

20-го Мая Воскресенье. Дневка. Ранняя прогулка по высокому берегу. Смѣлыя и красивыя излучины Прута, урокъ природы искусству. Множество аистовъ, плавающихъ красиво въ воздухѣ—признакъ вступленія въ царство пресмыкающихся. На вчерашнемъ переходѣ нашли на дорогѣ двухъ убитыхъ змѣй, толщиною въ діаметрѣ вершокъ, длиною аршина въ полтора; въ Россіи такихъ не видывалъ, ни въ прочихъ земляхъ Европы, гдѣ бывалъ и какъ путешественникъ, и какъ военный. Припадокъ унынія, нѣсколько уменьшенный сатирическими сочиненіями Рабенера. Прогулка вечеромъ по берегу Прута.

21-го Мая Понедѣльникъ. Еще дневка. Обѣдъ у П. П. Загряжскаго. Генералъ-маіоръ Шицъ сообщилъ нѣкоторыя извѣстія объ осадѣ Браилова. Государь Императоръ сегодня туда былъ ожидаемъ. Брешъ-батарея готова нынѣ же въ 75-ти саженяхъ. Разстройство отъ безпорядочнаго поведенія людей, для которыхъ что могу дѣлаю. Чай у П. Петр. Домъ бояръ Тулбури. Молодые люди говорятъ изрядно по-французски.

22-го Вторникъ. Переходъ всей дивизіей отъ с. Раи, гдѣ собралась, до Епурени. Смотръ дивизіоннаго командира на походѣ. Отличное состояніе дивизіи. Первые биваки и то безъ нужды, ибо достаточно селеній въ окружности. Съ прапорщ. Щепотковымъ письма къ Викторову и брату Карлу. Большія жары. Ошибки въ расположеніи дивизіи по неимѣнію картъ у кого слѣдуетъ. Моя, хотя весьма недостаточная, все еще лучшая.

Прогулка съ бриг. ком. по бивакамъ дивизіи. Ужинъ у него подъ открытымъ небомъ и при воспоминаніяхъ пріятныхъ о прошедшемъ. Безсонница отъ клоповъ заставила меня на моей квартирѣ позавидовать бивакующимъ и выгнала въ коляску, гдѣ я скорчась, провелъ остатокъ непріятной ночи.

23-го Середа. Дневка. Прекрасный прохладный день. Прогулка по бивакамъ. Обѣдъ у Кельнера. Вечеръ съ П. Глазенапомъ. Ночь въ колескѣ.

24-го Четвергъ. Переходъ цѣлой дивизіи до Бырлата 20 верстъ, все лѣсомъ. Разнообразіе и огромность деревьевъ. Сократили дорогу, пошедши чрезъ гору въ 6-ти верстахъ отъ города. Выѣхалъ на Эммѣ. Городъ кромѣ довольно большихъ лавокъ не имѣетъ ни одной порядочной улицы; есть изрядные домики, раскиданные по нечистымъ переулкамъ. Вода въ колодцахъ отмѣнная и въ рѣкѣ, кажется, свѣтлая. Рѣка Бырлатъ принимаетъ свое начало верстъ 40 повыше около села Долчени и до впаденія своего въ Серетъ подъ с. Сербинешти течетъ излучисто отъ Сѣвера на Югъ. Бырлатъ отстоитъ 20 часовъ отъ Яссъ, столько же до Галацъ, 36 до Бухареста. Хорошая квартира у Молдавана Дуки. Два брата его казнены Турками за пособіе к. Александру Ипсиланти. Бѣдственное состояніе края съ 1820-го года. Множество прекрасныхъ розъ въ его саду.

25-го Мая Пятница. Переходъ до Перескифа 20 верстъ. Вся дивизія на приготовленныхъ здѣшнимъ начальствомъ бивакахъ въ прекрасной долинѣ рѣки Бырлата.

26-го Суббота. До Текуча 23 версты. На бивакахъ. Тяжелый день; я занемогъ.

27-го Воскресенье. Дневка на бивакѣ. Видъ на Карпатскія горы. Тарантула поймана на подушкѣ у моего сосѣда по биваку.

28-го Мая Понедѣльникъ. Переходъ до Фокшанъ 25 верстъ. Переправа въ бродъ чрезъ рукава Серета и по весьма плохому мосту чрезъ главное его корыто. Быстрая и красивая въ своемъ теченіи рѣка, большимъ и внезапнымъ разливамъ подверженная; вытекаетъ изъ Карпатскихъ горъ въ Буковинѣ, неподалеку мѣст. Черновицъ, и впадаетъ въ Дунай въ пяти верстахъ отъ Галаца. Чрезъ рѣчку Путну въ бродъ же. Прекрасныя мѣста и очень населенныя, въ виду по нѣскольку селеній вдругъ, между прочимъ мѣст. Одобешти, извѣстное своимъ хорошимъ виномъ; цѣпь

Карпатскихъ горъ вправо, равнина до самаго города. Хорошая квартира у Грека, гдѣ отдыхаю отъ нездоровья, бивакъ и сопряженнаго съ ними отсутствія опрятности. Садъ какъ обыкновенно безъ всякаго вкуса и знанія въ расположеніи, но множество прекраснѣйшихъ розъ; въ цвѣтникѣ фигуры выведены костьми, кажется, человѣческими. Первая Турецкая баня. Не доѣзжая версты четыре Фокшанъ, я и всѣ ѣхавшіе со мною любовались красивымъ отраженіемъ домовъ, деревьевъ и всѣхъ предметовъ въ водѣ, которую почитали озеромъ; подъѣхавъ ближе, отраженіе пропало, и мы нашли подъ городомъ чистый лугъ и въ томъ мѣстѣ ни капли воды; все это былъ оптическій обманъ (mirage). Время было знойное, и воздухъ струился отблескомъ сухихъ травъ и земли. Одинъ изъ важныхъ городовъ области.

29-го Мая. Вторникъ. Переходъ до Рымника 35 верстъ. Прекрасная равнина; городокъ значительный только важными историческими воспоминаніями. Рымникъ, оставившій безсмертное названіе отцу, поглотилъ въ водахъ своихъ сына, и по отцу и по себѣ обожаемаго войсками. Здѣсь въ монастырѣ погребено сердце послѣдняго, надъ которымъ воздвигнутъ былъ памятникъ; Турки до основанія его разрушили; простыя и свѣжія еще надписи офицеровъ, прахъ его посѣщавшихъ, изъявляютъ все еще живую и непритворную ихъ горесть о незабвенномъ своемъ начальникѣ. Въ Фокшанахъ вступили мы въ Валахію.

30-го Мая Среда. Переходъ 25 верстъ до Бузео. Впереди и влѣво необозримая равнина, вправѣ Карпатскія горы; здѣсь уже глубокіе признаки войны: городъ большею частію оставленъ жителями; ободренные однако смирнымъ поведеніемъ нашихъ войскъ, они начинаютъ собираться. Стою, какъ и вся дивизія, на бивакѣ.

31-го Мая Четвергъ. Дневка. Пріѣздъ корпуснаго командира генералъ-адъютанта Бороздина. Дежурный по дивизіи, вмѣсто отдыха, долженъ былъ его ожидать.

1-го Іюня Пятница. Дневка. Уничтоженіе лишнихъ обозовъ. Гроза, залившая лагерь. Дивизія провела ночь безъ сна, по неимѣнію ни соломы, ни навѣсовъ около лошадей. Письма къ тещѣ, П. Г. Галагану, брату Карлу, Шереметевой.

2-го Іюня Суббота. Переходъ до Маржинешти 25 верстъ. Обширная и ровная степь. Цѣпь Карпатскихъ горъ приняла

круто направленіе вправо, параллельно теченію Дуная, т.-е. на Западъ. Биваки тяжелые по продолжающемуся дождю, недостатку хвороста и дровъ. Бѣдность жителей, наиболѣе въ землянкахъ живущихъ. Глубокій сонъ въ мокрой постели.

3-го Іюня Воскресенье. Переходъ до Уржичени 24 версты. Степь; позади насъ вправо отдаляющаяся отъ насъ цѣпь горъ.

Thornton. Amrou, dans sa lettre au khalyfe, lui décrit l'Égypte dans les termes suivants: Prince des fidèles, figurez-vous une belle campagne, située entre des déserts et deux rangées de montagnes, dont l'une paraît être des dunes de sable et l'autre ressemble au derrière d'un chameau ou au ventre d'un cheval étique. Toutes ses richesses et toutes ses productions depuis Syène jusqu' à Mencha sont dues à une rivière bienfaisante qui coule majestueusement dans son milieu. Les époques de sa crue et de son écoulement sont aussi régulières que le cours du soleil et de la lune. A une certaine saison de l'année toutes les sources des rivières paient à ce roi des fleuves le tribut annuel que leur à imposé la Providence; alors ses eaux s'élèvent jusqu' à ce qu'elles aient surmonté son lit et couvert toute la terre d'Égypte, déposant sur sa surface un limon producteur. La communication entre les villages se fait alors par le moyen de légers bateaux, qui sont aussi nombreux que les feuilles tombées des palmiers.

Lorsque l'instant est venu où le séjour des eaux n'est plus nécessaire pour fertiliser le sol, le fleuve docile rentre dans les bornes que la nature lui a prescrites, afin que l'on puisse recueillir le trésor qu'il a répandu et le confier au soin de la terre.

Un peuple protégé par le Ciel et qui comme les abeilles semble être destiné à travailler pour autrui sans recueillir le fruit de ses peines, ouvre légérement le sol et, déposant les semences, attend leur fécondation de la bonté de cet Être par Lequel tout germe, s'élève et mûrit. La graine se développe, la tige s'élève, et le blé est formé à l'aide d'une rosée abondante, qui, suppléent aux pluies, entretient l'humidité féconde dont le sol est imbu. Une riche moisson est immédiatement suivie de la stérilité. Ainsi, prince des fidèles, l'Égypte présente alternativement l'image d'un désert poudreux, d'une plaine liquide et argentée, d'un marais noir et gluant, d'une prairie verte et ondoyante, d'un jardin paré de fleurs et d'un champ couvert de moissons jaunissantes. Béni soit le Créateur de tant de merveilles!

Un rapport dans l'histoire de Mahomet II que quand il entra dans le palais désert du dernier de Césars, il répéta sur l'instabilité des grandeurs humaines ce distique persan, aussi élégant que convenable à la circonstance:

L'araignée a tendu ses toiles dans le palais des Césars;
Le hibou est en sentinelle sur les tours d'Afrasiab.

Morceaux tirés des écrivains turcs. La vie humaine n'est que la fièvre de l'ivresse, dont la douceur s'évapore promptement et dont il ne reste que la nausée.

Les ignorants meurent avant le trépas; leurs corps ambulants ne sont que des tombeaux de leurs âmes.

Il n'y a rien de si grand, ni de si utile que les voyages. Quittez donc votre pays et voyagez. Ce n'est qu'en coulant que l'eau conserve longtemps sa limpidité. L'or dans la mine n'est qu'une masse informe, et le bois d'alois, dans la forêt où il s'élève, n'est qu'un arbre ordinaire.

4-го Іюня Понедѣльникъ. Дневка по причинѣ сорваннаго отъ прибывшей въ рѣкѣ Яломицѣ воды моста. Здѣсь оправлялися отъ мокрыхъ и трудныхъ прошедшихъ бивакъ. Трудности походовъ въ этомъ краѣ, обычныхъ для насъ, уже начались. Болѣзни въ Бухарестѣ показавшіяся и даже слухи всегда преувеличенные о чумѣ. Неимѣніе свѣдѣній о военныхъ дѣйствіяхъ въ такой близости отъ оныхъ.

5-го Іюня Вторникъ. Еще дневка по поводу полученныхъ изъ Бухареста извѣстій о показавшихся сомнительныхъ болѣзняхъ. Обѣдъ и большая часть дня у П. П. Загряжскаго пріятно.

6-го Іюня Середа. Переходъ 25 верстъ до Драгоешти див. квартиры. Намъ до Гаджіени. Большой каменный домъ помѣщика раззоренъ Турками. Переправа по мосту чрезъ Яломицу.

7-го Іюня Четвергъ. Дневка. Записки Цесаря. Превосходное описаніе пораженія легата его Куріона съ арміею полководцемъ Юбы Сабурою. Въ сотый разъ читаешь и всегда съ тѣмъ же удовольствіемъ. Жалости достойная потеря отрывковъ изъ сихъ записокъ, ничѣмъ незамѣнимыхъ, между прочимъ изъ дѣйствій Цесаря подъ Диррахіумомъ противъ Помпея. Вечеръ у г. Квитницкаго; вистъ подъ открытымъ небомъ. Ослабѣвающіе слухи о язвѣ въ Бухарестѣ.

8-го Іюня Пятница. Переходъ до Отопени, Жоса и Суси, въ семи верстахъ на Западъ отъ Бухареста 30 верстъ. Край орошаемый протекающими наиболѣе съ Сѣверо-Запада рѣками; частыя и красивыя рощи; селенія бѣдныя и много отъ сосѣдства съ Дунаемъ, еще непокореннымъ, потерпѣвшія и отъ близости военныхъ дѣйствій. Непріятная неизвѣстность объ нихъ. Вижу первыхъ Арнаутовъ для охраненія съѣстныхъ запасовъ нашихъ, диваномъ употребляемыхъ.

9-го Іюня Суббота. Дневка. Новороссійскій полкъ съ двумя орудіями отряжается на подкрѣпленіе отряду кн. Горчакова, дѣйствующему на правомъ флангѣ арміи, въ Малой Валахіи. Поѣздка въ Бухарестъ. Прощаніе съ корпуснымъ командиромъ Н. П. Бороздинымъ. Онъ объявилъ мнѣ желаніе свое имѣть меня начальникомъ штаба. Язва въ городѣ по мнѣнію многихъ; одинъ пустой и вредный страхъ по мнѣнію другихъ. Строгія противъ нея принятыя предосторожности. Взятіе Браилова на капитуляцію послѣ отбитаго штурма. Смерть генераловъ Вольфа и Тимрота. Встрѣча съ Менцингомъ, знакомымъ изъ Мюнхена, съ генераломъ Гейсмаромъ, съ трудомъ узнавшимъ меня.

10-го Іюня Воскресенье. Полкъ выступилъ въ Презычени, на рѣкѣ Аржисѣ, 35 верстъ. Простился съ П. П. Загряжскимъ. Между рѣками Дембовицей и Аржисомъ прекрасный край, покрытый селеніями весьма частыми, красивыми рощами: поля лучше обработанныя. Хорошо одѣтые по воскресному жители. Въ 6 ч. пріѣхалъ съ П. Кельнеромъ на дрожкахъ; застали полкъ на квартирахъ.

11-го Понедѣльникъ. Рано выкупался въ быстромъ Аржисѣ. Переходъ до Бача 35 верстъ. Бѣдное селеніе. Наступили сильные жары.

12-го Вторникъ. Переходъ до Лада 20 верстъ. Душный зной.

13-го Середа. До Текуча 28 верстъ; утомительный жаръ. Встрѣча курьера Шамшукова, ѣдущаго изъ отряда князя Горчакова, находящагося подъ Калафатомъ. Частыя стычки съ Турками. Чрезвычайно бѣдныя и неопрятныя избы здѣшнихъ жителей. Буря промочила меня, разрушивъ мой недоконченный бивакъ.

14-го Іюня Четвергъ. Дневка. Выбрался на бивакъ въ рощу. Критическій разборъ сочиненія графа Сегюра: Наполеонъ

и большая армія въ Россіи, генераломъ Гурко съ удовольствіемъ и пользою занялъ мои всѣ свободные часы. Пасмурный и по временамъ дождливый день.

15-го Іюня Пятница. Переходъ до с. Гречи 25 верстъ. Первый прохладный день съ давняго времени, и оттого переходъ показался прогулкой. Квартира въ ханѣ всему штабу, то есть въ постояломъ дворѣ каменномъ, обширномъ и прочно выстроенномъ бояра Филиппа. Здѣсь въ окружности Турки, дней восемь тому назадъ, изъ крѣпостцы Турна дѣлали поиски для провіанта и фуража.

16-го Іюня Суббота. Переходъ до Бранковени 22 версты. Въ Ипотешти переправа на паромахъ чрезъ быструю Алуту. Здѣсь встрѣчены адъютантомъ князя Горчакова Ганомъ. Лѣвый берегъ высоко командуетъ правымъ. Квартира въ монастырѣ, управляется архимандритомъ. Воды изъ нѣсколькихъ фонтановъ бьютъ отмѣнныя, какъ чистѣйшій хрусталь. Развалины огромнаго замка прежнихъ князей Бранковенскихъ. Здѣсь началась Малая Валахія.

17-го Воскресенье. Переходъ до Бальша. Ужасная гроза съ крупнымъ и порывистымъ градомъ остановила шедшій полкъ, и до костей всѣхъ пробила.

18-го Понедѣльникъ. Дневка. Здѣсь рѣка Малая Алута довольно значительная. Карантины противъ усилившейся въ Бухарестѣ язвы, на Алутѣ учрежденные, для предохраненія Малой Валахіи.

19-го Вторникъ. Переходъ до Краіова. Опасная дощатая мостовая. Жители, Турками устрашенные, начинаютъ возвращаться. Городъ лежитъ въ пріятной долинѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной цѣпію пригорковъ, отчасти виноградомъ покрытыхъ. Князь Горчаковъ, начальникъ отряда, смѣняется Гейсмаромъ. Встрѣча съ Каверинымъ.

20-го Іюня Середа. Переходъ до Чароя 50 верстъ. Привалъ въ Радовани, близъ лагеря резерва князя Горчакова, въ 55-ти верстахъ отъ Калафата, который ему поручено наблюдать въ хорошей и безполезной позиціи. Свиданіе съ нимъ весьма съ обѣихъ сторонъ холодное; совершенное отсутствіе довѣренности къ нему войскъ и жителей. Радость первыхъ при извѣстіи о назначеніи къ нимъ генерала Гейсмара въ начальники.

21-го Четвергъ. Начало службы для полка на передовыхъ постахъ. Смѣна Курляндскаго уланскаго полка. На вчерашнемъ еще переходѣ гребень Балканскихъ горъ обозначился въ воздушной дали, мглою покрытой. Противуположный возвышенный берегъ Дуная по лѣвую руку явственно. Выступленіе Курляндскаго уланскаго полка въ соединеніе съ корпусомъ генерала Рота. Заняли ихъ лагерь. Первый объѣздъ пикетовъ на правомъ флангѣ лагеря и въ тылу.

23-го Суббота. Назначенъ непремѣннымъ начальникомъ передовыхъ постовъ съ казачьимъ подполковника Золотарева 4-мъ полкомъ и съ эскадрономъ капитана Петерса Новороссійскаго драгунскаго полка. Въ 10 ч. утра выступилъ съ отрядомъ за 8 верстъ впередъ до Боелешти. Расположился, не доходя четверть версты до селенія, на чистой равнинѣ своими постами вокругъ, верстъ на десять и болѣе. Отправилъ два разъѣзда съ офицерами въ с. Пояны и Маглавитъ въ 3 ч. пополудни. Объѣздъ дневныхъ и потомъ ночныхъ постовъ. Мечети Ломъ-Паланки за Дунаемъ въ виду.

24-го Іюня Воскресенье. На разсвѣтѣ возвратились разъѣзды благополучно, доѣхавъ до назначенныхъ мѣстъ и съ извѣстіями согласными. Весь почти Виддинской гарнизонъ перешелъ въ Калафатъ; сей послѣдній продолжаютъ укрѣплять. Разъѣзды ихъ также пріѣзжаютъ въ помянутыя селенія, весьма сильные и иногда съ орудіями. Изъ нихъ же забираются работники, также разные съѣстные припасы и деньги съ насильствомъ. Весь отрядъ генерала Гейсмара и онъ самъ прибыли въ мой лагерь. Вышелъ, усиленный двумя ротами пѣхоты Колыванскаго полка съ двумя орудіями пѣшей артилеріи составить за селеніемъ авангардъ.

25-го Понедѣльникъ. Въ 8 ч. утра выступилъ въ боевомъ порядкѣ до Поголенца. Душный зной и безводье совершенное на всемъ разстояніи чрезвычайно утомили войска, особливо пѣхоту; двое умерли отъ истощенія на дорогѣ. Въ Маглавитѣ на Дунаѣ остановился для освѣженія войскъ и полученія о непріятелѣ свѣдѣній. Въ шесть часовъ выступилъ и занялъ совершенно скрытую позицію, не доходя четверти версты до селенія, правымъ флангомъ къ крутому берегу Дуная, лѣвымъ къ чистой равнинѣ. Пикеты за селеніемъ. Ночь въ готовности.

26-го Іюня Вторникъ. Въ 3 ч. утра выступили къ Калафату. Жаръ начался съ разсвѣта. На четвертой верстѣ схватили Турецкаго муллу, который высматривалъ наше движеніе.—Дѣло подъ Калафатомъ. Отрядъ выступилъ изъ селенія Поголенцовъ въ слѣдующемъ порядкѣ: авангардъ подъ моимъ начальствомъ, состоявшій изъ казачьяго Золотарева 4-го полку, впереди; за нимъ двѣ роты Колыванскаго пѣхотнаго полка съ двумя орудіями пѣшей артилеріи между ими; эскадронъ Новороссійскаго драгунскаго полка сзади. Коръ-де-баталь изъ наличнаго числа пѣхоты и пѣшей артилеріи, Курляндскаго уланскаго полка съ двумя орудіями Донской артилеріи *); резервъ изъ Новороссійскаго драгунскаго полка съ двумя орудіями конной артилеріи, отъ коего одинъ эскадронъ въ аріергардѣ. Не доходя версты четыре до Калафата, усмотрѣли непріятеля, выходившаго изъ укрѣпленій на весьма выгодную позицію, во многихъ колонахъ кавалеріи и пѣхоты, лѣвый флангъ къ Дунаю, центръ и правый флангъ на высотахъ, укрѣпленія Калафата за линіей. Нашъ боевой порядокъ: правый флангъ къ Дунаю примкнутой и центръ весь изъ пѣхоты и пѣшей артилеріи, первая въ кареяхъ, артилерія между оными, эскадронъ драгунъ; лѣвый флангъ изъ всей кавалеріи, двухъ гренадерскихъ ротъ и четырехъ орудій конной артилеріи. Едва только авангардъ сталъ вступать на позицію и занялъ берегъ Дуная, какъ подплывшая канонерская лодка открыла по немъ изъ мортирокъ и изъ ружей огонь; нѣсколько выстрѣловъ пушечныхъ и ружейныхъ достаточны были, чтобы заставить оную и еще двѣ за нею плывшія удалиться и остаться издали зрителями сраженія. Начальникъ отряда, рѣшась атаковать правый флангъ непріятеля, со всею кавалеріею кромѣ одного эскадрона и двумя орудіями конной артилеріи, двинулся впередъ; тогда непріятельская кавалерія вышла къ нему навстрѣчу въ гораздо превосходнѣйшемъ числѣ и отчаянно его атаковала. Жестокое кавалерійское дѣло началось. Три эскадрона уланъ и два драгунъ нѣсколько разъ дѣлали атаки на толпы наѣздниковъ и всегда съ успѣхомъ; превосходство числа позволило имъ одну минуту охватить пра-

*) Курляндскій уланскій полкъ обращенъ для этого случая съ похода.

вый флангъ нашей конницы; но генералъ Гейсмаръ, взявъ двѣ гренадерскія роты, подвелъ ихъ на 60 шаговъ, велѣлъ открыть батальный огонь и кинуться впередъ и въ тоже время всей кавалеріи кромѣ эскадрона драгунъ, въ резервѣ оставленнаго, атаковать. Все это было исполнено быстро и рѣшительно. Непріятель опрокинутъ, разсѣянъ и преслѣдованъ почти до самыхъ окоповъ. Вмѣстѣ съ этимъ вся линія пѣхоты съ артилеріею тронулась впередъ, не смотря на сильный огонь непріятельскихъ батарей. Наша артилерія, подошедши къ позиціи непріятельской ближе, открыла по ней огонь столь удачно, что въ короткое время нѣсколько орудій было подбито и всѣ прочія вогнаны въ укрѣпленія, въ которыя ядра наши попадать начали. Тогда вся пѣхота и кавалерія, высоты прикрывавшая, въ безпорядочномъ бѣгствѣ скрылась отъ глазъ. Цѣль г-ла Гейсмара была достижена: рекогносцировка укрѣпленій и окружностей и приведеніе въ ужасъ непріятеля, который такъ былъ великъ, что по возвращеніи отряда въ с. Маглавитъ, оставшись съ авангардомъ въ виду Калафата до 6-го часу вечера, никто не отважился выдти изъ укрѣпленій, ниже выставить пикетовъ. Одинъ только подкрался, чтобы высмотрѣть съ близи наши войска, и казаками пойманъ и убитъ. Уронъ нашъ состоитъ въ двухъ оберъ-офицерахъ раненыхъ. Нижнихъ чиновъ убитыхъ и раненыхъ до 80-ти, лошадей около 50-ти. Турки потеряли до 400 человѣкъ изъ бою вонъ. Начальникъ кавалеріи *Омеръ - Бей*, аянъ или губернаторъ Касторіи, убитъ. Прекрасный собой пажъ его, подлѣ его сражавшійся, взятъ въ плѣнъ. Зной во весь день былъ палящій; на вчерашнемъ переходѣ и въ нынѣшнемъ дѣлѣ восемь человѣкъ въ походѣ умерло отъ жару. Прибывъ съ авангардомъ въ бивакъ подъ с. Поголенцы, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ ночей почти безъ сна проведенныхъ, проспалъ часовъ шесть покойно, почти раздѣтый, и далъ отдохнуть войскамъ, прошедшія ночи въ ежеминутной готовности бывшимъ.

27 Іюня Середа. Рано по утру позванъ къ начальнику отряда г-лу Гейсмару. Сочиненіе донесено. Подтвержденіе отъ бѣжавшихъ изъ Калафата объ ужасѣ тамъ господствующемъ. Пріятный отзывъ и представленіе обо мнѣ особенно. Курляндскій уланскій полкъ завтра насъ оставляетъ по настоятельному требованію г-ла Бороздина.

28 Іюня. Четвергъ. День отдохновенія. Большую однако его часть провелъ въ Маглавитѣ у генерала въ занятіяхъ по его порученіямъ. Съ вечера выслалъ засаду казаковъ, чтобы сорвать Турецкій пикетъ, въ случаѣ они бы выслали.

29. Пятница. Ѣздилъ смотрѣть дѣйствіе засады; нашелъ се дурно и робко поставленную. Турки остереглись. Скоро потомъ показалась большая лодка, плывшая вверхъ по Дунаю и противнымъ вѣтромъ задержанная. Два конныхъ орудія съ острова открыли по ней огонь, зажгли ее, и Турки, поставивъ судно на мель, ушли на свой берегъ. Я послалъ казаковъ привезти ее, но нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ съ берега устрашили ихъ. Казаки нынѣшній день отважностью не отличились и наказаны передъ товарищами въ полку. Два раза ѣздилъ къ генералу. Намѣреніе взять приступомъ Калафатъ въ слѣдствіе полученнаго извѣстія объ умноженіи гарнизона и укрѣпленій отмѣнено. Извѣстія изъ Сербіи объ усиленіи противъ насъ Турокъ и намѣреніи дѣйствовать рѣшительно. Еще причина беречь свои силы и воздержаться отъ предпріятій, которыя и при успѣхѣ должны сопровождены быть урономъ. Вооруженіе Пандуровъ подъ начальствомъ Ехуджера Соломона. Судно Турецкое, догорѣвши до воды, и якорный канатъ также вѣрно сгорѣвши, понеслось внизъ по Дунаю къ Виддину и послужитъ лучшимъ извѣщеніемъ, какое угощеніе ожидаетъ ихъ суда въ дальнѣйшихъ покушеніяхъ пройти вверхъ по Дунаю.

30-го Іюня. Пріятное извѣстіе о взятіи Анапы Меншиковымъ и Грейгомъ, также Тульчи. Повелѣніе отслужить въ войскахъ молебенъ за взятіе какъ сихъ крѣпостей, такъ и Браилова, Исакчи, Кистенджи, Матчина и Гирсова. Въ с. Станаторли, противъ острова, съ котораго сожгли вчера военное Турецкое судно, пришелъ отрядъ пѣхоты съ двумя орудіями 12-ти фунтоваго калибра и открылъ частую пушечную пальбу по пѣхотному взводу и 3-мъ козакамъ, на острову расположеннымъ. Взводъ, какъ безполезный, отправленъ въ лагерь безъ потери. Пріѣхавъ съ однимъ козакомъ на островъ, они продолжали по мнѣ стрѣлять, и на возвратномъ пути — искусство или случай — одно 12-ти фунт. ядро едва въ меня не попало. Я приказалъ поднять его и какъ доказательство калибра отправилъ къ г-лу Гейсмару.

*) Pour les fatigues, si elles n'ont pas été excessives, il faudra dans des jours extraordinaires faire des choses extraordinaires.

Il ne faut jamais s'imaginer avoir tout fait, tant qu'il y a encore quelque chose à faire; et il ne faut pas croire non plus qu'un ennemi un peu habile manque de profiter de vos fautes, quoiqu'il ait été vaincu.

Dans une bataille perdue le plus grand mal n'est pas la perte des hommes, mais le découragement des troupes qui s'ensuit: car quatre ou cinq mille hommes de plus dans une armée de cinquante mille ne font pas une assez grande différence pour pouvoir décourager.

1-го Іюля. Воскресенье. Молебствіе въ 6-ть часовъ утра и 31 выстрѣлъ по случаю взятія крѣпостей.

Le prince Eugène avait coutume de dire, qu'un général qui avait envie de rien entreprendre, n'avait qu'à tenir conseil de guerre.

Турецкая партія въ 100 человѣкъ приходила въ *Пояны*, верстъ 12-ть отъ моего лѣваго фланга, ночью, захватила двухъ гражданскихъ чиновниковъ *зипчи* и трехъ катановъ (выборныхъ) и тотъ же часъ ушла, послѣднихъ на дорогѣ зарѣзала, первыхъ въ Калафатъ увела.—Два конныхъ орудія со взводомъ драгунъ отправлены въ семь часовъ вечера въ *Сальчи*, чтобы потопить канонерскую лодку, противъ этого селенія остановившуюся.

2-го Іюля. Понедѣльникъ. Съ разсвѣтомъ пушечная пальба въ Сальчи. Партія съ урядникомъ Грековымъ-Сиріяновымъ въ *Чепурчени* на Дунаѣ (въ двухъ верстахъ отъ укрѣпленій Калафата) отправленная, возвратилась благополучно. Турецкая лодка, только поврежденная, укрылась для починки за островомъ.

3-го Іюля. Вторникъ. Въ Калафатѣ ночью барабанный бой, ружейные выстрѣлы въ разныхъ мѣстахъ и наконецъ сильная гроза не дали мнѣ эту ночь много покою. Киселеву предложеніе 4-хъ способствовать ему въ назначеніи переправиться за Дунай и усиленнымъ маршемъ идти на Нишъ и Софію во флангъ и тылъ главныхъ силъ непріятельскихъ. Письма съ курьеромъ къ тещѣ, брату Карлу и къ Галагану.

4-го Іюля. Середа. Размѣнъ двухъ захваченныхъ чукоевъ на муллу Іюбъ-еффендія, въ Калафатскомъ сраженіи въ плѣнъ взятаго. Перебѣжавшій къ намъ Болгаръ. Турки готовились сдѣ-

*) Съ боку написано: „ Замѣтка къ дѣлу подъ Калафатомъ.

лать на меня ночное нападеніе, но по неизвѣстной причинѣ въ нѣкоторомъ разстояніи, въ виноградникахъ, остановились. Усугубленіе предосторожностей ночью. Холодное время послѣ чрезвычайныхъ жаровъ. Сегодня большая армія изъ Базарджика выступаетъ въ Шумлу.

5-го Іюля. Четвергъ. Рано показалась возвращающаяся изъ Сальчи Турецкая канонерская лодка и укрылась за островомъ отъ осторожности и сильнаго противнаго вѣтра. Два орудія готовы на полуостровѣ принять ее. Рекогносцировка полуострова. Новыя укрѣпленія съ онаго открывшіяся, отъ Дуная всходящія по берегу онаго до главнаго окопа въ Калафатѣ. Многочисленные и красивые минареты мечетей Виддина.

6-го Іюля. Пятница. Судно Турецкое ночью ушло. Поискъ къ Калафату, до мѣста сраженія, съ козаками и съ эскадрономъ драгунъ. Въ виду укрѣпленій схвачено тридцать человѣкъ жителей Калафатскихъ и нѣсколько повозокъ, на работѣ въ полѣ бывшихъ. По приказанію велѣлъ поджечь хлѣбъ на корню; но, къ удовольствію моему, огонь не принялся; нѣсколько сноповъ только сгорѣло.

7-го. Суббота. Ѣздилъ въ лагерь. Совѣтъ о лучшемъ способѣ стѣснить Калафатъ.

8-го. Воскресенье. Вчера въ 9-ть часовъ вечера, мѣсячною ночью, оставивъ пикеты козачьи на мѣстахъ и войсками изъ лагеря смѣненный, выступилъ я съ авангардомъ для поиска на Турокъ. За полторы версты отъ Поянъ остановился и поѣхалъ отыскать мѣсто для взвода пѣхоты, который долженъ былъ тутъ остановиться и обезпечивать мое возвращеніе. Въ мое отсутствіе фальшивая тревога. Пѣхотный солдатъ съ просонья закричалъ ура, нѣсколько человѣкъ подхватили; къ счастью ни одинъ не выстрѣлилъ. Я не усумнился ни минуты, что тревога фальшивая, не возвращался и продолжалъ вести взводъ въ Пояны. Турокъ не засталъ. Въ прошедшую ночь разбойники сдѣлали набѣгъ на селеніе, грабили, рѣзали. Отъ того я жителей здѣсь никого почти не засталъ: они на ночь уходятъ. Поставивъ постъ, пошелъ съ отрядомъ до Тунаре (двѣ версты оттуда), гдѣ съ пѣхотой, артилеріей и драгунами остановился, а всѣхъ козаковъ отправилъ къ Дунаю съ намѣреніемъ застать Турокъ, сѣнокосомъ занятыхъ или разъѣзды дѣлающихъ. Ничего не нашли. Праздникъ тому

причиной, обстоятельство изъ виду упущенное. Козаки отогнали табунъ лошадей, Калафату принадлежащихъ. Наступилъ необыкновенно знойный день. Въ 4 часа пополудни пикеты извѣстили, что Турки тремя большими толпами и быстро приближаются. Выступилъ изъ Тунаре правымъ флангомъ и въ боевомъ порядкѣ къ Поянамъ, взялъ съ собою свой постъ и, отошедши 6 верстъ, остановился при хорошемъ колодцѣ, какъ для отдыха войскамъ, такъ и для того, чтобы Туркамъ дать время подойти. Весь Калафатъ былъ въ движеніи, но никто вблизи не показывался, такъ что, послѣ двухъ-часоваго привала, я выступилъ и въ восемь часовъ вечера прибылъ въ свой лагерь, успокоивъ тѣмъ отряднаго генерала, съ основаніемъ полагавшаго, что Турки, пользуясь случаемъ, кинутся со всѣми своими силами на мой отрядъ. Пріятный отдыхъ и покойно проведенная ночь—въ первый разъ раздѣтый. Омеръ-бей не убитъ 26-го числа. Другой аянъ легко раненъ.

9-го Іюля. Понедѣльникъ. Зной чрезвычайный; жалѣю, что не взялъ съ собою термометра для опредѣленія степени его. Лошади мучатся и томятся отъ жара и мухъ, особенно нѣжныя и англизированныя, такъ что я на своихъ безъ жалости смотрѣть не могу. Весьма понятна наклонность жителей этого края, то-есть всякаго жаркаго, къ покою и недвижности, если сильная какая-либо причина, нравственная или физическая, не побуждаетъ къ дѣятельности. Здѣсь болѣе могутъ существовать послѣднія. Купался въ Лиманѣ.

10-го Іюля. Вторникъ. Ночь безъ сна провелъ отъ множества комаровъ и, быть можетъ, отъ нездоровья. Въ семь часовъ поѣхалъ къ генералу Гейсмару въ лагерь и провелъ съ нимъ цѣлый день, отъ взаимной довѣренности пріятно. Оставленное формированіе Пандуровъ по политическимъ уваженіямъ. Язва въ Бухарестѣ уменьшается. Дерзкія злоупотребленія здѣшнихъ гражданскихъ чиновниковъ. Слабость управленія каймакана князя Гики. Утомительный до чрезвычайности зной.

11-го Среда. Въ 6-ть часовъ выѣхалъ за Поголенцы и въ выгодномъ мѣстѣ очертилъ полевое укрѣпленіе для двухъ ротъ пѣхоты. Въ 10-ть часовъ ночи съ двумя ротами, подъ надзоромъ и управленіемъ генер. штаба барона Корфа, приступлено къ постройкѣ укрѣпленія.

12-го Іюля. Четвергъ. Въ 6-ть часовъ утра былъ на работѣ въ новомъ укрѣпленіи. Въ 8-мъ въ Маглавитѣ у г-ла Гейсмара и съ нимъ поѣхалъ для выбора мѣста переправы за Дунай. Сильная перестрѣлка на аванпостахъ и присланный оттуда офицеръ козачій Даниловъ съ извѣстіемъ, что Турки своею многочисленною кавалеріею тѣснятъ козачій полкъ, заставили меня поспѣшно возвратиться. Я нашелъ авангардъ въ тревогѣ; козачій полкъ, прижатый уже къ с. Поголенцы, начатое укрѣпленіе въ рукахъ непріятеля. Пѣхоту, артилерію, драгунскій эскадронъ Петерса мимоѣздомъ двинулъ впередъ, козаковъ лавою на рысяхъ заставилъ двинуться. Турки стали отступать на рысяхъ. Эскадронъ быстро выѣхалъ на линію. Бодрость людей заставила меня, не ожидая прочихъ войскъ, послать первый полуэскадронъ въ атаку на превосходнѣйшее въ десятеро число Албанской кавалеріи, Дели называемой. Драгуны неустрашимо врубались въ середину толпищъ ихъ, множество ихъ пиками перекололи и переранили. Другая толпа понеслась было во флангъ первому полуэскадрону, но въ туже минуту я пустилъ на нее въ атаку второй полуэскадронъ. Все смѣшалось, и упорный бой храбрыхъ одного противъ десяти начался. Чрезвычайное это превосходство въ числѣ заставило наконецъ эскадронъ въ нѣкоторомъ безпорядкѣ выскочить изъ сѣчи. Я его остановилъ, выстроилъ; но Турки, устрашенные большимъ урономъ своихъ храбрѣйшихъ наѣзниковъ, не только не посмѣли идти впередъ, но начали отступать подъ прикрытіемъ своей артилеріи, изъ ближняго уже Калафата дѣйствовать противъ насъ начавшей. Пѣхоту и артилерію, какъ уже безполезную, въ боевомъ порядкѣ подходившую, я остановилъ. Одинъ эскадронъ разбилъ три тысячи славной Турецкой кавалеріи. Дѣло для эскадрона блистательное, къ совершенству котораго недостало нѣсколько болѣе устройства, то-есть офицеровъ, способныхъ оное удерживать. Командиръ эскадрона капитанъ Петерсъ отличился блестящею храбростью, переломилъ саблю свою объ шапку наѣзника и срубилъ его. Два юнкера Гарши и Пуцило вели себя пылко и также срубили нѣсколько человѣкъ. Нѣкоторые драгуны сбили одинъ по четыре и по пяти человѣкъ. Восемь изъ храбрыхъ убито въ этой сѣчѣ. Одинъ тажело раненъ; нѣсколько кинжалами и саблями, не признавая ихъ за раны и въ строю оста-

ваясь. Турки скрылись въ Калафатъ. Пріятный и памятный день въ моей жизни! Войска въ энтузіазмѣ побѣды. Г-лъ Гейсмаръ прислалъ мнѣ пистолеты въ знакъ памяти.

13-го Іюля. Пятница. Лестный приказъ о вчерашнемъ дѣлѣ. Признаки общаго уваженія и кое-гдѣ зависти. Одушевленіе войскъ. Плѣнные Турки, въ бѣшенствѣ своемъ, узнавъ, что они имѣли дѣло съ однимъ эскадрономъ и 150 козаками, обнаружили, что ихъ было не менѣе 3-хъ тысячъ и ругали себя нещадно, дорожа еще славою своей конницы. Истинная реляція. Представленіе объ отличившихся. Обѣдъ у г-ла съ каймаканомъ Гикой.

14-го Іюля. Суббота. Придвинулъ весь авангардъ (изъ батальона пѣхоты, двухъ орудій пѣшей и двухъ конной артилеріи, козачьяго Золотарева полка и эскадрона драгунъ состоящій) за Поголенцы и въ виду Калафата близъ новаго укрѣпленія расположился. Кіаіа-бей прислалъ мужика Калафатскаго для развѣданія о нашихъ силахъ, въ чемъ мужикъ мнѣ самъ признался. Зной продолжается чрезвычайный, такъ что днемъ нѣтъ возможности работать въ укрѣпленіи, которое впрочемъ къ окончанію приходитъ. Движеніе Турокъ по ту сторону Дуная, вдоль берега, показываетъ ихъ опасеніе, чтобы мы не переправились.

15-го Іюля. Воскресенье. Отрядный генералъ занемогъ. Турки начали строить батарею противъ нашего укрѣпленія за Дунаемъ. Зависть зашипѣла. Бѣжавшій изъ Калафата конной Болгаръ. Новыя весьма удовлетворительныя подробности о дѣлѣ 12-го Іюля.

16-го. Понедѣльникъ. Письмо отъ г-ла Германа. Три роты пѣхоты и дивизіонъ Каргопольскаго драгунскаго полка насъ усилятъ. Сотникъ Алёнкинъ съ 50-ю козаками отправленъ для наблюденія пространства между рѣками Жіо и Ольтой. Посѣщеніе своему начальнику больному. Обѣдъ у него. Непріятный разговоръ объ усиліяхъ подлой зависти повредить намъ.

17-го Іюля. Вторникъ. Болѣзни умножаются въ войскахъ. Священникъ Новороссійскій умеръ скоропостижно, человѣкъ дородный и силы необыкновенной. Чрезвычайный продолжающійся зной особенно, кажется, дѣйствуетъ вредно на людей тучныхъ. Приказъ высочайшій, чтобы наша кавалерія въ дѣйствіи про-

тивъ Турецкой не занималась фланкировкой и перестрѣлкой, что я уже 12-го исполнилъ и тому блистательнымъ успѣхомъ обязанъ. Также назначена выдача за каждаго плѣннаго Турка, пѣшаго одинъ, коннаго два червонца награжденія. Весьма, по мнѣнію моему, вредное положеніе, по опыту дознанное. 12-го ни одинъ драгунъ не занимался добычей или плѣнными, а сбивъ пикой Турка съ лошади, скакалъ далѣе. Теперь можетъ быть иначе. — Въ 4 часа пополудни Калафатскій гарнизонъ вышелъ, и Турецкая кавалерія въ большомъ числѣ начала сбивать наши пикеты. Я вывелъ авангардъ въ боевомъ порядкѣ эшелонами, правый флангъ впереди и въ укрѣпленіи, отказывая лѣвый. Едва я выстроился, какъ страшная буря съ градомъ налетѣла, какой не помню: палатки, шалаши изодраны, разбросаны. Турки скрылись въ укрѣпленія. Весь отрядъ, по уничтоженіи бурею шалашей, пришелъ на мѣсто авангарда, который впередъ еще тронулся. Ночью дурныя вѣсти изъ Чернеца отъ Пузанова. Турки переправились, его разбили или, лучше сказать, онъ самъ своею оплошностію себя разбилъ.

18-го Іюля. Середа. Выбравъ новое мѣсто для авангарда, занялъ его. Холодное время.

19-го. Занемогъ сильно. Выступилъ однако ночью съ не-небольшимъ отрядомъ изъ двухъ съ половиною ротъ пѣхоты, двумя пушками и тремя взводами драгунъ противъ Чернеца. Часть ночи чрезвычайно темная; дождь, неопытность офицеровъ и моя слабость сдѣлали для меня эту ночь одною изъ жесточайшихъ въ жизни. Дошелъ до Куммира.

20-го Іюля. Пятница. Переходъ до Букóра. Сильно занемогъ, но долженъ былъ часть ночи писать и разныя дѣлать распоряженія. Непріятеля нѣтъ уже въ Чернецѣ; онъ 17-го же переправился обратно за Дунай.

21-го. Суббота. Прибыли эскадронъ к. Пузанова и рота пѣхоты, въ Чернецѣ бывшая; въ 6 ч. вечера выступилъ съ отрядомъ назадъ.

22-го. Воскресенье. Пришелъ съ кавалеріею впередъ въ лагерь. Жестокій припадокъ лихорадки.

23-го. Понедѣльникъ. Всѣ трое моихъ людей занемогли лихорадкой же; въ эскадронѣ к. Петерса всѣ офицеры до одного и 28 драгунъ. Страшный климатъ. Сочиненія m-me Riccoboni.

25-го. Середа. Тяжелые дни, проведенные въ безпорядочныхъ грезахъ мучительной лихорадки.

27-го. Пятница. На зарѣ Турки напали на взводъ драгунъ, въ *Сакахъ* для прикрытія сѣнокошенья расположенный; потеря еще въ точности неизвѣстна. Лодка, ночью подъѣхавшая къ пѣхотному посту на островѣ, ранила залпомъ 4 человѣка. Начальникъ взвода въ Сакахъ поручикъ Троцкой въ своемъ шалашѣ изрубленъ; капитанъ-исправнику, управлявшему сѣнокошеньемъ, голова отрѣзана. Никакихъ извѣстій изъ главной квартиры. Упадокъ духа послѣ болѣзни. Всѣ эти дурныя вѣсти, неполученіе ни одного письма изъ Россіи съ выхода изъ границъ, привели меня въ необыкновенно-унылое состояніе духа, бездѣйствіемъ еще болѣе питаемое.

28-го Іюля. Суббота. Слабость тѣлесная, ея вліяніе на духъ. Клейстъ доставилъ нѣкоторое развлеченіе, хотя и его сочиненія дышатъ какимъ-то чувствомъ унынія. Вечеромъ посѣщеніе генералу. Слухъ о переходѣ арміи чрезъ Балканы. Общая усталость. Еще человѣкъ съ конюшни занемогъ лихорадкой и отосланъ.

29-го Іюля. Воскресенье. На разсвѣтѣ извѣстіе, что партія Новороссійскихъ драгунъ, въ Сальчи посланная, наткнулась съ обычною этому полку неопытностію на Турецкую превосходнѣйшую. Полъ-эскадрона и 15 козаковъ поскакали ее выручить, но вѣрно уже не безъ потери. Турки въ большемъ числѣ вышли на пикетъ и заняли нашъ курганъ; ѣздилъ смотрѣть ихъ; они скоро отошли сами. Малая война въ ихъ пользу. Курьеръ возвратился изъ главной квартиры; 20-го этого мѣсяца она была подъ Шумлой. Бороздинъ приказалъ благодарить, и меня въ томъ числѣ, за дѣла 26-го прошедшаго и 12-го нынѣшняго мѣсяца. Генералъ-маіоръ Гейсмаръ получилъ звѣзду Анненскую, алмазами украшенную, за Слободзею и Журжу. Реадъ, флигель-адъютантъ, убитъ. Ожидаютъ резервы и гвардію, чтобы рѣшительнѣе дѣйствовать. Больныхъ въ большой арміи множество. Посѣщеніе вечеромъ генералу. Ощущеніе возвращающагося здоровья.

30-го Іюля. Понедѣльникъ. Рано поутру осмотрѣлъ аванпосты. Турки только что выѣзжали на пикетъ. Oesterreichischer Beobachter и Gazette de Pétersbourg заняли часть утра. Каподистрія утверждаетъ искусно свою власть въ Греціи. Донъ-

Мигюель въ тяжелой борьбѣ съ конституціонною стороною народа. Во Франціи видимые успѣхи и навыкъ новаго порядка вещей. Въ Англіи вниманіе парламента, обращаемое на 80 милліоновъ подданныхъ въ Остъ-Индіи, по сіе время исключительнымъ правамъ компаніи слишкомъ преданныхъ. Допущеніе къ равенству политическихъ правъ католиковъ въ парламентѣ, кажется, къ созрѣнію приходитъ.—Утомительная жизнь въ лагерѣ, когда положеніе неприступное непріятеля и ограниченность способовъ обуздываютъ предпріимчивость, безъ книгъ, безъ товарищей, безъ извѣстій и не зная когда, не говорю уже, какой этому конецъ будетъ. Посѣщеніе генералу Гейсмару. Наконецъ первое послѣ перехода за границу письмо отъ моей старушки-матери, отъ брата Карла и сестры Маріи. Ни слова о Николинькѣ: дурное предзнаменованіе. Боже, отврати его и спаси малютку, единственное мое утѣшеніе! Множество писемъ, отправленныхъ братомъ въ полевой почтамтъ, тамъ задержаны или пропали. Жестокая беззаботливость.

31-го Іюля. Вторникъ. Все тихо на передовыхъ постахъ. День провелъ, весьма жаркій, въ писаніи писемъ къ брату, матушкѣ, сестрѣ, Андр. Ив. Маркевичу, Шереметевой, П. Г. Галагану, къ тещѣ; вечеромъ отправлены. Въ часъ пополудни канонерская лодка подъѣхала и стала стрѣлять по купавшимся людямъ, но безъ вреда. Два выстрѣла заставили ее скрыться за островъ. Отрядъ маіора Даниловича появленіемъ своимъ заставилъ переправившихся въ Раховѣ Турокъ уйти. Направленіе, ими принятое на Краіовъ, въ тылу у насъ, безпокоило. Больные умножаются. Вечеромъ посѣщеніе генералу Гейсмару.

1-го Августа. Середа. Прекрасный день, не слишкомъ жаркій. Канонерская лодка приблизилась къ полуострову и открыла огонь по купавшимся рядовымъ и по рабочимъ, дернъ для окопи рѣзавшимъ. Выстрѣлами изъ одного орудія, хорошо направленными, прогнана. Трехъ-фунтовыя ихъ ядра ложились близъ моего шалаша. Долго съ той стороны стрѣляли они изъ пушекъ по пикету. Въ 11-ть часовъ ночи выступилъ съ авангардомъ усиленнымъ Новор. др. полка еще однимъ эскадрономъ, чтобы потревожить Калафатскій гарнизонъ. Оставивъ пѣхоту съ двумя орудіями на позиціи въ двухъ верстахъ отъ Калафата съ козачьимъ Золотарева полкомъ и двумя эскадронами

драгунъ, пошелъ къ укрѣпленіямъ. Дошедши на пушечный выстрѣлъ, отправилъ эсаула Жирова съ сотнею козаковъ къ самому Калафату. Пикетовъ ночныхъ непріятель не имѣетъ; пѣшіе часовые стоятъ у самаго рва. Подъѣхавъ къ нимъ близко, одинъ часовой выстрѣлилъ; козаки ему отвѣчали. Страшный вопль и крикъ раздался по всѣмъ укрѣпленіямъ; но напрасно около двухъ часовъ ожидали, чтобы кто-нибудь вышелъ; въ 2 часа ударили у Турокъ въ барабаны, но все никого не было, такъ что я рѣшился, чтобы не дождаться зари и не показать всѣхъ моихъ силъ, возратиться въ лагерь, куда и прибылъ въ половинѣ четвертаго.

2-го Августа. Четвергъ. Государь Императоръ 21-го Іюля оставилъ лагерь подъ Шумлой и отправился въ Варну, оттуда въ Одессу, чтобы дать время гвардіи, голова которой достигла Дуная, стянуться.

Ридигеръ занялъ своимъ авангардомъ Эскистамбулъ, въ тылу Турецкой арміи на Константинопольской дорогѣ. Графъ Ланжеронъ назначенъ вмѣсто г-ла Бороздина начальникомъ войскъ въ Молдавіи и обѣихъ Валахіяхъ. Графъ Паскевичъ взялъ штурмомъ Турецкую крѣпость *Карсъ* по дорогѣ въ Эрзерумъ. Множество трофеевъ; паша и около 1200 взяты въ плѣнъ.

Начало разладицы; кажется, не съ моей стороны вина. Командиръ л. э. Новороссійскаго драгунскаго полка капитанъ Кравковъ, сложенія и силы обѣщавшей ему, казалось, сто лѣтъ жизни, вчера умеръ въ Краіовѣ, отъ болѣзни въ лагерѣ полученной.

Сильные жары продолжаются.

3-го Августа. Пятница. Турки послѣ ночной экспедиціи не показываются, ниже канонерскія ихъ лодки.

Кампанія, кажется, затянулась. Болѣзни продолжаются. Въ одномъ эскадронѣ авангарда 41 человѣкъ, въ томъ числѣ 10 унтеръ-офицеровъ. Прочелъ 1-й томъ Histoire abrégée des traités de paix entre les puissances de l'Europe depuis la paix de Westphalie par Koch. Достать въ библіотеку. Посѣтилъ вечеромъ г-ла Гейсмара—разрушенная взаимная довѣренность. Примѣры весьма забавные разсѣянности г. Ланжерона.

4-го Августа. Суббота. Печальное предчувствіе меня не обмануло: у меня нѣтъ прекраснаго моего малютки. Богу угодно было взять его у меня. Да будетъ святая Его воля! И такъ

на 39-мъ году одинокій, безъ состоянія, безъ друзей, гонимый верховною властію! Строги испытанія Твои о Господи! На Тебя моя надежда!

Письма отъ брата Карла и Шереметевой. Отъ нея роковое извѣстіе.

Бюллетень большой арміи до занятія позиціи подъ Шумлой.— Кромѣ гвардіи, 2-й корпусъ подъ начальствомъ князя Щербатова идетъ въ подкрѣпленіе дѣйствующей арміи.

Въ Калафатѣ батальный огонь пѣхоты и три выстрѣла изъ пушки: пріѣздъ ожидаемаго паши Галета, прибытіе подкрѣпленія или полученіе какого либо пріятнаго для нихъ извѣстія. Экспедиція въ Пояны отложена, чтобы выждать послѣдствія. Потемкинъ назначенъ вмѣсто покойнаго г-ла Корнилова начальникомъ войскъ подъ Журжей. Дивизія 2-го корпуса назначена въ подкрѣпленіе войскамъ обѣихъ Валахій.—Посѣщеніе вечеромъ г-лу Гейсмару.

5-го Августа. Воскресенье. Горькое пробужденіе. Скорое успокоеніе, съ Неба и изъ глубины сердца вызванное. Покорность неисповѣдимой волѣ Промысла.

Турки спокойны послѣ ночной тревоги и встрѣчи, канонерской лодкѣ сдѣланной.

Я не угадалъ: кавалерія Турецкая въ часъ пополудни вышла, часа два простояла противъ нашихъ пикетовъ и ушла. Потомъ показалась лодка, которая тоже при появленіи орудія за островъ и потомъ совсѣмъ скрылась отъ одного выстрѣла. Догадка моя была справедлива: пальба вчерашняя была для встрѣчи прибывшаго паши съ Албанскою конницею; число еще неизвѣстно. Болѣзни и смертность у Турокъ. Часть вечера у г-ла Гейсмара.

6-го Августа. Понедѣльникъ. Холодная ночь, такъ что пѣхота, легче одѣтая, вмѣсто отдохновенія, грѣлась. Пасмурный, дождливый и холодный день.

Описаніе въ Beobachter бунта Босняковъ противъ своего паши, назначеннаго идти въ Сербію и Виддинъ съ 40 тысячами войска. Это происшествіе вовсе неожиданное избавило насъ вѣроятно отъ весьма затруднительнаго положенія, — не только нашъ отрядъ и войска обѣихъ Валахій, но и большую Задунайскую армію.

Въ Португаліи конституціонная армія разбита или лучше сказать почти безъ бою разсѣяна, и Донъ-Мигюель провозглашенъ неограниченнымъ королемъ.

Франція посылаетъ экспедицію въ Морею подъ начальствомъ генерала Мезона. Англія посылаетъ войска въ Ирландію для укрощенія безпорядковъ, тамъ возникшихъ по случаю выбора въ члены парламента католика Оконнеля.

7-го Августа. Вторникъ. Въ 10-ть часовъ ночи вышедшій изъ Калафата обыватель явился ко мнѣ съ извѣстіемъ, что Турки, усилившись прибытіемъ трехъ пашей съ Албанцами, артилеріей изъ Константинополя и почти всѣми Виддинскими жителями, въ Калафатъ перешедшими, въ числѣ всего не менѣе 30 т., намѣрены на зарѣ, атаковавъ насъ въ позиціи подъ Голенцами, направить часть своей конницы на Пояны, Саки и Боелешти во флангъ и тылъ отряда. Кромѣ огромной несоразмѣрности числа въ пользу непріятеля, таковая же и въ разсчетѣ послѣдствій сраженія: Турки разбитые укрывались бы въ близкихъ укрѣпленіяхъ Калафата; мы же въ такомъ случаѣ должны были погибнуть до послѣдняго и съ нами по крайней мѣрѣ Мал. Валахія. Донесенія разъѣздовъ и замѣчанія пикетовъ согласовались съ симъ извѣстіемъ; генералъ рѣшился отступить ночью же до Чароя. Мнѣ порученъ былъ арьергардъ. Я выступилъ въ часъ ночи. Около осьми часовъ утра, не доходя нѣсколько верстъ до Чароя, всѣ курганы, отъ Боелешти до моей дороги, покрылись пикетами Турецкими. Полуэскадронъ въ Сакахъ стоявшій едва успѣлъ во время присоединиться ко мнѣ. Извѣстіе Калафатскаго жителя было справедливо, и мы ему вѣроятно весьма много обязаны. Движеніе это стоило намъ одного казака, который убитъ, одинъ драгунъ по оплошности попалъ въ плѣнъ; но огромные запасы сѣна, большое количество ячменя, множество скота, купцамъ принадлежавшаго, достались въ руки непріятелю. Конница его показалась для рекогносцировки передъ Чаройскимъ лагеремъ; не желая допустить ихъ долго осматривать, приказалъ я казакамъ согнать ихъ съ кургана, что̀ тотъ же часъ исполнено; Турки уже отступали.—Ночь съ генераломъ въ моемъ шалашѣ. Насъ всего 2300 человѣкъ.

8-го Августа. Середа. Боелешти заняты казаками. Турки отступили къ Калафату, занявъ нашъ окопъ въ Голенцахъ. Ла-

герь сожженъ. На правомъ флангѣ казаки заняли Галичъ, на лѣвомъ Катаны.

9-го. Четвергъ. Письмо Ланжерона къ Гейсмару одобрительное, привѣтливое и подкрѣпленіе обѣщающее.

10-го. Пятница. Рапортъ отъ Щукина. Едва онъ вслѣдствіе повелѣнія оставилъ Чернецъ и отошелъ три версты, какъ увидѣлъ въ огнѣ городъ, с. Симеони и свой лагерь. Партіи Турецкія на флангахъ и въ тылу.

11-го. Суббота. По газетамъ произведено ровно 12-ть полныхъ генераловъ. Краіовъ въ страхѣ; жители почти насильно каймаканомъ удерживаются.

13-го. Печаль, днемъ преодолѣнная, въ тревожныхъ снахъ возобновляется. Омеръ-Вріоне въ Виддинѣ, ложный слухъ.

14-го. Вторникъ. Пріѣздъ г. Ланжерона. Съ нимъ г. Толстой флигель-адъютантъ и Мухановъ, старый знакомый.

15-го. Середа. Въ 5 ч. утра отъѣздъ г. Ланжерона. Извѣстія изъ дѣйствующей арміи, съ моими предположеніями согласныя. Сербы приглашаются, наконецъ, къ содѣйствію. Не поздно-ли? Въ 8 ч. извѣстіе съ аванпостовъ, что конница Турецкая въ большомъ числѣ пришла въ *Галичъ*, на правомъ нашемъ флангѣ, и въ равномъ уже разстояніи отъ Краіова, какъ и Чарой. Опасность этого движенія побудила генерала Гейсмара отправить меня въ Краіовъ одного, чтобы принять начальство надъ тамошнимъ отрядомъ. Я выѣхалъ въ лихорадкѣ; почтовая здѣшняя каруца меня не облегчила. Въ 2 ч. пріѣхалъ въ лагерь въ Житяны больной совершенно, вступилъ однако въ командованіе, продиктовалъ не безъ труда рапортъ г. Ланжерону о цѣли моего сюда прибытія, маіору Середину о поспѣшномъ отступленіи изъ Гоюша по Чернецкой дорогѣ. Пріѣздъ ко мнѣ каймакана Гики съ извѣстіемъ о страшной тревогѣ въ городѣ. Въ семь часовъ вечера выступилъ съ отрядомъ на переправу въ Брясты, откуда ожидаютъ Турокъ. Тяжелый для меня переходъ: очень боленъ. Къ счастію, въ *Чернѣлахъ*, гдѣ остановился на ночлегѣ, нашлась изба, первая которую послѣ давняго времени вижу и въ которой провелъ изрядно ночь. Жители Краіова разбѣжались.

16-го Августа. Четвергъ. Въ 7 ч. утра выступилъ изъ Чернѣлъ, недовольный отдаленіемъ отъ Житянской переправы и другихъ пунктовъ, и въ самомъ дѣлѣ едва отошелъ 6 верстъ,

какъ въ двухъ верстахъ всего отъ Краіова, противъ *Ліамны*, увидѣлъ нѣсколько тысячъ Турецкой конницы, оканчивающей свою переправу въ бродъ чрезъ рѣку Жіо. Не смотря на огромное превосходство непріятеля, я пошелъ съ шестью взводами Каргопольскихъ драгунъ, двумя ротами пѣхоты и двумя орудіями артилеріи прямо на переправу. Турки не ожидали никого найти; они были изумлены, стали отступать. Я спустился къ берегу рысью съ артилеріею; пѣхота бѣгомъ на рѣку въ двухъ кареяхъ; драгуны сзади. Турки въ эту минуту, видя меня на совершенно открытомъ мѣстѣ, кинулись было впередъ; но я приказалъ быстро снять съ передковъ и открыть по толпамъ ихъ огонь. Нѣсколько гранатъ, среди ихъ лопнувшихъ, привели ихъ въ страшный безпорядокъ; они закружились среди рѣки и потомъ во весь опоръ, тѣсня одинъ другаго, поскакали назадъ, не слушая ни просьбъ, ни угрозъ Кіаія-бея, котораго я узналъ. Краіовъ спасенъ. Прибытіе всего отряда. Сильный пароксизмъ.

18-го, 19-го, 20-го, и 21-го. Дни и ночи, проведенные наиболѣе въ страданіи, грезахъ и въ забытьи.

22-го. Середа. День коронаціи. Наконецъ нѣсколько часовъ сна. Пробужденіе съ пріятнымъ чувствомъ примѣтнаго облегченія. Прекрасный утренній воздухъ; упоеніе имъ. Перечиталъ письма. Проснувшіяся живыя и незабвенныя воспоминанія прекраснаго утра въ Тростянцѣ и вообще въ Малороссіи. Благословенный край!

23-го Августа. Четвергъ. Примѣтное облегченіе. Обѣдъ у меня съ прочими. Всѣ адъютанты генерала Гейсмара занемогли. Множество прибывающихъ больныхъ. Вечеромъ ароматическая ванна. Смерть Конст. Бенкендорфа въ Праводахъ. Новая неудача.

24-го. Упадокъ духа. Опытъ безуспѣшный отвѣчать на письма. Ephigénie Расина нѣсколько разсѣяла. Ни откуда извѣстій.

25-го. Суббота. Первая хорошо проведенная ночь. Malte-Brun. Замѣчательный разборъ географіи Геродота и Страбона.

26-го. Нравственная усталость. Дѣло подъ Силистріей у генерала Рота. День Бородинскій.

27-го Августа. Пасмурный день, МалтъБрюну обязанъ, что не вовсе пустой. Пріѣздъ ввечеру барона Гейсмара. Затруднительное нынѣшнее его положеніе. Осужденіе праздными и ничтожными людьми поступковъ дѣятельнаго и предпріимчи-

ваго человѣка. Послѣдствіемъ разговора была слѣдующая записка моя, въ промежуткѣ двухъ пароксизмовъ ночью написанная:

„Свѣдавъ, что нѣкоторые военные чиновники, по невѣдѣнію ли обстоятельствъ или по непріязни, осуждаютъ дѣйствія отряда въ Малой Валахіи и именно что начальникъ онаго движеніемъ своимъ къ Калафату будто бы обнаружилъ малочисленность своего отряда и тѣмъ навлекъ настоящія событія, за нужное почитаю изложить вкратцѣ дѣйствія столь осуждаемыя".

„Генералъ-маіоръ Гейсмаръ засталъ отрядъ ему ввѣренный на позиціи въ Радованѣ, авангардъ въ Чароѣ, весь берегъ Дуная отъ Чернеца до Калафата подверженный набѣгамъ безпрерывнымъ Турокъ. Противъ Рахова небольшой отрядъ, также безуспѣшно охранявшій берегъ нижней Ольты и уголъ ею съ Дунаемъ составляемый. Въ Калафатѣ было тогда 12 т. гарнизона. Баронъ Гейсмаръ прибылъ 24-го Іюня; 25-го отрядъ дошелъ до Маглавита; 26-го выигралъ сраженіе подъ Калафатомъ; 12-го Іюля разбилъ вышедшую ихъ кавалерію. До 7-го Августа отрядъ довольствовался на счетъ окружностей Калафата, и вся Малая Валахія, кромѣ весьма рѣдкихъ (близкихъ) набѣговъ малыхъ Турецкихъ партій, была въ нашихъ рукахъ и охраняема. Все это произведено было съ отрядомъ, вообще до 4 т. подъ ружьемъ состоявшимъ. Подъ Калафатомъ послѣ 26-го Іюня никогда не было болѣе 2.500 человѣкъ. Небольшое подкрѣпленіе, о которомъ генералъ-маіоръ Гейсмаръ не переставалъ и рапортами и письмами просить высшее начальство, поставило бы его въ положеніе удержать и по сіе время всѣ эти полученныя надъ непріятелемъ преимущества. Это ли называютъ обнаружить свою слабость? Вмѣсто того Турки получили подкрѣпленіе и такое, что отрядъ увидѣлъ противъ себя 30 тыс. армію. Нужно ли здѣсь замѣтить, что, до этого новаго обстоятельства, генералъ-маіоръ Гейсмаръ предпріимчивостію и искусствомъ своихъ движеній извлекъ въ прежнемъ своемъ положеніи всѣ выгоды, которыхъ только пожелать можно (а требовать трудно было) и совершенно поддержалъ честь Россійскаго оружія. Наконецъ, несоразмѣрное неравенство силъ дѣлаетъ славу битвъ невозможною; остается (лишь) одна—въ искусствѣ маневровъ. Непріятель, сосредоточивъ до 30 т., не теряя времени, намѣревается 7-го Августа на разсвѣтѣ напасть на малый его отрядъ и вмѣстѣ

обойти его лѣвый флангъ и тылъ 6-го въ 10-ть часовъ ночи получено это извѣстіе и замѣчены подтверждающія оное движенія, и уже въ 7-мь часовъ утра весь отрядъ безъ урона прибылъ въ Чарой. Послѣ этой неудачи, Турки 15-го числа приняли смѣлое намѣреніе, впрочемъ большимъ превосходствомъ ихъ силъ допускаемое, обойти правый флангъ отряда на Галичъ прямо въ Краіовъ, отрѣзавъ ему въ Радованъ прямую туда дорогу, и атаковать оный между тѣмъ и съ фронта. Едва это движеніе стало ясно, какъ того же дня генералъ-маіоръ Гейсмаръ предупредилъ Турокъ въ Радованѣ. Корпусъ 3 т. кавалеріи Турецкой надѣялся, по крайней мѣрѣ, успѣть сжечь Краіовъ, пользуясь бродами рѣки Жіо, между двумя мостами въ Житянахъ и Брястахъ. Онъ успѣлъ придти и переправиться 16-го въ 8 мь часовъ утра въ 2-хъ верстахъ отъ города, но въ туже минуту увидѣлъ передъ собою отрядъ полковника Граббе, наканунѣ для того въ Краіовъ отправленнаго, которымъ былъ прогнанъ назадъ за Жіо, и въ тоже время отрядъ маіора Середина, на Чернецкой дорогѣ стоявшій и движеніемъ Турокъ почти отрѣзанной, къ нему присоединился. Между тѣмъ и самъ генералъ-маіоръ Гейсмаръ съ остальными войсками прибылъ въ Краіовъ и лагеремъ подъ онымъ расположился, наблюдая все, что̀ ему до полученія подкрѣпленій дѣлать остается — переправы на Жіо".

„Оставляю на собственное сужденіе истинныхъ военныхъ людей, заслуживаетъ ли эта точность въ движеніяхъ (минуты, можно сказать, въ соображеніе принимавшая и вездѣ съ успѣхомъ) нѣкотораго вниманія. Утверждаю, что честь въ бою и въ маневрахъ этимъ отрядомъ въ глазахъ непріятеля стяжанная и теперь одна только защищаетъ противъ него Краіовъ".

„Предположивъ, что г.-м. Гейсмаръ остался бы съ самаго начала въ Радованѣ, что̀ бы отъ того лучшаго было? До усиленія непріятеля, т. е. болѣе полтора мѣсяца, весь край около Калафата служилъ бы Туркамъ для продовольствія. Все это время они въ тогдашнемъ своемъ числѣ грабили, къ стыду отряда, береговые по Дунаю округи. Двухъ счастливыхъ дѣлъ и превосходства отъ нихъ послѣдовавшаго не было бы. Отрядъ долженъ бы довольствоваться всѣмъ изъ Краіова и однихъ внутреннихъ округовъ М. Валахіи, теперь уже съ трудомъ отрядъ

довольствующихъ. Но полученіи же Турками нынѣшнихъ подкрѣпленій онъ все же принужденъ былъ бы отступить къ Краіову и, ничѣмъ не получивъ права на уваженіе и осторожность непріятеля, былъ бы вѣрно и здѣсь тотчасъ атакованъ.

„Призываю справедливое сужденіе знатоковъ военнаго дѣла на это краткое и вѣрное изложеніе операцій отряда Малой Валахіи подъ начальствомъ г. м. Гейсмара“.

28-го Августа. Вторникъ. Первый выходъ на воздухъ. Печальный видъ оставленнаго города; низшія сословія однако собираются. Уныніе—слѣдствіе болѣзни и обстоятельствъ. Посѣщеніе генералу. Minna von Barnhelm Лессинга. Вечеръ у меня и ужинъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія о Трансильваніи. Противурѣчащія повелѣнія изъ Слатина. Государь уже вѣроятно возвратился въ Шумлу. Корпусъ князя Щербатова пошелъ на Гирсово.

29-го Августа. Середа. Первый выѣздъ верхомъ на Брюнетѣ въ лагерь. Посѣщеніе Кельнеру, графу Толстому и пѣхотѣ. Часа два въ саду, въ пріятной, хотя унылой задумчивости. Пріѣздъ г-на Рейтерна. Вечеръ и ужинъ у меня. Сближеніе недоразумѣвавшихъ генераловъ. Nathan der Weise Лессинга. Нѣсколько страницъ изъ Малтъ-Брюна.

Kleber, dont la téte s'élevait comme un drapeau au-dessus des bataillons, et qu'on n'a pas apprécié ce qu'il eût pu valoir, parce qu'il obéissait mal et ne voulait pas commander.

Les batailles de Pultusk et d'Eylau auraient dû donner des révélations salutaires. Ce n'était pas des défaites; mais quelle armée, quelle puissance pouvait recommencer souvent de pareilles victoires?

La conversation de Napoléon renfermait une séduction inexprimable, et nous ne connaissons pas d'homme qui ait possédé au même degré que lui le secret de pénétrer dans les coeurs de ceux qui l'écoutaient. Nos vieilles bandes frémissaient d'un saint respect à la vue des aigles de la légion. En 1795, la brigade de Latour-d'Auvergne que les Espagnols avaint surnommée la colonne infernale, à cause de l'effroi qu'elle leur inspirait sur le champ de bataille, campait en Biscaye dans des vergers plantés de cerises, et les grenadiers n'osaient pas cueillir les cerises aux branches qui pendaient sur leurs tentes. Quand le tumulte des batailles était appaisé, ils revenaient se faire aimer, un à un, aux mêmes lieux où ils s'étaient fait détester en masse.

L'ancienne armée royale de France était composée de deux classes distinctes: les soldats comdamnés à tout mériter, sans rien obtenir, et les officiers appelés à envahir les grades sans avoir pris la peine de les gagner. Cette dernière classe se subdivisait en noblesse de province et en noblesse de cour. L'une fournissait d'un certain nombre de militaires appliqués au métier et beaucoup d'amateurs pour qui le service était un simple passetemps. L'autre peuplait les régiments de colonels imberbes et les états-majors de généraux de salon.

31-го. Верхомъ къ мѣсту переправы Турокъ на Сиръ-Томасѣ; въ саду одинъ, потомъ съ генераломъ Гейсмаромъ, вечеръ у меня. Дивизіонный генералъ Ивановъ умеръ отъ ранъ.

1-го Сентября. Прогулка пѣшкомъ и посѣщеніе семейству Бибеско. Хорошо расположенный и съ хорошими фруктами садъ. Къ обѣду хуже. Батальонъ 34-го егерскаго полка съ двумя батарейными орудіями пришелъ въ подкрѣпленіе. Отрядъ сосредоточился у Житянской переправы.

2-го Воскресеніе. Нездоровъ и отдохну еще день, не слѣдуя съ войсками. Невыгодныя извѣстія изъ большой арміи подтвердились. Принцъ Евгеній Виртембергскій допустилъ напасть на себя въ расплохъ, потерялъ восемь орудій и много людей. Армія оставляетъ Шумлу. Эскадронъ С.-Петербургскаго уланскаго полка, посланный изъ Шумлы въ Силистрію, истребленъ Турками. Нашъ отрядъ выступаетъ сегодня въ Радованъ.

3-го Сентября. Понедѣльникъ. Сильно занемогъ. Частые обмороки и чрезвычайная слабость.

4-го. Феррари лѣчитъ меня; своимъ подобострастіемъ приводитъ меня въ нетерпѣніе.

До 9-го Сентября. Все боленъ, но другой день получше. Время наступило холодное; у меня топятъ. Упадокъ нравственныхъ силъ не въ меньшей степени какъ и физическихъ. Къ вечеру ободрительное обращеніе къ Небу. Сколько причинъ къ успокоенію!

До 12-го Сентября. Середа. Свѣдавъ, что Турки въ превосходнѣйшемъ числѣ собираются атаковать малый нашъ отрядъ, еще весьма слабый, отправился въ колескѣ къ нему.

14-го Пятница. Визирь Ибрагимъ-паша Виддинской пришелъ въ с. Боелешти, въ осьми верстахъ отъ Чароя, съ 26 т. и 18 орудіями. Генералъ Гейсмаръ выступилъ противъ него съ 4 т. и 14-ю орудіями въ осьми двухротныхъ кареяхъ: два въ

головѣ и центрѣ, остальные уступами по два назадъ и два въ резервѣ за центромъ. Кавалерія подъ моимъ начальствомъ между карэями; по дивизіону Каргопольскаго драгунскаго полка по флангамъ, три эскадрона Новороссійскаго и 4 кон. орудія въ резервѣ за центромъ. Въ 2 часа по полудни началось сраженіе съ нашей стороны двумя 12 фунтовыми орудіями центра. Турки тотчасъ открыли весьма хорошо направленныя 18 орудій, изъ которыхъ много вреда намъ причиняли. Кавалерія ихъ кинулась на правый нашъ флангъ, но дивизіей Каргопольск. опрокинута, потомъ на лѣвой и покушалась прорваться въ Чарой къ полному нашему вагенбургу, но также Новорос. двумя эскадр. предупреждена и прогнана; резервы вездѣ поддержали успѣхи. Такъ прошелъ день; ничего рѣшено не было. Они оставляли насъ по видимому до завтрева и спокойно расположились у насъ въ виду въ своемъ лагерѣ. Но не знали они, съ кѣмъ дѣло имѣли. Когда совершенно стемнѣло, генералъ Гейсмаръ построилъ пѣхоту въ восемь колоннъ къ атакѣ, всю кавалерію и артилерію въ резервѣ и сначала шести колонамъ, а потомъ и двумъ гренад. приказалъ идти прямо на Турецкій лагерь въ селеніе. Кавалерію застали вовсе въ расплохъ, т.-е. сонныхъ и впереди. Перестрѣлявъ и переколовъ ее множество, она первая съ главнокомандующимъ и важнѣйшими чиновниками спаслась. Пѣхота оборонялась. Многіе въ домахъ не принимали пощады. Селеніе вспыхнуло. Множество ихъ сгорѣло. Весь лагерь съ богатой добычей, 507 чел. плѣнныхъ, семь орудій, 24 знамя достались намъ въ руки. Побѣда полная и Суворовская. У насъ 600 чел. съ небольшимъ изъ строя вонъ.

17-го Понедѣльникъ. Пріѣхалъ весьма слабый въ Краіовъ, побѣдою уже послѣ опустѣнія своего оживленный.

21-го Суббота. Послѣ важной болѣзни начинаю, кажется, оправляться.

30-го Воскресенье. Все болѣнъ. Получилъ въ это время письмо отъ Н. Н. Шереметевой, Нат. Ив. Пассекъ и П. Г. Галагана. Вчера прогулка до дому Феррари, въ колескѣ. Первая совершенно хорошо проведенная ночь. Петерсъ на дняхъ пріѣхалъ и у меня остановился. Malte-Brun много помогъ мнѣ провести безъ скуки долгіе дни болѣзни, сильно на нравъ дѣйствующей. Подъ вечеръ прогулка въ колескѣ около города.

Приближеніе подкрѣпленій и приготовленія къ приступу. Надобно выздоравливать.

1-го Октября. Докторъ Савинъ, меня пользовавшій, уѣхалъ. Полк. Шилингъ генеральн. штаба, товарищъ дѣтства въ Сухопутн. Корпусѣ, назначенный сюда комендантомъ, вѣроятно за глухотою, пріѣзжалъ ко мнѣ, ѣздилъ назначать мѣста для редутовъ, которыми обезпечиться должны зимовыя квартиры въ Краіовѣ. Сильный градъ.

2-го. Вчера досидѣлись въ вистъ до половины двѣнадцатаго. Избѣгать этого. Не знаю почему, живое воспоминаніе праздниковъ Екатерины, натурально по описаніямъ и разсказамъ только мнѣ извѣстныхъ. Замѣчаю, какъ признакъ пробужденія дѣятельности душевныхъ силъ.

3-го Октября. Вчера пришелъ Ладожскій пѣхотный полкъ; прибыли въ отрядъ генералы: Плоховъ, Кузьминъ и Жиленко Сильный и холодный вѣтеръ. По ночамъ стрѣльба въ городѣ; все еще безначаліе.

6-го Октября. Вчера утвердилъ выбранныя мѣста для семи редутовъ вокругъ Краіова. Скучный вечеръ одинъ. По утру посѣщеніе коменданту, полковнику Шиллингу и каймакаму. Они проводили меня въ объѣздъ окружностей.

Mais cette monarchie qui, dans si peu d'années s'est élevée à un si haut degré de splendeur, porte aussi dans son sein les germes d'une décadence rapide et inévitable. Quelques ménagements que les Anglais gardent envers les Hindous, quelques soins qu'ils prennent pour faire respecter les lois de Menou et pour ranimer l'étude des livres sanscrits, l'orgueil et l'intolérance ne laisseront jamais oublier qu'ils sont pour tout fidèle Hindous des étrangers, des barbares, des gens sans caste, vivant sans loi, mangeant une nourriture animale, comme les Parias tout abhorrés. La fureur du prosely tisme, qui anime et le clergé anglican et les sectes diverses, surtout les méthodistes, à déjà excité l'indignation des Bramines et causé des desordres sérieux. Les meilleurs politiques de l'Angleterre considèrent ces tentatives de répandre le christianisme comme une expérience très dangereuse pour la sûreté et la tranquillité de l'Inde. La seconde cause de décadence est inhérante à la faiblesse de l'armée européenne régulière que cependant la compagnie a déjà trouvé difficile à gouverner. Des troubles récents ont trahi ces funestes secrets. L'embarras financier où se trouve la compagnie, ré-

sultat d'une administration peu scrupuleuse, s'augmente depuis qu'elle a étendu son empire sur les possessions hollandaises de Malaga, de Java, de Macassar et des Molluques. Comment garder d'aussi vastes colonies, comment entretenir les relations avec tant de nations barbares et belliqueuses sans une dépense entièrement hors de proportion avec la faible augmentation du commerce qui en a été le fruit? Déjà l'on prévoit, à l'expiration prochaine de la chartre de la compagnie, ou la dissolution, ou la réforme d'une association qui ne peut plus combiner ses spéculations mercantiles avec la grandeur politique. On ne peut que perdre de deux côtés quand on veut faire le commerce en sultan et faire la guerre en marchand. Un voyageur anglais, lord Valentia, avoue hautement une quatrième source de désordres, c'est l'accroissement rapide et étonnant de la caste des mitis, descendants des pères européens et des mères indiennes, caste déjà fort arrogante au Bengale, et qui semble prétendre à de grands droits politiques. La cinquième et principale raison que nous avons pour prédire la chute de l'empire Britannique, c'est ce noble orgueil qui rend toutes les nations impatientes d'un joug étranger. Même en la supposant bienfaisante pour le peuple Hindou, la domination britannique pésera non seulement sur les orgueilleux et perfides Musulmans, mais encore sur l'esprit actif et ambitieux des Bramines et des Rajepoutes. Un jour à la voix de la religion et de l'honneur on verra quelque nouveau Sandracottus soulever cette immense population, accabler le petit nombre d'Européens et rétablir le trône des monarques indiens.

13 го. Вчера, въ 9 ч. утра, отрядъ вошелъ въ укрѣпленія Калафата, оставленныя къ общему удивленію по неизвѣстной причинѣ Турками.

14-го. Проснулся бодрѣе обыкновеннаго. Вчера и третьяго дня ѣздилъ верхомъ. Вечеромъ былъ у генерала Плохова и до полуночи у Кельнера въ первый разъ. Чувство возвращенія здоровья, хотя еще невольное глубокое уныніе. Сегодня общій молебенъ за очищеніе отъ Турокъ всей Малой Валахіи. Погода стоитъ прекрасная, край живописный, квартира хорошая и удобная, здоровье начинаетъ возвращаться, а сердце у меня все сжато, все еще письма тѣхъ кого люблю лежатъ разбросаны безъ отвѣта.

15-го. Съ Сегюромъ провелъ вчерашній день весь дома.

Каймакамъ сію минуту принесъ извѣстіе, что Варна 25-го Сентября взята штурмомъ *). Злотницкій проѣхалъ ночью.

Le contre-poison des prestiges de la cour est un changement de règne: le coeur alors paraît à nu; toute illusion cesse; le roi mort n'est plus qu'un homme et souvent moins. Il n'y a point de coup de théâtre plus moral et plus propre à faire refléchir.

Ils ne savaient pas que chez la plupart des hommes rien n'est plus opposé à leur intérêt bien entendu que leur égoïsme.

La paix est le rève des sages; la guerre est l'histoire des hommes. La jeunesse écoute avec tristesse celui qui prétend la mener au bonheur par la raison; elle suit avec un invincible attrait ceux qui, tout en l'égarant, l'entraînent à la gloire.

Ces âmes fortes me paraissent les géants de la fable, s'efforçant en vain de soulever les montagnes qu'on avait entassées sur eux.

16-го. Сдалась Варна. 2-го Октября Государь уѣхалъ въ Петербургъ. Вчера пріѣздъ г. Туманскаго, хорошаго знакомаго по Ярославу и пріятнаго поэта. Никакихъ вѣстей изъ Калафата, не смотря на пріѣздъ Злотницкаго. Вечеръ провелъ за вистомъ съ Кельнеромъ.

17-го. Морозъ. Мысль отправиться къ осадѣ Силистріи. Lettres de m-r Ancelot. Визитъ Туманскому и Кельнеру. Прогулка верхомъ. Вечеръ у меня въ живомъ разговорѣ, послѣ многихъ недѣль безмолвія. Все не соберусь писать. Происшествія около Силистріи могутъ сдѣлаться важны.

18-го. Холодный вѣтеръ. Vaudoncourt. Туманскій у меня обѣдалъ. Вечеръ у меня съ каймакамомъ и пр.

Solitude, oh, combien je t'aime!
Ton calme aux coeurs souffrants offre un charme suprême,
Un attrait séducteur qui ne trompe jamais...

23-го. Большой снѣгъ. Waterloo, описаніе Водонкура. Пріѣздъ генерала Гейсмара. Радость свиданія съ нимъ.

18-го Ноября. Въ двадцать дней, что̀ я не видалъ своей книги, лихорадка меня оставила; пилюли Имзена, кажется, прервали ее. Я примѣтно оправился и тѣломъ и духомъ въ ежедневномъ обществѣ Гейсмара и его жены, моей племянницы.

---

*) Сдалась на условія.

Между тѣмъ получилъ отпускъ въ Россію по 1-е Апрѣля для поправленія здоровья, которымъ бы по пріятному моему здѣсь положенію не воспользовался, когда бы не побуждали меня къ тому обязанности родства, дѣла по имѣнію и желаніе обнять передъ будущею вѣроятно жаркою кампаніею любезныхъ мнѣ людей въ Малороссіи. Записки Казановы доставили мнѣ эти дни пріятное развлеченіе. Удовольствіе принесли мнѣ письма изъ Россіи.

И такъ эта кампанія, подъ дурными предзнаменованіями для меня начавшаяся, благодаря перемѣнѣ начальника отряда и дарованіямъ военнымъ генерала Гейсмара, кончена очень счастливо, хотя по представленіямъ вышнему начальству еще ничего нѣтъ. По письму необыкновенно почтительному правителя Сербіи князя Милоша побѣда подъ Боелешти сдѣлала имя Гейсмара ужасомъ для Турокъ. Онъ въ нѣсколько часовъ много выросъ. Судьбѣ одной извѣстно, что̀ его еще ожидаетъ; но она ничѣмъ его̀ изумить не можетъ. Впрочемъ мы взаимно признались, что послѣ тринадцати лѣтъ мира мы не совсѣмъ себя и для войны нашли такими, какъ тогда были. Служеніе Марсу и Венерѣ равно требуетъ бодрой молодости. Я за счастіе считаю, что съ нимъ встрѣтился и нашелъ, сохранилъ всю его довѣренность.

19-го Ноября. Какое-то раздраженіе, послѣдствіе продолжительной болѣзни. Ошибки главнаго управленія Молдавіи и обѣихъ Валахій; пагубныя слѣдствія оныхъ. Сербскій князь Милько, на котораго любовался въ дѣлѣ, какъ на славнаго наѣздника, въ парадной шубѣ и въ туфляхъ на вечерѣ у Гейсмара пренеловкій.

20-го Ноября. Весь день у Гейсмара. Ввечеру полученъ приказъ о назначеніи его въ генералъ-адъютанты за отличіе противъ Турокъ. Язва усилилась въ Бухарестѣ и въ окружностяхъ. Кинбурнскій полкъ зараженъ и выдержитъ карантинъ. Прогулка съ Гейсмаромъ и его женою въ каретѣ за городомъ и потомъ на *Плембарѣ*, т.-е. по большой и тѣсной улицѣ города. Письмо къ Государю для Гейсмара и къ Потапову отъ него и отъ себя.

21-го Ноября. Парадъ и обѣдъ у генерала Гейсмара по случаю праздника восшествія на престолъ Государя. Вечеромъ былъ въ клубѣ, на который поѣхалъ съ Гейсмаромъ, съ его женой

и съ прекрасною Галагаванъ. Въ 12 ч. возвратились ужинать къ генералу. Чрезъ часъ выѣзжаю въ Бухарестъ.

9-го Декабря. Воскресенье. Снѣгъ выпалъ въ день моего выѣзда изъ Краіова; но, не довѣряя здѣшней зимѣ, я выѣхалъ въ коляскѣ. Въ Бранковени пріѣхалъ вечеромъ и остался ночевать у Чернецкаго купца Обрана, ничего за ночлегъ принять не хотѣвшаго. Переправа чрезъ Ольту была трудна и не безъ опасности. 2-го вечеромъ пріѣхалъ въ Бухарестъ; остановился у графа А. П. Толстаго. Отъ отпуска въ Россію по продолжительности карантина отказался. Пріятнѣйшій вечеръ провелъ у Дашкова. Вообще пребываніе въ Бухарестѣ меня утомило и даже вредно подѣйствовало на здоровье. 5-го я выѣхалъ ночью, встрѣтилъ моего начальника на дорогѣ. Онъ узналъ мою коляску. Писемъ моихъ, которыя бы его отъ поѣздки въ Бухарестъ удержали, онъ не получилъ ни одного. Прекрасное мѣстоположеніе Слатина на Ольтѣ. Красивый мостъ. Неисправныя почты. Ввечеру 7-го съ удовольствіемъ вступилъ въ свою Краіовскую квартиру. Вчера весь день провелъ весело въ обществѣ моей милой племянницы. Прекрасное время.

10-го Декабря. Понедѣльникъ. Прекрасный день вызвалъ вчера m-me Гейсмаръ ѣхать со мною на встрѣчу къ мужу по Слатинской дорогѣ; заѣхали и взяли съ собою m-me Мавросъ; обѣдъ и вечеръ у m-me Гейсмаръ.

11-го Вторникъ. Тепло, но сильный вѣтеръ. Къ вечеру стали тревожиться о причинахъ, могшихъ задержать г-ла Гейсмара; но въ семь часовъ онъ прискакалъ въ почтовой каруцѣ. Послѣ обѣда верхомъ съ П. Глазенапомъ и Энгельгардомъ до Чернѣлъ. Г-лъ Гейсмаръ съ женою насъ догналъ въ каретѣ. Прекрасное, теплое и тихое время. Красивое освѣщеніе Карпатской цѣпи горъ, снѣгомъ покрытыхъ, при заходящемъ солнцѣ.

12-го Середа. Вѣсти съ разныхъ сторонъ, что Турки намѣрены напасть на отрядъ, въ Чернецѣ расположенный. Приготовленія къ переправѣ за Дунай; лодки 12 аршинъ длины, 4 ширины, 2 пуда желѣза на каждую, веревки въ 35 арш.

13-го Декабря. Четвергъ. Прекраснѣйшій день и ниже признаковъ зимы. Въ банѣ близокъ былъ къ обмороку. Обѣдалъ дома одинъ. Верхомъ на Эммѣ съ большимъ удовольствіемъ.

15-го Намѣренія Турокъ начинаютъ обнаруживаться. Приготовленія противъ нихъ. Пасмурно.

16-го Воскресенье. Немного работы. Письмо въ Секирницу, съ порученіемъ пріискать для покупки имѣніе отъ 100 до 200 душъ въ моемъ сосѣдствѣ для Гейсмара. Разстройство духа подъ личиною веселости и частаго смѣха. Нѣсколько горькихъ воспоминаній. Отчего такая внезапная перемѣна? Этотъ сардоническій смѣхъ пріятнѣе ли тѣхъ высокихъ ощущеній, которыя такъ еще недавно твою жизнь украшали? Что могло такъ сильно потрясти твою вѣру въ прекрасное?

17-го Декабря. Понедѣльникъ. Весь день вчера у Гейсмара. Турки шевелятся противъ Калафата и Чернеца. Нѣсколько неосторожныхъ словъ въ раздраженіи. Безпокойная ночь.

18-го Вторникъ. Вчера пасмурный, туманный день. Небольшая лихорадка. Декламація Глазенапа изъ Петріады Томаса. Посѣщеніе дома Инвалидовъ въ Парижѣ Петра Великаго съ Лефортомъ.

19-го Середа. Пасмурно. Послѣ обѣда снѣгъ. Визитъ съ Гейсмаромъ и его женой семейству Мавроса и съ первымъ г-лу Плохову, очень больному. Подтвержденіе слуховъ и извѣстій о намѣреніи Турокъ напасть на насъ письмомъ графа Ланжерона. 40 т. Турокъ собраны въ Виддинѣ для сего. Предложеніе г. Л. срыть укрѣпленіе Калафата, въ которомъ по его мнѣнію Томскій полкъ слишкомъ выставленъ опасности. Гейсмаръ на то не согласенъ. Письмо къ Л. Мы готовы, хотя опять въ пятеро малосильнѣе Турокъ; но мы дрались и съ успѣхомъ одинъ противъ десяти.

20-го Четвергъ. Глубокій снѣгъ выпалъ. Весь вчерашній день у Гейсмара. Сегодня занемогъ. Г-лъ Гейсмаръ съ женою навѣстилъ меня. Глазенапъ провелъ у меня вечеръ.

22-го Суббота. Необыкновенно глубокій снѣгъ. Мнѣ легче. Arnauld, Biographie de Napoléon. Рапортъ генерала Гейсмара г. Ланжерону о маломъ числѣ знаковъ военнаго ордена, отряду его пожалованныхъ. Письмо къ Ланжерону. Глазенапъ провелъ у меня часть дня. Г. Толстой и баронъ Черкасовъ пріѣхали. Радость свиданія съ первымъ. Трогательное взаимное отношеніе г. Ланжерона съ г. Гейсмаромъ, обоимъ честь дѣлающее.

24-го Понедѣльникъ. Безпокойная ночь. Головная боль поутру. Кончилъ біографію Наполеона, Арнольдомъ написанную. Конецъ самое лучшее. Сраженія описаны неясно, нѣкоторыя искажены. Видно усиліе быть безпристрастнымъ. Въ концѣ высокія мѣста и чувствомъ, и мыслію, и выраженіемъ. Невольная тоска. Подарокъ золотаго рейсфедера съ моею печатью отъ m-me Гейсмаръ.

25-го Вторникъ. Обыкновенное дѣйствіе на меня большихъ праздниковъ — грусть. Остался дома. Визиты; Гейсмаръ навѣстилъ меня. П. Леманъ. Воспоминаніе семейства обоихъ Фоковъ, теперь разсѣянныхъ смертію, болѣзнію и несчастіемъ. Parny. Важныя упущенія по части продовольствія войскъ.

28-го Пятница. Меморія г. Киселеву о продовольствіи, о постройкѣ лодокъ, о крѣпости Турно, о необходимости образованія штаба при отрядѣ. Представленъ въ начальники штаба. О маломъ числѣ награжденныхъ нижнихъ чиновъ, о способахъ постройки повозокъ для подвижнаго магазина и гошпиталя. День у г. Гейсмара. Занимательный разговоръ. Балъ, съ котораго скоро уѣхалъ.

30-го Воскресенье. День у Гейсмара. Полк. Лачиновъ, адъют. г. Дибича, обѣдалъ съ нами. Нескромное раздраженіе и споръ. Недоволенъ собою. Плещеевъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1888 ГОДА.

(Выпуски 1, 2, 3 и 4).

Стр.

Сношенія съ Абиссиніей XVII вѣка. Историческая справка **Д. В. Цвѣтаева**..... 205

Путешествіе стольника **Петра Андреевича Толстаго** 1697 и 1698 годовъ. Съ предисловіемъ его прямаго потомка **графа Д. А. Толстаго.** (Проѣзжая грамота.—Смоленскъ.—Могилевъ на Днѣпрѣ.—Минскъ. — Варшава.—Ченстохово.—Силезія)..... 161

Тоже (Ольмюцъ.—Вѣна.—Венеція.—Падуя)..... 321

Тоже (Морское плаваніе.—Венеція.—Миланъ.—Пасха въ Венеціи)..... 505

Описаніе Кавказскихъ событій (1775—1784). Сочиненіе **Джевдетъ-паши.** Переводъ съ Турецкаго съ предисловіемъ и примѣчаніями **М. А. Гамазова**..... 369

Правительствующій Сенатъ при Екатеринѣ Великой. Статья профессора Кіевскаго университета **В. С. Иконникова**..... 17

Нѣмецкія письма **Екатерины Великой** къ Фонъ-Польману съ объясненіями и послѣсловіемъ **издателя** (судьба Виртембергской принцессы Августы).. 1

Сектантъ Юшковъ на островѣ Эзелѣ (1802). **Е. В. Чешихина**..... 311

Письмо Наполеона Перваго къ князю **А. М. Бѣлосельскому-Бѣлозерскому** (Русская часовня въ Туринѣ)..... 211

Стр.

1812 годъ. Дневникъ конно-гвардейскаго офицера **Ѳ. Я. Мирковича**.. 43 и 215

Записки **Н. Н. Муравьева-Карскаго.** 1821 годъ. Вторая поѣздка въ Закаспійскій край и Туркменію (Наставленіе г.-лейт. Вельяминова.—Елисаветполь.—Огнепоклонники.—Баку)..... 71

Тоже. 1821 годъ. (Челекеньская бухта.—Добываніе воды. — Воскресенское укрѣпленіе.—Русскіе плѣнники.—Появленіе хищниковъ)..... 235

Тоже. Сентябрь—Декабрь 1821 года. (На Восточномъ берегу Каспійскаго моря).—Русскій плѣнникъ.—Воззваніе къ Туркменамъ.—Плаванье по Каспійскому морю. — Островъ Сара. — Лепкорань.—Баку)..... 393

Записная книжка **графа Павла Христофоровича Граббе.** 1828 годъ. (Турецкая война). Въ приложеніи.....

Графиня Е. П. Ростопчина и ея приверженность къ католицизму. Замѣтка **Н. И. Кедрова**..... 489

Изъ Записокъ сенатора **К. Н. Лебедева. Москва въ послѣдніе годы Николаевскаго царствованія**..... 481

Тоже. 1852 годъ. (Характеристика лицъ, мѣропріятій и событій)..... 617

Фельдмаршалъ князь Барятинскій. Его біографія, написанная **А. Л. Зиссерманомъ** I—III (Происхожденіе.—Дѣдъ и

Стр.

отецъ. — Двѣ записки отца о воспитаніи. — Вліяніе матери. — Гувернеръ Дюпанъ. — Москва. — Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ.—Служба кирасиромъ.—Первое появленіе на Кавказѣ.—Рана.—Письмо Колюбакина.—При Наслѣдникѣ Цесаревичѣ. — За границею.—Библіотека Гульянова.—Переписка съ графомъ Вьельгорскимъ.—Свѣтская жизнь въ Петербургѣ)..... 93

Тоже. IV—VI (Маіоратъ.—Вторично на Кавказѣ. — Съ Кабардинцами въ Андіи. — Новая рана. — Георгіевскій крестъ.—Поѣздка за границу)..... 258

Тоже. VII—XI (Поляки на Кавказѣ.—Хасафъ-Юртъ.—Генералъ Фрейтагъ.—Подъ Гергебилемъ. — Болѣзнь и отпускъ.—Оставленіе Кабардинскаго полка.—Военныя дѣйствія въ Чечнѣ.—Козловскій — Слѣпцовъ.—Дѣятельность по управленію)..... 433

Тоже. XII—XIV. (1851 годъ.—Вторженія Шамиля въ Дагестанъ.—Выходъ къ намъ Хаджи-Мурата.—1852 годъ.—Начальство Лѣвымъ флангомъ.—Дѣйствія въ Большой Чечнѣ.—Истребленіе Автура и Гельдыгена.—Малая Чечня.—Смерть Круковскаго.—Чеченскіе плѣнники. — Хаджи-Муратъ. — Сусловъ.—Вревскій.—Переписка съ княземъ Воронцовымъ)..... 553

Мелочи (Н. К. Загряжская.—Отзывъ императора Николая Павловича о вооруженіяхъ Россіи)..... 160

Московскій митрополитъ Филаретъ: I) Мудрость богомудраго. Разсказъ **И. У. Палимсестова**; II) Пастырь и архипастырь (А. В. Никольскій)..... 313

Изъ записной книжки **Е. И. Раевской** (о врачахъ)..... 292

Новое стихотвореніе **Лермонтова** 1841 года 159

Изъ воспоминаній объ А. Н. Островскомъ. (Послѣдніе дни жизни) его секретаря **Н. А. Кропачева**..... 491

Тоже. (Кончина и похороны.—Замѣтки по театральному управленію и выписки изъ посмертныхъ его бумагъ).. 617

М. Н. Катковъ. Историческая поминка **Д. И. Иловайскаго** 129

Княгиня Е. П. Кочубей. Замѣтка **Бибиковой**..... 641

Острое слово **Ѳ. И. Тютчева**..... 643

Къ аресту герцога Бирона..... 643

Новооткрытая библіографическая рѣдкость. **П. А. Ефремова**..... 644

Вышла въ свѣтъ и продается

НОВАЯ КНИГА:

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА.

Николая Барсукова.

Частъ I. Съ портретомъ и факсимиле.

Цѣна 2 р. 50 к.

Продажа производится въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и въ складѣ у издателя А. Д. Погодина: Спб., Литовка, д. 23, кв. 2, куда гг. иногородніе покупатели благоволятъ обращаться съ требованіями; пересылка на счетъ издателя. Книгопродавцамъ при покупкѣ 10 экземпляровъ уступка 20 процентовъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Условія подписки:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста Россійской Имперіи, на годъ 10 р., на полгода 5 р. Безъ доставки и пересылки на годъ 8 р. 50 к., на полгода 4 р. 25 к. Отдѣльныя книжки журнала продаются при редакціи по 1 р., первый томъ 3 р.

Подписка принимается:

Въ Кіевѣ, въ редакціи журнала на Театральной ул. № 4, на Крещатикѣ въ магазинахъ: писчебумажномъ Корчака-Новицкаго и въ книжныхъ—Оглоблина, Розова, Гинтера и Малецкаго, Динтера, Корейво и др.

Редакторъ-издатель **А. Лашкевичъ.**

ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1888 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ).

„Русскій Архивъ“ выходитъ въ 1888 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива“ составятъ три большіе тома, съ приложеніями. Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1888 году съ доставкою—**девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ** на Невскомъ Проспектѣ въ домѣ 49, кв. 74-я (Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1886 и 1887 получаются, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ и большимъ портретомъ Екатерины Великой) по 8 съ перес. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Предметная роспись „Русскому Архиву“ за первыя 20 лѣтъ изданія (1863 — 1882) продается по **одному** рублю съ пересылкою.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**